

Русское сельскохозяйственное представительство в Америке (в свете переписки Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина)

Э.В. ТРУСКИНОВ

Авторское предисловие

Данная книга призвана осветить более подробно, хотя и в сжатой форме, историю поездки Н.И. Вавилова в США в 1921 г. и организацию в Нью-Йорке Отделения прикладной ботаники, созданного для обмена между двумя странами семенами растений и научной литературой. Поскольку экономическое положение России только что вышедшей из братоубийственной и разорительной гражданской войны было чрезвычайно тяжелым и усугублялось жестоким голодом, разразившимся в Поволжье от неурожая хлебов, понятно, что подлинного обмена в то время быть не могло. Нью-Йоркское отделение должно было стать филиалом Отдела прикладной ботаники при Сельскохозяйственном Ученом комитете, который вскоре был преобразован в Государственный институт опытной агрономии (ГИОА). Главной его задачей было снабжать Советскую Россию самым необходимым: сортовыми семенами культурных растений.

Многое из этого периода деятельности Н.И. Вавилова известно и опубликовано, однако, есть и не совсем известные, а также и вовсе не раскрытые факты. Есть, к сожалению, и тенденциозно освещенные, а то и совершенно извращенные. К их числу надо отнести некоторые факты, изложенные в антивавилонских по сути брошюрах профессора В.И. Пыженкова, в частности «Н.И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро по прикладной ботанике» (2007 г.). Начнем с того, что в самом ее названии уже имеются неточности: Бюро по прикладной ботанике было преобразовано в Отдел еще при Р.Э. Регеле. Нам приходилось уже комментировать это в своей брошюре «Тени прошлого и настоящего – современные попытки дискредитации научного и гражданского наследия академика Н.И. Вавилова» (2007 г.). Это было необходимо для исправления однобокой позиции В.И. Пыженкова, выхватившего для своих субъективных умозаключений письма лишь одной стороны - Д.Н. Бородина, полностью проигнорировав другую, им критикуемую. Вместе с тем в первом томе Международной переписки за 1921-1927 гг., изданном в 1994 г., писем Н.И. Вавилова к Д.Н. Бородину более чем достаточно (более 40) и выбрать при такой интенсивной переписке что-то из Н.И. Вавилова не только можно, но и нужно было сделать. Однако В.И. Пыженков этого не сделал, поэтому все его рассуждения о Н. И Вавилоче по поводу этой переписки выглядят односторонне и не убедительно, а тенденция очернительской критики особенно навязчивой. В этой своей работе мы хотим, во-первых, восполнить тот искусственный пробел в односторонне данной переписке этих двух столь разно значимых для науки людей за счет прочтения и осмысления писем как того, так и другого, а, во-вторых, дать ей иную, объективную оценку.

Для начала все-таки надо вернуться к истории поездки Н.И. Вавилова в США в 1921 г. В июле этого года в США, в Северной Дакоте должен был состояться фитопатологический съезд по болезням зерновых культур. Н.И. Вавилов и А.А. Ячевский получили на него именные приглашения. Оба не только возглавляли Отделы Сельскохозяйственного Ученого комитета: Н.И. Вавилов - прикладной ботаники, А.А. Ячевский – микологии и фитопатологии, а были признанными и ведущими каждый в своей области науки учеными. Н.И. Вавилов еще в 1919 г. опубликовал свою работу «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», явившись фактически одним из основателей учения об иммунитете растений. Основные его положения не утратили своего значения и в наше время. Грибными болезнями зерновых он занимался, будучи еще студентом и стажирясь затем в 1913 г. в Англии у Р. Биффена в Кембридже и у В. Бетсона в Мертоне. Поэтому намек или утверждение В.И. Пыженкова, что Н.И. Вавилов пересек дорогу и помешал поездке в США преподавателю Агрономического института профессору Н.А. Наумову, также имевшему личное приглашение на съезд, может быть с его точки зрения важно, но, по сути дела, не существенно и никак не обесценивает значения поездки Н.И. Вавилова в США, Канаду, а затем по странам Европы. Правда, лишь в том, что для Н.И. Вавилова преподавание в институте на организованной и возглавляемой им кафедре селекции не было главным делом жизни. На первом месте всегда была наука и Отдел прикладной ботаники, ставший потом институтом его имени (ВИР).

Решение о командировке Н.И. Вавилова и А.А. Ячевского в США принималось на самом высоком уровне Совета Труда и Оборона, а не соизволением ректора Агрономического института или Наркомпроса. Решение это стоит привести полностью, чтобы не было никакого сомнения, кто и зачем посылал Н.И. Вавилова в США, за какой и чей счет:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ»

Принимая во внимание исключительную важность вопросов борьбы с болезнями и повреждениями сельскохозяйственных растений и необходимости в самой полной мере использовать опыт и достижения Западной Европы и Америки за годы войны и революции в области сельского хозяйства, Совет Труда и Оборона постановляет:

1. Командировать членов Сельскохозяйственного ученого комитета профессоров А.А. Ячевского и Н.И. Вавилова в Северную Америку и Западную Европу на четыре месяца.
2. Предложить Наркомфину и Внешторгу выдать им золотой валютой двести одиннадцать тысяч семьсот пятьдесят рублей из 20-миллионного фонда по п.7 постановления СНК от 31/V на надобности некоторых наркоматов и учреждений на расходы по приобретению новейшей сельскохозяйственной литературы, научных приборов и на расходы по командировке.
3. Наркоминделу принять все меры к самому срочному выезду означенных лиц в командировку.

За председателя Совета Труда и Оборона

А.И. Рыков

Секретарь Совета Труда и Оборона

Л. Фотиева

В некоторых литературных источниках говорится, что командированных снабдили золотой валютой также для закупки семенного материала, зерна для покрытия его убыли в результате разразившегося страшного голода в Поволжье. Возможно, были какие-то особые инструкции и источники валюты, направленные на эту цель, а командированные выполняли лишь роль экспертов, содействующих ее осуществлению. Из данного постановления этого не видно, однако это утверждается в книге П. Бережного и Р. Удачина «На Костре» (2001 г.), где пишется, что была создана специальная правительственная комиссия Наркомзема РСФСР по закупке продовольствия и семян сельскохозяйственных культур в Америке, а Н.И. Вавилов как член этой комиссии принимал участие в переговорах с Министерством торговли и промышленности США о закупке и завозе их в Россию. Факт этих переговоров был засвидетельствован и А.А. Ячевским. Когда речь идет о золотой валюте не совсем ясно, что при этом имелось в виду: ассигнации, золотые монеты или слитки. Наступала пора НЭПа и вводился в торговый оборот, так называемый, золотой червонец. Интересный факт приводится на этот счет в книге современного американского автора Питера Прингла о Н.И. Вавилове (Pringle, 2008 г.) В главе 10, «Слитки платины» он пишет, что у Н.И. Вавилова были при себе слитки драгоценного металла, но не было при себе долларов. Поэтому по прибытии его на пароходе в Нью-Йорк он не мог бы попасть в город, если бы его не встречал Николай Макаров, бывший муж его умершей сестры Лидии, эмигрировавший до того в США и внесший за него залог 300 долларов. Похоже, что это так и было, хотя по нашим нынешним временам не понятно, как можно было ехать в США, не имея какой-либо наличной американской валюты. Но тогда было другое время, ни дипломатических, ни экономических отношений между Россией и США не было, а соответственно и нормального обмена валют тоже.

Интересным и не маловажным представляется и тот факт, что командированные так и не попали на съезд, который проходил в Северной Дакоте 19-22 июля (Есаков, 2008). Поездка была связана с огромными трудностями бюрократического характера. Основные хлопоты выпали на долю Н.И. Вавилова как более молодого и энергичного участника поездки. Главная проблема для него в этот раз, как и во многие последующие его поездки, было получение виз. Поскольку дипломатических отношений с США в то время еще не было, пришлось выбирать обходные пути через прибалтийский морской порт Либаву. Ну, а там, перед тем, как сесть на пароход, пришлось потерять три недели. В итоге, они отправились морем, когда съезд уже окончился. В своем письме Е.И. Барулиной он признавался: «Если бы я узнал раньше, каких хлопот будет стоить Америка, м.б. воздержался бы от этого предприятия. С утра до ночи хожу, пишу бумаги и

обхожу всю Москву. Нужны заключения всех ведомств: ЧКа, ин (остранных) дел, наркомзем, наркомфин, рабкрин, Внешторга, Совнаркома etc... Хлопоты веду один, здесь, конечно, никто ничего не сделал, а Ячевский уже в Питере Выехать за границу, да еще с золотом, это такое предприятие, что мне еще самому кажется невероятным. Но попробую дерзать. Слишком много затрачено энергии. Поездка нам всем даст так много, что надо попытаться». Весь ход дальнейших событий, пребывание Н.И. Вавилова в США, Канаде, странах Европы на обратном пути показал, что все его мытарства и хлопоты были не напрасными, они принесли очень весомые плоды, в том числе организацию Нью-Йоркского бюро прикладной ботаники. Вся командировка, вместо запланированных четырех месяцев, продлилась более полугода.

Что касается переписки Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина в односторонней трактовке В. И. Пыженкова, данной им в своей брошюре, то поначалу, читая и комментируя ее, мы исходили из того, что у автора не было доступа к вавиловским письмам, но уже первый том международной переписки Н.И. Вавилова полностью снял это предположение. Ознакомившись с материалами этого тома, стало ясно, что автор воспроизвел отрывки писем Д.Н. Бородина именно оттуда, выдергивая нужные ему цитаты, представляющие как ему казалось и хотелось, в весьма невыгодном свете Н.И. Вавилова, письма которого он вообще проигнорировал. Как уже отмечалось, это сильно снизило научную и познавательную ценность брошюры, а тенденциозная антивавилонская направленность сделала ее и вовсе ущербной. Ущербной скорее для автора, чем для Н.И. Вавилова, авторитет которого зиждется не на чьих-то зыбких домыслах, а на непоколебимом фундаменте всего сделанного этим действительно великим ученым и замечательным человеком. Взвзвись за эту работу, мы ставили основной ее целью не столько полемику с В.И. Пыженковым, сколько исходили из убеждения, что показ взглядов, забот, поручений обеих переписывающихся сторон даст гораздо более емкую и объективную картину человеческих взаимоотношений, рабочей связи между этими людьми, а главное, деятельности их совместного учреждения, каковым стало Нью-Йоркское Бюро по прикладной ботанике.

Введение: переписка Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина как отражение истории русско-американского сотрудничества в области агронауки в 20-30 годы прошлого века.

Обращаясь к истории почти 12-летней переписки Н.И. Вавилова с Д.Н. Бородинами, надо сразу же отметить, что созданное ими Нью-Йоркское Бюро прикладной ботаники просуществовало в первичном своем состоянии не более трех лет, с октября 1921 г до мая 1924 г. Затем его преобразовали в Сельскохозяйственное бюро, и в качестве такового оно стало представительством Народного комиссарата земледелия РСФСР (Наркомзем) в США и работало до апреля 1927 г. Таким образом, за эти

почти шесть лет, половину срока Д.Н. Бородин не был уже в непосредственном подчинении у Н.И. Вавилова, хотя весьма активно с ним переписывался, делился своими проблемами, домогался его поддержки. За все это время учреждение сменило несколько названий. Д.Н. Бородин сначала называл его Бюро, тогда как Н.И. Вавилов предпочитал Отделение прикладной ботаники, иногда присоединяя сюда энтомологию, учитывая большое участие в финансировании учреждения Отделением защиты растений (ОЗР). После того, как возникло Русское сельхозбюро в Америке, Д.Н. Бородин стал его именовать также Русским сельскохозяйственным агентством (Russian Agricultural Agency), а себя его директором. Дело, однако, было не в названии, а в круге и сути поставленных задач. Если в первоначальном своем виде Нью-Йоркское Бюро или Отделение прикладной ботаники должно было в основном заниматься интродукцией культурных растений и их диких родичей из Америки в Россию, а также высылкой научной литературы, то затем, став Сельскохозяйственным Бюро НКЗ, оно должно было существенно расширить масштаб своей деятельности, занявшись снабжением всего аграрного сектора не только семенами, но и сельхозоборудованием, а также импортом пород животноводства. На этой почве между Н.И. Вавиловым и Д.Н. Бородиным возникли первые расхождения по характеру и объему выполняемой Бюро работы. Они нашли свое отражение в переписке за 1922-1925 гг.

На первых этапах их сотрудничества вопрос об объемах посылаемых образцов в основном обострялся Д.Н. Бородиным, которому казалось нерентабельным посылать граммы семян вместо тонн и бушелей. Он совершенно не учитывал той бедственной обстановки, в которой находилась тогда российская наука, да и страна в целом. Выделяемые на нее средства были крайне урезанными. Об этом Н.И. Вавилов постоянно писал и напоминал Д.Н. Бородину. К тому же ему для научных целей поначалу и не нужны были тонны, для него было важно, прежде всего, видовое и сортовое разнообразие присылаемого материала. В дальнейшем, когда разрослась и укрепилась сеть опытных станций Института, эти образцы были в должной мере разосланы, размножены и изучены в ходе вавиловской глобальной программы географических посевов. Институт обрел возможность самому посылать русский семенной материал за границу, в том числе в Америку, налаживая нормальный интродукционный обмен. Но это случилось несколько позже, в 1925 г., когда Институт по-настоящему встал «на ноги». Именно тогда Вавилов пишет: «Начинаем разбираться в мировой географии сортов. Ваши заветы о работе с пудами не забываем, и думаю через пару лет, если Вы пожелаете к нам, то кое-что будет сделано и в этом отношении». А пока, в начале 20-х годов, на которое выпала организация Нью-Йоркского Бюро, в России было не до науки, надо было выживать, спасать голодающих, и хлебное зерно пудами шло из-за границы в основном по линии благотворительных организаций, в том числе американских (АРА, Джойнт и др.).

Известные трение между ними, особенно на первых порах, создавала обоюдная неудовлетворенность, даже какая-то ревность со стороны Д.Н. Бородина, привлечением Н.И. Вавиловым для совместной работы других русско-американских организаций, например Сельскохозяйственного (Розен и Ко), а со стороны Н.И. Вавилова отвлечение Д.Н. Бородина на другие работы и партнерские отношения. Именно это послужило причиной довольно сердитой отповеди в одном из вавиловских писем: «Заподозрить нас в сепаратизме, во всяком случае не приходится и поэтому Ваше обслуживание всея Руси за наш счет, конечно нас не может удовлетворить. Мы просим о немногом, мы просим доставать материал тот, который нужен... Словом, Дмитрий Николаевич, совершенно спокойно должен сказать, что Нью-Йоркское отделение становится мало рентабельным для Отдела ботаники...». Это из переписки 1923 г., когда Д.Н. Бородину действительно очень много времени пришлось потратить на подготовку материалов для Сельскохозяйственной выставки, которая состоялась в августе этого года в Москве, что он и сам признавал: «Наша энергия с января по июль, правда, направлена почти на 45% на выставку... Прошу во избежание недоразумений считать, что на Бюро прикладной ботаники мы почти совершенно не работали в 1923 г., не имели средств, которые были обещаны». Со средствами от Н.И. Вавилова действительно все время было напряженно, во многом помогал ОЗР, зато очень большие средства были отпущены Советской властью на первую в СССР Сельскохозяйственную выставку (14 миллионов рублей, очевидно, золотом), в которой принимали участие и американцы, включая Нью-Йоркское Бюро прикладной ботаники.

Для Д.Н. Бородина с самого начала собственно интродукционная работа показалась слишком ограниченной и узкой для его деятельной натуры, хотя инициатива «транслатации американских культурных и диких видов растений в Россию» исходила именно от него, а Н.И. Вавилов мгновенно оценил и одобрил ее, активно поддержал создание Нью-Йоркского отделения прикладной ботаники во время своего первого визита в Америку в 1921 г., лишь исправив термин: «Слово трансплантация нужно заменить словом интродукция». По приезде из Америки и Западной Европы он известил Наркомзем, что в октябре 1921 г. открыл в Нью-Йорке представительское отделение Отдела прикладной ботаники «с целью установления постоянных отношений с американскими опытными учреждениями, с целью отбора образцов растений и семян и научной литературы для русских опытных учреждений». Если с Д.Н. Бородиным все было более или менее ясно, и он в то время ничем особо не рисковал, то для Н.И. Вавилова это был довольно смелый и ответственный шаг, т.к. его инициатива еще никак не была принята и одобрена вышестоящей правительственной инстанцией (Наркомзем РСФСР), и условия в стране еще мало подходили для такого представительства, тем более, что до установления нормальных дипломатических отношений между СССР и США еще было долго (установлены лишь в 1933 г.)

Порядком уже «американизированного» Д.Н. Бородин, сразу взявшегося за дело очень энергично, не будучи еще утвержденным заведующим Отделением, первоначальный масштаб работы определенно не удовлетворял. Названная Н.И. Вавиловым цифра 20000 образцов, уже пересланных в Россию, вызывает удивление, даже некоторое недоверие, когда успели и на какие средства? Правда, какой-то суммой Д.Н. Бородин снабдили (в том числе в виде драгметалла – платины). Далее этой суммы и вообще денежных средств ему явно не хватало (это будет почти на всем протяжении его работы на русской службе), и он начинает искать какие-то иные источники финансирования и дохода. Сама интродукция и прикладная ботаника его явно в этом отношении не удовлетворяет. Он ищет каких-то коммерческих сделок, и на этом поприще у него оказываются конкуренты. В плане текущей работы его привлекает возможность широкого экспорта семян для семеноводческих целей, в этом он видит главную перспективу расширения своей работы: «Опытные станции теперь тоже а la семенные хозяйства устроить и пошло бы дело на лад». И вообще в его мечтах не плохо бы «обсеменить» всю Россию американским семенным материалом: «Одним словом, хочу видеть в Ботаническом саду и в опытных станциях американские семена как рассадники американских растений».

У Н.И. Вавилова же совсем другой взгляд на эту проблему. Америка для него не панацея, хотя и очень важный материк, очаг происхождения многих ценных культурных растений. В то время это было «окно в мир» для русских опытных сельскохозяйственных учреждений. Именно так он рассматривал Нью-Йоркское отделение. В поле его зрения, научных ботанических и агрономических интересов уже тогда был весь земной шар. Именно на это он ориентирует Д.Н. Бородин, надеясь на его прямые контакты и связи с известными американскими ботаниками, интродукторами, основательно к тому времени «обшарившими» уже немало мест на нашей планете. Именно в известной ограниченности географических источников интродуцируемого материала источник возникшей неудовлетворенности Н.И. Вавилова работой Д.Н. Бородин. Если тот не доволен ограниченностью веса и объемов высылаемых образцов, то Н.И. Вавилов не удовлетворен не достаточным их количеством и разнообразием форм, известным ограничением мест их происхождения. Это нашло отражение в ряде писем 1923 г.: «О заданиях Бюро с нашей стороны могу сказать следующее, и не обижайтесь за откровенность: лично меня Нью-Йоркское Бюро перестало удовлетворять, ибо того, что нам решительно нужно для работы, оно не выполняет, Америка у нас представлена сравнительно хорошо и весь интерес наш в настоящее время в Старом Свете...». Тот же самый мотив и в другом письме: «Нью-Йоркское отделение за последнее время занято, очевидно, чем-то другим, по крайней мере впустую приходится писать множество писем с просьбой достать то, что нас интересует особенно. Откровенно скажу, что это обстоятельство нас сильно обескураживает и заставляет думать о непосредственном налаживании работы в центре».

К этому времени у Н.И. Вавилова созревает обширный план ботанико-географических экспедиций как наиболее эффективный путь поиска и интродукции наиболее интересного для науки и ценного для практики растениеводства материала. Он активно включается в них сам, совершив очень важные свои путешествия в Афганистан (в 1924 г.), а также в страны Средиземноморья и Абиссинию (в 1926-1927 гг.). Он организует в эти годы и столь много давшую южно-американскую экспедицию Ю.Н. Воронова, С.М. Букасова, С.В. Юзепчука (1925-1928 гг.), экспедицию П.М. Жуковского в Малую Азию (1925-1928 гг), а ранее В.Е. Писарева в Монголию (1923 г.) и др. Американское «окно в мир» распахнулось уже не одной «дверью», а то и целыми «воротами» вавиловских экспедиций мирового значения. Очень хорошие результаты давала и личная переписка с известными ботаниками и интродукторами, в том числе Америки (Г. Харлан, К. Болл и др.), в ходе которой удалось наладить продуктивный обмен семенным материалом, получить очень ценные формы ряда важных культур. Это, конечно, во многом восполнило потребности в них науки и сельскохозяйственного производства, вместе с тем определенно снижая полезность интродукционной деятельности Нью-Йоркского Бюро, которое, однако, являлось Отделением прикладной ботаники лишь до мая 1924 г. будучи затем преобразованным в Сельскохозяйственное Бюро НКЗ РСФСР. Инициатива такого преобразования принадлежала, прежде всего, самому Д.Н. Бородину, хотя Н.И. Вавилов не раз предостерегал его от этого шага и переключения работы Бюро на слишком большой и не совсем ясно очерченный круг обязанностей при довольно ограниченных правах. Но именно на расширении своих прав особенно рассчитывал Д.Н. Бородин, став представителем Наркомзема в Америке, и тут он сильно ошибся, прогадал, о чем его предупреждал Н.И. Вавилов, терпеливо разъясняя ему, что коммерция и сельскохозяйственная наука, включая прикладную ботанику, сферы разные: «Лично у меня большие сомнения о том, что трудно совместить коммерческие задания с заданиями опытных учреждений». Тем более эти сферы трудно стыковались, что находились в компетенции разных Наркоматов: первая - Наркомвнешторга, вторая – Наркомзема, отношения и связи между которыми были далеко не простыми. А именно к закупочной деятельности у Д.Н. Бородин был особый интерес. Законы рынка, коммерческая жилка, как известно, почти наследственно закреплены в крови деловых американцев, не избег, видимо, этого и изрядно «американизированный» новоиспеченный русский менеджер Бородин. Что из этого вышло, видно уже из переписки 1924 г. На этом посту он продержался всего лишь полгода (с 1 мая по 26 ноября), как это и предвидел Н.И. Вавилов, зная неумные устремления Д.Н. Бородина хозяйничать, как ему представляется целесообразным, но совсем не считаясь, насколько это приемлемо для его наркоматовских хозяев и начальников в Москве. Самочинный выпуск Д.Н. Бородиным каких-то «шеров», или что-то вроде акций, ваучеров, паевых бумаг, послужило официальным поводом для его

устранения, хотя сам он видел причины в другом, в том числе в происках недоброжелателей.

Возвратившийся из афганской экспедиции Н.И. Вавилов предпринял все шаги, чтобы восстановить Д.Н. Бородин на работе в прежнем качестве, хотя тот служил уже не по его ведомству. В этой связи стоит коснуться их личных отношений. Именно на них делает акцент В.И. Пыженков в своей брошюре, представляя Д.Н. Бородин чуть ли не страдальцем, а Н.И. Вавилова не благодарным, и даже, по сути, возлагая на него вину за, в общем-то, бесславный конец карьеры заведующего Нью - Йоркским Бюро. Дело же обстоит совсем не так, если объективно смотреть на факты не предвзято изучить их переписку, а даже с точностью наоборот. Часто критикуя Д.Н. Бородин, (а было за что), он вместе с тем отдает должное его энергии, знанию Америки и американских порядков, а хорошей профессиональной подготовке. Не забывает и тех личных услуг, которые тот оказывал ему и его ближайшим сотрудникам в тяжелое время разрухи и голода 1921-1922 гг, отправляя им гуверовские продовольственные посылки. Именно Н.И. Вавилов был главным защитником и поручителем Д.Н. Бородин в Наркомземе, несмотря на существенные расхождения с ним в вопросах характера его деятельности на посту заведующего Отделением прикладной ботаники, а затем Сельскохозяйственного Бюро. И это признает сам Д.Н. Бородин, которого убирали с поста заведующего как раз во время длительного отсутствия Н.И. Вавилова в экспедициях в 1924 и 1927 гг. Именно с ним у Д.Н. Бородин была наиболее долгая письменная связь, продолжавшаяся до 1933 г., уже после своего ухода в 1927 г. И это, несмотря на то, что он рассорился почти со всеми своими партнерами и начальниками: «ведь Вы уже знаете, что я со всеми скребусь, кроме Вас, от Вас же могу выслушать самые сильные эпитеты...». Надо отдать ему должное, Д.Н. Бородин понимает и ценит Н.И. Вавилова как личность в науке выдающуюся, не ординарную, хотя и позволяет себе то подтрунивать над его академизмом, то изъяслять почтение науке *Botanica applicata* с ее «лигула-диогенизмом».

Вообще Д.Н. Бородин в переписке с Н.И. Вавиловым предстает личностью очень неоднозначной и противоречивой. Это проявляется во многом, и, в частности, именно к его отношению к науке. То он от нее демонстративно отстраняется, отдавая приоритет практическим задачам и коммерции, то вдруг впадает в другую крайность. После ухода из Бюро он воспылал тягой к науке, зарываясь в научные опыты довольно спорного толка (митогенетические лучи Гурвича, яровизация по Лысенко). Похоже, что в науке его привлекает, прежде всего, сенсационность, а не кропотливый, исследовательский, «монашеский», по выражению Н.И. Вавилова, труд, для которого он явно не создан. При этом, обижаясь на Н.И. Вавилова, В.В. Таланова и других, на то, что в их публикациях никак не отражен его личный вклад в те или иные дела, хотя сам он, очевидно, не слишком был расположен к ссылкам. Иначе, как можно, объяснить курьезный запрос австралийского ученого Г. Венхольца насчет «последнего открытия

доктора Бородина, касающегося яровизации семян». Или другой пример: Н.И. Вавилов очень упрашивал Д.Н. Бородина в начале южно-американской экспедиции 1925-1928 гг. помочь ее участникам. И Д.Н. Бородин кое-что в этом отношении делал, хотя от личного участия и выделения помощника С.М. Букасову уклонился. Впоследствии он обозвал руководителя этой экспедиции Ю.Н. Воронова «скотиной» за то, что тот написал где-то, что Д.Н. Бородин запросил за свое участие в экспедиции 20000 долларов. Оскорбление – не лучшая форма опровержения. Впоследствии, когда экспедиция уже успешно завершилась, ему вдруг вздумалось самому в ней поучаствовать. Н.И. Вавилов, как известно, отклонил эту инициативу. Во-первых, потому, что экспедиция фактически завершилась и средства на нее были израсходованы, во-вторых, Д.Н. Бородин, действительно обходился казне не дешево, по российским меркам, и в третьих, Н.И. Вавилов сам планировал побывать в тех местах в будущем, что и осуществил в 1930 и 1932 гг. Интересен также тот факт, что в одних письмах Д.Н. Бородин убеждает Н.И. Вавилова не участвовать в рискованных экспедициях, беспокоясь якобы за его жизнь, а в других - призывает к личному участию в них, восхищается их осуществлению, иногда завидует и предлагает совместное участие.

В науке Д.Н. Бородин, конечно, не преуспел, он так и не написал книгу «Полевые культуры США», которую неоднократно и так настоятельно рекомендовал ему подготовить Н.И. Вавилов. А она могла бы оставить какую-то память о своем авторе. В историческом же плане память о нем сохранена в основном лишь благодаря имени Н.И. Вавилова и переписке, которая велась на протяжении ряда лет между ними. Справедливости ради, для ВИРа это имя значит нечто большее: те образцы растений, которые присылались из США в течение 20-х годов прошлого века. Определенная часть их до сих пор сохраняется в коллекции с указанием имени того, кто этот материал послал. Так из 190 образцов сои, им присланных, сохранилось в коллекции ВИР - 35. К бородинскому интродукционному материалу поныне относятся живые еще образцы мягкой пшеницы – 100, овса – 125, ячменя – 150, подсолнечника – 16, хлопчатника – 101. В этом отношении заслуга и вклад Д.Н. Бородина и возглавляемого им учреждения в Америке неоспорима. В течение сравнительно не долгого периода времени это был существенный интродукционный источник снабжения России ценным селекционным и семенным материалом. Поэтому роль Нью-Йоркского Отделения прикладной ботаники, а потом Сельскохозяйственного Бюро для своего времени была чрезвычайно важной. Тому, что деятельность их довольно скоро прервалась, продлившись не более шести лет, есть как вполне объективные, так и сугубо субъективные причины. Среди последних в немалой степени характер самого Д.Н. Бородина, который умудрился за время своей деятельности нажить себе немало врагов, как в Америке, так и России. И вины в этом Н.И. Вавилова не прослеживается никакой. Наоборот, он сделал очень многое для того, чтобы защитить Д.Н. Бородина от разных нападков и продлить, насколько только можно было, столь нужную работу

Нью-Йоркского отделения, в организации которого он принимал столь деятельное участие. Если бы не Н.И. Вавилов, этого учреждения вообще бы не было.

Глава 1. История создания Нью-Йоркского Бюро прикладной ботаники

Следует признать, что инициатором, так сказать затравщиком идеи создания Нью-Йоркского Бюро прикладной ботаники явился Дмитрий Николаевич Бородин – русский агроном-энтомолог, работавший на Полтавской опытной станции, на которой в 1910 г. практиковался, будучи студентом, и сам Н.И. Вавилов. В 1918 г. Д.Н. Бородин отправился по служебным делам в США и там остался. Целью его деятельности явилась интродукционная работа по примеру известных американских интродукторов растений. «Сделать то, что они сделали, для России, решил я тогда...». История его знакомства с Н.И. Вавиловым и договоренность о создании Нью-Йоркского Бюро изложена с его слов в Обозрении Американского сельского хозяйства за 1925 год (т.2, № 1; есть в т. 1 международной переписки Н.И. Вавилова). Узнав о прибытии в США русских ученых, профессоров А.А. Ячевского и Н.И. Вавилова, Д.Н. Бородин решил ознакомить их со своей идеей, составив и передав через третьих лиц записку с предложением организовать «трансплантацию американских культурных и диких видов растений в Россию». Вскоре в кабинете одного из профессоров Колумбийского университета он неожиданно столкнулся с Н.И. Вавиловым, который заявил буквально следующее: «Записку получил. Слово трансплантация нужно заменить словом интродукция. Идея правильная. Подробности вечером». Вечером 20 сентября 1921 г. в г. Беркли в штате Калифорния, как пишет Д.Н. Бородин, «профессором Н.И. Вавиловым, командированным в Соединенные Штаты Сельскохозяйственным комитетом, был заключен письменный договор об организации мной интродукции культурных и диких растений из Нового Света в Россию». Во всей этой истории, изложенной Д.Н. Бородиным, не понятно лишь столь быстрое, дневное перемещение фигурантов соглашения из Колумбийского университета в Нью-Йорке в Калифорнию.

Судя по всему, созданное Д. Н. Бородиным совместно с Н.И. Вавиловым предприятие, было организовано не на пустом месте и что-то до того уже было предпринято по сбору и рассылке семян растений в Россию. Трехлетнее пребывание Д.Н. Бородина в США, очевидно, не могло пройти впустую, надо было, в конце концов, на что-то жить. Договор с Н.И. Вавиловым позволял претворить задуманную, и, возможно, уже начатую работу в солидную организационную структуру, каковой явилось Бюро по прикладной ботанике. Было, видимо, ранее арендованное и приспособленное для этой работы помещение в Нью-Йорке. В первом томе международной переписки Н.И. Вавилова приведена фотография этого помещения, датированная 1922 годом. На заднем плане изображен якобы Н.И. Вавилов. Однако на ней не так просто признать в том человеке того, под

чьим именем он значится. По крайней мере, или это не Н.И. Вавилов, или дата фотографии дана не верной. В начале 1922 г он находился уже в Европе и вскоре вернулся на родину. Скорее всего, там изображен сам Д.Н. Бородин, имевший некоторое сходство с Н.И. Вавиловым по фигуре и чертам лица.

Заключенный в Америке договор надо было по приезде Н.И. Вавилова в Россию официально узаконить. Это можно было сделать через правительственный орган - Наркомат земледелия (Наркомзем), куда Н.И. Вавилов и обратился с извещением о том, что в октябре 1921 г. он открыл в Нью-Йорке специальное отделение прикладной ботаники и селекции «с целью установления постоянных отношений с американскими опытными учреждениями, с целью сбора образцов растений и семян и научной литературы для русских опытных учреждений». Далее сообщалось, что во главе Нью-Йоркского отделения был поставлен геоботаник, флорист и энтомолог Д.Н. Бородин, длительное время живший и работавший в Америке и что «уже за первое полугодие деятельности это Отделение блестяще оправдало свое существование». Называлась цифра в 20 тысяч образцов, уже пересланных в Советскую Россию, а также огромное число научной литературы, выпускавшейся в США, Канаде и других странах по ботанической и агрономической отрасли знаний. Обращает на себя внимание действительно внушительное число посланных образцов в Россию, не говоря уже о литературе. И все это еще, по сути, без официального подтверждения законной силы договора со стороны российских органов власти и без какой-либо гарантии оплаты ими всего полученного. Этот факт подтверждает большое доверие Д.Н. Бородина к Н.И. Вавилову, а также то, что у него уже был определенный опыт интродукционной работы и связи с Россией, и какие-то средства для их осуществления. Возможно, сам Н.И. Вавилов оплатил расходы Д.Н. Бородина на приобретение и отправку семян и литературы из суммы, отпущенной ему на командировку. Следует также отметить, что уже через месяц после заключения пока еще чисто джентльменского соглашения Н.И. Вавилов разослал на ряд опытных сельскохозяйственных станций США уведомительные письма с просьбой о присылке в Россию сортов ряда культур (всего 23). «Все образцы направляйте наложенным платежом м-ру Д.Н. Бородину, который останется в вашей стране для продолжения моей работы (к. 1009, 709, Шестая авеню, Нью-Йорк)». Так или иначе, прав был Н.И. Вавилов, когда расценивал роль учреждения Бюро как «окна в мир» для русских опытных сельскохозяйственных учреждений.

Глава 2. Начало деятельности (переписка 1921-1922 гг.)

Первое письмо Д.Н. Бородина датировано 12 декабря 1921 г., когда Н.И. Вавилов был еще в Лондоне. Обращение пока официальное: «дорогой профессор Вавилов!». В нем, в основном, затрагиваются финансовые

вопросы: «Я надеюсь, что Вам удастся выяснить вопрос с бюджетом, как можно раньше по Вашему прибытию в Петроград, поскольку слишком ограниченная сумма денег не дает нам возможности сделать всю необходимую работу». Прилагается смета финансовых расходов, сообщается о намерении расторгнуть контракт по найму теперешнего служебного помещения и найти что-нибудь подешевле. Типично деловое письмо, видно, что в лице Д.Н. Бородин Н.И. Вавилов приобрел действительно очень активного и ответственного компаньона по работе. Это подтверждается и письмом Н.И. Вавилову фитопатолога М.О. Шаповалова, русского эмигранта, работавшего в системе Департамента земледелия США. Н.И. Вавилов познакомился с ним во время своего пребывания в Америке и с тех пор обменивался с ним письмами. Письмо М.О. Шаповалова датировано 20 декабря 1921 г., т.е. отправлено вскоре за письмом Д.Н. Бородин. В нем есть такие строки: «После Вашего отъезда из Америки г. Бородин уже дважды посетил Вашингтон. Его дела идут в гору. Мы представили его многим важным высоким должностным лицам Департамента, с которыми он не встречался до этого... Вы и возглавляемое Вами Бюро несомненно будете в наибольшем выигрыше, если Вы решительно поддержите это официальное подразделение Вашего учреждения, отказываясь одновременно иметь дело с какими бы то ни было коммерческими и полукommerческими организациями, которые пытаются конкурировать с этим официальным подразделением, отстаивая свои эгоистические интересы». Д.Н. Бородин на самом деле развил очень активную деятельность, в том числе в самых высоких кругах администрации. В первом томе международной переписки приводится фотография 1922 г., где он изображен рядом с Н.М. Тулайковым, еще одним ученым-визитером из России, и министром земледелия США Уоллесом. Второе письмо Д. Н. Бородин, датированное 1 января 1922 г., начинается уже с товарищеского «Дорогой Николай Иванович!». В начале в нем сообщается о получении письма Н.И. Вавилова от 27 декабря 1921 г. Письмо это утрачено и о содержании его можно лишь догадаться по некоторым выдержкам ответного письма Д.Н. Бородин. Речь идет опять о финансах, бухгалтерии, ревизии, Сообщается об обещанных 20 тысячах золотых рублей и о 5 тысячах долларов на выставочные дела, которые пока не переслали. Со стороны Н.М. Тулайкова, также входившего в Сельскохозяйственный ученый комитет, преобразованный вскоре в Государственный институт опытной агрономии, первым директором которого он стал, видимо, также были получены какие-то заверения. Однако главным камнем преткновения или назревающего расхождения с Н.И. Вавиловым послужила деятельность какой-то конкурентной организации, также имеющей свой интерес интродукции растений в Россию. Речь скорее всего идет о Русском сельскохозяйственном агентстве в США, о статусе и цели которого почти ничего не известно. Из письма Д.Н. Бородин ясно только, что некто Розен и Ко хотят взять дело интродукции новых культур и селекционных достижений США в свои руки. В уже упомянутом уведомлении Н.И. Вавилова для опытных сельскохозяйственных станций

США фамилии «м-ра Роузена» (E.J. Rosen) и «м-ра Коула» (Cole) действительно промелькнули, но выход и присылка запрашиваемых культур и семян определенно адресуются на Д.Н. Бородин. Тому явно не по душе существование каких-то сторонних конкурентов: «рядом как грибы прут «институты и Ко», неужели нельзя создать объединенную кооперативную работу опытных станций, не отдавая никому того, что по праву принадлежит и должно принадлежать Вам». Это в чем-то совпадает с пожеланием или предупреждением, видным из письма М. О. Шаповалова. Далее Д.Н. Бородин пишет: «По существу Институт не нужен пишете Вы, я согласен, но кто же будет делать ту работу, которую этот Институт хочет делать? Розен и Ко хотят делать, а Вы и опытные станции не хотите. Что размножение и распространение новых культур нужно – Вы не сомневаетесь, но дело это своим не считаете. Выйдет, что прилив средств останется в сфере Ко и институтов, а мы с вами будем водовозными клячами, трудами коих будут пользоваться все, кто предусмотрительнее. Я представлял себе, что Вы будете диктовать, что делать и как делать, и будете вводить новые культуры, и это меня интересовало, а выходит мы на второе место сдвигаемся. Досадно, my dear! Представить себе не можете, насколько это русская психология досадна. Надеюсь, что это не так, как я понял из Вашего письма, что Rosen и Ко... не возьмут нашего дела из наших рук».

Из этого весьма эмоционального письма пока трудно понять, что за Институт, что за новые культуры имеются в виду. Видна лишь определенная американская хватка его автора, не допускающая какой-либо второстепенности в делах, не терпящая упущения деловой инициативы. Разбираться во всем этом придется из дальнейшей переписки. На следующий день Д.Н. Бородин продолжает письмо, отправленное накануне. Он уже более оптимистично смотрит на дальнейшее развитие совместной работы с Н.И. Вавиловым. Сообщает о планах работы над книгой «Полевые культуры в США», которую ему настоятельно рекомендовал написать Н.И. Вавилов. Там же он пишет, что его по линии Американской администрации помощи - АРА (American Relief Administration), организации созданной для оказания продовольственной и иной помощи пострадавшим в мировой войне странам Европы, привлекают к работе по оказанию помощи голодающим в России. «Во время поездки в Вашингтон я получил информацию о том, где можно закупить различные сорта семян для оказания помощи России. И хотя это не моя область работы, однако, найти в Соединенных Штатах какую-либо другую организацию, располагающую полной информацией по данному вопросу, практически невозможно». Деятельность АРА была разрешена в России, к тому же в это время налаживаются торговые отношения между Россией и Америкой. В письме сообщается об ожидаемом прибытии из России уполномоченных лиц для соответствующих переговоров, и о возможном ассигновании 10 миллионов долларов на закупку семян.

Сведения о том, что Н.И. Вавилов также имел прямое отношение к делам, связанным с посреднической миссией по оказанию АРА продовольственной помощи голодающим в Поволжье, встречался с

руководителем организации, министром торговли США Г. Гувером (будущим президентом страны в 1929-1933 гг.), подтверждаются его спутником по поездке в США А.А. Ячевским, который писал, что Н.И. Вавилов «сослужил русскому народу громадную службу, потому что он был в состоянии дать весьма ценные сведения. По своему положению и потому, что он прожил долгое время в голодных местах, он мог осветить вопрос чрезвычайно хорошо и всесторонне, и в результате этого первого нашего разговора было то, что Гувер просил Н.И. находиться в постоянной связи с его организацией и давать все сведения, которые понадобятся. И действительно его несколько раз потом вызывали для того, чтобы спросить совета». В предисловии к книге Н.И. Вавилова «Полевые культуры Юго-Востока», его участие в этой столь необходимой в то время работе подтверждается и самим автором.

Переписка между Д. Н. Бородиным и Н.И. Вавиловым, начатая вскоре после отъезда Вавилова из Америки, была продолжена и во время посещения им ряда стран Европы в начале 1922 г. К сожалению, письма Н.И. Вавилова этого периода были, очевидно, утрачены и не приводятся в 1-ом томе международной переписки. Об их содержании можно лишь догадываться по некоторым выдержкам из сохранившихся писем Д.Н. Бородина, приведенным там. Первое из приведенных в ней писем датировано 21 января 1922 г. Письмо это является ответом на недоступное нам письмо Н.И. Вавилова, а также его телеграмму о переводе денег, не известно, откуда и на что. «Должен сказать, что финансовая неопределенность сильно мешает во многих отношениях. Я не миниатюрист и не буду копаться в мелочах, а кроме того, я определенно обамериканился. Поясню. Вы непрямо намекаете на то, что нужно делать что-либо одно и служить или Богу, или Мамоны. Если под Богом Вы разумеете чистую науку, а под Мамоной практику, из нее выходящую, то мы с Вами расходимся теперь во взглядах и Америка мне дала то, что Россия не смогла дать нам обоим. Судите сами: случай показать и дать возможность произвести не в научно-опытном, а в жизненно потребном масштабе Вы называете Мамоной и неприемлемым, копание же в течение 3-х лет на опытном поле – богом?». Очень характерное для Д.Н. Бородина заявление. Жаль, конечно, что у нас нет возможности привести письма Н.И. Вавилова, на которое последовала такая реакция, но дальнейшее многое проясняет. Далее из письма Д.Н. Бородина: «Политические затруднения? Коммерческая деятельность? Ничуть не бывало! Не все ли равно здесь в Америке при налаженности коммерческого аппарата купить 100 пакетов семян или 100 вагонов их? Скажу, что тот же самый труд. Мелочная покупка требует больше труда и больше средств на производство ее – одна запись чего стоит». Вот такая американская хватка у бывшего русского сельскохозяйственника, действительно «обамериканился». А в продолжение высказанной им мысли: «Чем больше даже постороннего дела попадает в мои руки, тем больше шансов для возможности доведения дела до конца. И если завтра я от кого угодно получу предложение развернуть Отдел до пределов

сельскохозяйственного агентства, я не постеснялся бы согласиться, с Вашего благословения, и дело снабжения теми же семенами и книгами выиграло бы. Это лишь пример американского прагматизма».

Из этого письма видно, что между Д.Н. Бородиным и Н.И.Вавиловым действительно возникли какие-то разногласия по вопросам интродукции растений. И если позиция Д.Н. Бородина достаточно определенно изложена в его письме, то отношение Н.И. Вавилова к этому выявляется лишь в бородинской оценке. Как нам представляется, Д.Н. Бородин слишком рьяно взялся за дело, не зная, не поняв подлинной политической и экономической ситуации в России. Еще совсем не ясно будет ли признано там, в высших кругах власти созданное пока только в частной договорной форме, на бумаге Бюро, и на какую сумму финансирования оно может рассчитывать. Тем не менее, у порядком уже «американизованного» Бородина можно сказать наполеоновские планы. Он мыслит свою деятельность не в каких-то граммах опытных образцов семян, а в тоннах, бушелях семенного материала для России. У Н.И. Вавилова, видимо, совсем иные планы и представление относительно интродукционной работы Нью-Йоркского Бюро. Для него важен не столько количественный объем, сколько качество интродуцированного материала, который все-таки проще и дешевле размножить в России. Одна пересылка чего будет стоить при тех ее масштабах, которые мыслит Д.Н. Бородин. Главное же его оценить в условиях необъятных российских просторов, используя, прежде всего, эколого-географический критерий оценки, а затем уже размножать и рассылать по сети имеющихся и организуемых сельскохозяйственных опытных станций. Именно Н.И. Вавилов стал продвигать и осуществлять в дальнейшем идею географических посевов и сортового районирования различных культур.

Кроме того, Н. И. Вавилов, наверное, достаточно реально оценивал в то время возможности возглавляемого им Отдела прикладной ботаники и считал, что огромную семеноводческую работу ему просто не потянуть, да и, конечно, круг научных интересов был у него несколько иной. Его интересовало, прежде всего, многообразие форм культурных растений, тогда как Д.Н. Бородина увлекала мысль завалить Россию добротными сортовыми семенами: «Я не знаю, как в России сохранить удастся работу Бюро при удалении от жизни. Неужели Вы упустите случай превратить все опытные станции в семенные хозяйства? Неужели в России уже достаточно хороших семян?». Будучи человеком очень активным и инициативным, он уже самостоятельно налаживал взаимно выгодные, с его точки зрения, связи с рядом лиц и организаций, занимавшихся поставкой семян в Россию. Н.И. Вавилову это было, очевидно, не слишком по душе. Он, должно быть, рассматривал этот род деятельности Д.Н. Бородина как отвлечение от первично поставленной цели: заниматься интродукцией культурных и диких видов из Америки в Россию, как для практической, так и научной цели. При этом наука у него стояла на первом месте. У Д.Н. Бородина акцент, распорядок в работе стоял иной, В ответ на настоятельный совет Н.И.

Вавилова написать книгу по полевым культурам США, он пишет: «Все это нужно, но в обратном порядке: 1 – семена, 2 – все остальное. Организацию и дело здесь ставят перед книгой, а книгу после!». Правда, в конце письма он несколько успокаивает Н.И. Вавилова: «Книгу пишу дома и начал с флоры «резервейшн» - очень интересная будет глава». Там же сообщается о планах высылки экспонатов на сельскохозяйственную выставку, которую должны организовать в России, о уже наметившейся текучести персонала Бюро (4 человека), о том, что «если удастся уехать на юг за хлопком и т.п., оставлю Бюро без призора на время, в зависимости от денег, то есть от Вас». Заканчивается письмо многозначительной припиской: «Боюсь Ячевского: настроит он дел!».

В следующем письме Д.Н. Бородин в основном не столько развивает, сколько повторяет мысль о путях и масштабах интродукции семян в Россию. Естественно его больше всего беспокоят финансовые дела, которые пока никак не утрясены. Н.И. Вавилов пока в разъездах по Европе и дальнейшая судьба Бюро не совсем еще ясна. Д.Н. Бородин работает, что называется за свой страх и риск. Какие-то денежные переводы от Н.И. Вавилова поступают (на тысячу долларов), но это явно не достаточно, чтобы широко развернуть работу и окупить затраты. К тому же у него по-прежнему серьезные опасения на счет всяких побочных и конкурентных планов Н.И. Вавилова, а теперь и А.А. Ячевского: «Не находите ли Вы, что у г-на Ячевского имеются собственные определенные планы относительно организации в США представительства Сельскохозяйственного Научного Комитета в лице некоторых его друзей...». Со своей стороны он сам, как уже писал, пытается наладить связи с некоторыми организациями в США и России по не столько уже научно-опытной интродукции, сколько массовому экспортированию семян сельскохозяйственных культур на коммерческой основе, с целью «осеменения», превращения всех опытных станций в семенные.

Из письма Д.Н. Бородина от 31 января 1922 г. выясняется, что деньги ему переводит ОЗР (Отдел защиты растений Наркомзема РСФСР), а кредит забронирован (понимай заблокирован): «То, что кредит забронирован, для меня большая неожиданность, и я надеюсь, что Вы сумеете что-либо сделать дополнительно или разбронировать эти деньги...Если сможете, устройте; нет, будет чепуха и нужно лавочку закрывать. Глупо то, что у вас вся эта чепуха в январе, феврале, когда покупают и получают семена». Состояние Д.Н. Бородина можно понять, также, как его саркастическое замечание: «Я понять не могу многого, но вижу русский «аугуриум» тот же, что и раньше, и диогенство ему свойственно, как один из видовых систематических признаков, Жизнь катит мимо бочки, а бочка занята». Не совсем ясно, при чем тут «аугуриум» (латинское *augurium* – гадание, предсказание). Из этого короткого, выхваченного из письма отрывка, можно подумать, что ссылка на «диогенство» относится непосредственно к Н.И. Вавилову. Однако Н.И. Вавилов тут не при чем, он пока в пути, и вот уж к кому это понятие подходит меньше всего, так это к нему По мобильности, целеустремленности, энергии мало кого можно с ним сравнить.

В письме от 21 февраля 1922 г. все о тех же деньгах, положение критическое. Сотрудникам платить нечего, срок уплаты за помещение истекает. Д.Н. Бородин сетует: «Я же лично ограничиваюсь прожиточным минимумом и на днях приступаю к израсходованию того, что у меня осталось». Вместе с тем ящики с книгами, семенами, коллекциями по-прежнему отправляются. В одном из них, кстати, детские вещи, собранные американскими детьми для детей служащих Отдела прикладной ботаники, доставленные Н.П. Макаровым. «Неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне заставляют уделять внимание на изыскание способов выйти из создавшегося положения, не прекращая работы. Одним из таких способов нами с Николаем Павловичем намечено совмещение деятельности Бюро с одной из кооперативных организаций в лице, например, Агентство Сельскосоюза, которое можно было бы организовать по соглашению с Москвой, причем расходы Бюро явились бы очень небольшими в сравнении с оборотом. По этому вопросу нами послана телеграмма в Москву, а также уведомление в АРКОС» (ARCOS –All-Russian Cooperative Society, Всероссийское кооперативное общество). На этом этапе деятельности Бюро его внештатным сотрудником и очень полезным помощником Д. Н. Бородина был Н.П. Макаров, как уже упоминалось, бывший родственник Н.И. Вавилова, встречавший его в Нью-Йоркском порту и внесший за него денежный залог. Примерно в это же время, 1 марта 1922 г. Н.И. Вавилову адресовано письмо М.О. Шаповалова, в котором наряду с деловой информацией есть и такое место: «Бородин, по-видимому, находится в очень стесненных финансовых обстоятельствах, и, очевидно, необходимо как-либо урегулировать высылку ему денег, так как начатое Вами в Америке дело может заглухнуть».

Переписка Д.Н. Бородина с Н.И. Вавиловым активно продолжается, правда пока нет возможности как-то соотнести их письма одно с другом из-за отсутствия публикации вавиловских писем того периода. Из писем Д.Н. Бородина видно, что с деньгами у него совсем плохо. Он уже израсходовал 500 долларов, принадлежащих лично Н.И. Вавилову и предназначенные для уплаты долга Н.П. Макарову, а частью для высылки отцу Николая Ивановича. Он пишет, что: «на днях пришлю отчет о деятельности, а пока должен предупредить, что и Вы и я не слишком считались с русскими валютными соотношениями. Вы дали согласие на январь – 1000, февраль – 750, март – 750. Я перерасходовал не так уж много». Настойчиво повторяется: «Опытные станции теперь тоже а la семенные хозяйства устроить и пошло бы дело на лад». И далее: «Прагматизм привить следует в России во что бы то ни стало, выпустив в трубу все теоретические дисциплины, от них мы, все русские, падаем под ударами событий». Эта мысль вряд ли созвучная с представлениями Н.И. Вавилова о роли науки в обществе, взаимодействии ее с практикой. Мельком также упоминается о книге, которую настоятельно советовал ему написать Н.И. Вавилов. Ради поощрения автора Н.И. Вавилов, видимо заранее ее нахваливает, на что Д.Н. Бородин отвечает: «Я очень благодарен Вам за ряд комплиментов по поводу

неоконченной моей книги, которая задержалась исключительно из-за возни с АРА по обсеменению – а бросить было невозможно».

Обращает на себя внимание письмо Д.Н. Бородина от 30 марта 1922 г., где он предлагает целую программу преобразования интродукционного дела в России, применительно к историческому ее моменту. Во-первых, «опытные станции временно превратить в семенные хозяйства коммерческого типа и войти в полуконцессионное соглашение с частными семенными фирмами и кооперацию с ними. Одновременно войти в соглашение с сельскохозяйственными обществами и кооперативами». Это уже у него «идея фикс», неоднократно повторенная. Зато у него появился «зуб» также и на Ботанические сады, видимо, после того, как ему было заказано одним из них приобрести *Victoria Regia*, что и было сделано, правда с большим недоумением и неохотой. Ему не понятно, как можно выписывать экзотику, когда Россия нуждается в насыщении голодных, а не в пресыщении красотой. Отсюда «все Ботанические сады временно превратить в рассадники полезных растений», используя в том числе и их оранжереи. А в завершение: «Одним словом, хочу видеть в Ботаническом саду и в опытных станциях американские семена как рассадники американских растений. С приветом, Д. Бородин». Словом полная «американизация» российского ботанического коллекционного фонда и сельскохозяйственной опытной сети. Идея смелая, но явно не патриотичная, не реалистичная и даже не практичная. Сейчас автора письма явно бы посчитали агентом влияния Америки на Россию. Ну, а тогда это желание выглядело не реальным, в виду бедственной экономической и еще не стабильной политической обстановки в стране. Забавно, что русский американец выступает здесь, как герой русской народной сказки «По щучьему велению». Словом «мели Емеля – твоя неделя».

Из пространного письма Д.Н. Бородина от 2 апреля 1922 г., где он продолжает жаловаться на стесненные финансовые обстоятельства, лишь из одной строки выясняется, что «вчера я получил Вашу телеграмму с сообщением о том, что Бюро закреплено и деньги высланы». Телеграмма датирована 1 апреля и не поэтому ли реакция Д.Н. Бородин не то, чтобы не доверчива, но довольно сдержанна: «Я еще не знаю бюджета Бюро (месячного), а это очень важно для меня в смысле построения планов». А пока он кое-как выкручивается, выступая посредником и консультантом в разных сделках по закупкам семенного материала и книг, осуществляемым разными компаниями и учреждениями в США и России. Такие заказы поступали, в частности, от Наркомзема, но на долю Д.Н. Бородин практически ничего не доставалось, чтобы поддержать деятельность Бюро. Много во всем этом было всяких хитросплетений и политиканства, чему и посвящено в основном это письмо.

Буквально на следующий день Д.Н. Бородин отправляет Н.И. Вавилову еще одно письмо, где оценивает более оптимистично складывающуюся ситуацию: «Ваша телеграмма о закреплении Бюро получена (из Москвы). Очень рад, что нашли на это средства, ибо

независимо от того, я ли, другой ли здесь, это нужно и важно». Сомнения, правда, сохраняются относительно выделенных сумм: «Выход я найду, конечно, и дело не брошу, но все же на 100-125 долларов я не смогу и не хочу работать, зарывшись в библиотеку и уйдя от жизни». Для него важно также отношение к нему лично Н.И. Вавилова: «Вы отметили мою инициативу и энергию – и это мои главные плюсы. Дайте мне возможность их проявить в наилучшем устройении и производительности Бюро, на что теперь я обращаю главное внимание». Тот же возросший оптимизм виден в самом начале письма Д.Н. Бородина от 22 апреля 1922 г.: «Ваше письмо от 22, 23 и 24 марта получил – имеют сходство с рапортами с поля сражения и сообщением о движении дел. Вижу, что Вы и тут вышли победителями. Спасибо большое Вам и Таланову за то, что были «адвокатами»...Сделаю все, чтобы оправдать Ваши надежды в смысле деятельности Бюро здесь, в Америке». Хотя эти письма Д.Н. Вавилова утрачены, из письма Д.Н. Бородина явствует, с какой присущей ему напористой энергией пробивал Николай Иванович в самых высоких инстанциях в Москве легализацию Бюро в Нью-Йорке. Телеграмма от 1 апреля, очевидно, опередила эти письма, которые окончательно успокоили Д.Н. Бородину и настроили его на должный рабочий лад.

И вот, наконец, есть возможность прокомментировать письмо самого Н.И. Вавилова, направленное Д.Н. Бородину 19 апреля 1922 г. Это первое из опубликованных его писем данному адресату в 1-ом томе Международной переписки: « Я уже писал и телеграфировал Вам о том, что удалось закрепить Нью-Йоркское отделение прикладной ботаники на весь 1922 год из кредитов Наркомзема в сумме 26 тысяч золотых рублей. Это сумма сравнительно большая, больше той, которую мы с вами намечали в Нью-Йорке, и ее с избытком должно хватить на Ваши поездки в Аляску, Канаду, Перу, Чили и Москву. Одним словом Вы счастливейший человек из смертных». Далее нечто вроде прохладного душа: «Я не могу Вам в настоящих условиях гарантировать прочное существование Нью-Йоркского отделения в 1923 г. Финансовое положение в России отчаянное, и возможно, что с июня-июля месяца большая часть казенных учреждений будет ликвидирована. Это обстоятельство учитывайте во всех Ваших построениях». Н.И.Вавилов предостерегает Д.Н. Бородину от заваливания его массой запросов на образцы, присылаемых от других опытных станций и учреждений. Речь может идти не о каких-то бушелях: «единственное, что мы в состоянии выполнить – это посылку небольших образцов по нескольку граммов. Особенно это касается пересылки семян за границу. Поэтому очень прошу Вас, Дмитрий Николаевич, предупредить американских коллег о наших затруднениях и не слишком разбрасывать обещаний, которые мы не всегда при настоящих условиях в состоянии выполнить: «почтовое сообщение внутри России, например, пересылка семенных образцов, связано с большими препятствиями».

Особо он пишет о Н.П. Макарове: «Я считаю возможным пригласить в отделение Н.П. Макарова в качестве консультанта. Его работа

«Производство хлебов в Северной и Южной Америке» имеет прямое отношение к нашим заданиям, мы сможем приобрести ее за доллары. Во всяком случае, я считаю возможным из ассигнований суммы около тысячи долларов передать в распоряжение Николая Павловича по получении кредита». Помимо прочего Н.И. Вавиловым даются весьма обширные и серьезные задания для самого Д.Н. Бородин: «Затем закончите непременно к середине года книгу «Полевые культуры Северной Америки», обследуйте Аляску, Канаду, Перу, Чили, Мексику, соберите музейный, семенной, гербарный материал по всем сельскохозяйственным культурным растениям.... Приобретите всю новейшую, вышедшую в 1922 году литературу по культурам, генетике и вопросам прикладной ботаники и агрономии». В приписке к письму, в связи с уже присланным из Америки материалом, есть и такие строки: «Самые ценные образцы из Департамента земледелия – бесценная коллекция ячменей, пшениц и овсов, пришла, чему страшно рад. Для моей работы это наиболее ценная коллекция. Может быть, у Вас чешутся руки, чтобы побить за «многообразие», но только оно позволило построить схему интродукции семян. Во всяком случае, очень прошу Вас прислать побольше форм, мы их довольно быстро приводим в порядок». Для Н.И. Вавилова важны не только и не столько видовые формы культурных растений Северной Америки. Не менее, а может и более, его интересуют виды и в других частях Нового и Старого света, в частности, рис, конопля, подсолнечник, кукуруза. И в этом отношении он, очевидно, серьезно рассчитывает на Д.Н. Бородин не только как агента по интродукции американской культурной флоры, но и всего наиболее интересного, что выращивается в мире. В заключение он сообщает также о возобновлении печатания Трудов по прикладной ботанике, о скорой рассылке их за границу, приглашает Д.Н. Бородин к сотрудничеству в журнале, присылать интересные для науки статьи.

В тот же день Н.И. Вавилов отсылает письмо Н.П. Макарову с сообщением о текущих делах. Повторяется, как в письме Д.Н. Бородину, уже личное приглашение ему стать консультантом Нью-Йоркского отделения с оплатой 1000 долларов. Что касается предназначенных ему ранее 500 долларов, то их он просит немедленно взять у Д.Н. Бородин из ассигнованных Москвой денег, как только они будут получены. Участие в работе отделения такого видного специалиста в области экономики сельского хозяйства как Н.П. Макаров он считает очень полезным и важным. Его труды стали известными в России: «Как я уже писал Вам, Ваша работа об условиях использования тракторов очень понравилась Красину, в Берлине и Москве. Она была у самого Ленина». Завершается письмо еще раз констатацией успеха своей поездки в Америку: «Я был в Москве с докладами почти во всех Комиссариатах по приглашению. Отчасти этим обусловлено закрепление Нью-Йоркского отделения прикладной ботаники», Обращает на себя внимание тот факт, что если в письмах Д.Н. Бородин созданное им совместно с Н.И. Вавиловым учреждение именуется Бюро, то уже в первом вавиловском письме оно называется отделением, что,

наверное, более точно отражает его назначение и статус как структурного подразделения Отдела прикладной ботаники в Петрограде. Успех миссии Н.И. Вавилова не только в Нью-Йорке, но и в Москве, что не менее важно, отражено и в письме ему М.О. Шаповалова от 10 мая 1922 г.: «От Д.Н. Бородина мне пришлось слышать о том восторженном приеме, который был Вам оказан в разных местах по прибытии в Россию. Этот прием вполне заслужен Вами, и я поздравляю Вас с успехом. Я рад также, что Ваше отделение в Нью-Йорке было утверждено и получило ассигновки. Вы имеете, таким образом, здесь свое собственное русское учреждение вместо того, чтобы зависеть от каких-нибудь Ассоциаций».

Из следующего письма Н.И. Вавилова от 24 апреля 1922 г. примечательны следующие выдержки: «Что касается рекомендуемого Вами воздействия на ботанические сады, то я в большой мере безнадежен. Горбатого исправит могила: гораздо легче воздействовать на опытные станции, и мы их снабжаем всеми интересными для районов семенами. Третьего дня мне пришлось выдержать баталию даже в самом Агрономическом институте из-за оранжерей, которые отводились институтом под папоротники, я же их просил выделить для изучения южных бобовых растений». Далее очередное напоминание о книге, которую Н.И. Вавилов очень ждет от Д.Н. Бородина: «Очень буду рад, если пришлете копии глав, особенно о бобовых растениях, и Вашу главу вводную: «о зонах жизни». И не лишнее предостережение относительно возможного отвлечения от главного в работе: «Очень прошу Вас не начинать дела ни с Сельхозом, ни с Сельтрестом, это все еще только начинающее, шаткое, а времени у Вас уйдет слишком много, задач же у Вас более чем достаточно. Напишите превосходную книгу, исследуйте Аляску, Канаду, юг Соединенных Штатов, соберите исчерпывающую, хотя бы для главнейших русских опытных учреждений, главнейшую литературу, соберите по всем полевым и огородным растениям исчерпывающий сортовой материал севера и юга Америки, и Вы сделаете в год большой подвиг. Для России это более нужно, чем все остальное». Ставя перед Д.Н. Бородиным такую подвижническую программу и цель, Н.И. Вавилов явно переоценивал его возможности и способности, примеривая все на себя, чтобы он сделал сам, будучи на месте своего американского сотрудника.

В письме от 16 мая 1922 г. Н.И. Вавилов сообщает, что: «на этих днях попытаемся послать первый транспорт книг и семян в Америку». С трудом, но налаживается двусторонний обмен научной литературой и семенным материалом между странами. Опять упорно о книге: «Ждем от Вас первую и вторую главы книги «Полевые культуры». Моя книга «Полевые культуры Юго-Востока» в типографии, уже набрали 5 листов, заказал клише». Делится новостью: «Ведем сейчас компанию за приобретение усадьбы великого князя Бориса Владимировича в Детском Селе. Если приобретем, то, вероятно, будем иметь очень хорошую опытную станцию». Разъясняется вопрос об источнике денежных средств, выделяемых Д.Н. Бородину: «Что касается ОЗРа, то дело чрезвычайно просто. Кредит на Отделение получен от них. Так

как оказался у них лишним.... Вообще «защиту растений» отделить от «селекции», от «прикладной ботаники» очень трудно». Этот кредит Н.И. Вавилов берет на себя компенсировать энтомологам из Отдела защиты растений в Ученом комитете интересной для них заграничной научной литературой, к чему призывает и Д.Н. Бородина.

В следующем письме Н.И. Вавилова обсуждается вопрос о сельскохозяйственной выставке, которая планировалась в том году в Петрограде и Москве: «Телеграмму получил относительно желания американцев участвовать в нашей выставке. Отвечаю письмом, а не телеграммой, так как нет денег для посылки телеграммы в Америку. Отделение в Нью-Йорке в сто раз, вероятно, богаче основного Отдела прикладной ботаники. Четвертый месяц служащие не получают жалованья...». Внутренние сложности Отдела, да и всей страны огромные, а тут еще добавляются всякие трудности внешнего порядка: «Выставки бывают в сентябре-октябре. Фотографий не посылаю, ибо Вы все, милостивый государь забываете, что мы живем в Совдепии и все то, что так просто делается у Вас, трудно выполнимо здесь. Специального персонала, который мог бы поручить организацию выставки по разным городам и весям в Отделе нет.... Но во всяком случае американцам мы очень рады, и по сельскохозяйственным машинам, и по семенам, и по пчеловодству, и по опрыскивателям экспонаты из Америки представят огромный интерес для сравнения с немецкими, которые, очевидно, в ближайшие месяцы наводнят Россию». Н.И. Вавилов, очевидно, имеет в виду восстановление дипломатических отношений с Германией, отмечает, что: «кажется через несколько недель в соседнем доме бывшего Германского посольства, разгромленном в начале войны, начнут вставлять стекла. Сегодня приехало германское генеральное консульство, словом надеемся в первую очередь на немцев». Надежда эта, видимо, связана с возможностью более тесных связей с заграницей вообще. Так деньги, которые пересылались Д.Н. Бородину, проходили через немецкий банк в Берлине по линии представительства Внешторга.

Первая Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в Москве действительно откроется, но уже в следующем 1923 году. Для того времени это было действительно выдающимся событием в стране, еще только оправляющейся от жестокой гражданской войны и ужасного голода, разразившегося незадолго до этого. На выставке планировалось представить иностранный отдел. Однако у Д.Н. Бородина, видимо, какие-то свои планы и обязательства по участию в американском выставочном разделе. Наверное, поэтому Н.И. Вавилов предостерегает его от слишком активных действий: «Организуите комитет, если это нужно, словом все полномочия в ваших руках, но не тратьте много средств на этот комитет, гораздо лучше использовать средства на получение возможно большего количества книг, образцов семян и Ваше личное и Николая Павловича (Макарова) ознакомление с Америкой». И опять о книге, а также невозможности пока посылать в Америку книги и семена. Финансовое и

экономическое положение в стране в это время действительно отчаянное. НЭП еще только вводился и не показал в полной мере своих возможностей. Об уровне инфляции можно судить по одной строке письма: «Для Центральной опытной станции получили усадьбу вел. кн. Бориса Владимировича: с боем, конечно, с уплатой миллиарда отступного Наробразу». Миллиард рублей в то время соответствовал примерно 250-270 долларам. Не поэтому ли в конце ряда писем Н.И. Вавилова содержится просьба присылать из его личных сумм, так называемые Гуверовские посылки по линии АРА - Американской администрации помощи (ARA – American Relief Administration). Из фамилий, на чье имя он просит их посылать кроме него самого, его сына Олега и брата С.И.Вавилова указываются О.Я. Якушкина, К.М. Чинга-Чингас, В.Е. Писарев, К.А. Фляксбергер, Н. М. Шаллерт, Е. И. Барулина и др. Среди них также К.Н. Ткачук (сначала, по ошибке, Тавчук). Этого сотрудника направил к Н.И. Вавилу сам Д.Н. Бородин вместе с мультиграфом (судя по названию, какая-то многофункциональная печатная машина), который задержался в пути из-за аварии парохода. Н.И. Вавилов откликнулся на это поначалу так: «Тавчук приехал без багажа и находится в беспомощном состоянии. Без мультиграфа он нам, в сущности не нужен. Мультиграф придет неизвестно когда». И в другом письме о нем же: «Тавчук у нас ловит мух, но понемногу все-таки начинает акклиматизироваться. От его коммунизма скоро, вероятно, не останется и следов. Упал словно с другой планеты. Немного его подкармливаем, а то бы совсем сдох. Ждем не дождемся машин». И еще одна, на этот раз хорошая, шутливо обыгрываемая Н.И. Вавиловым весть: «Пришла виктория-регия для Ботанического сада. Очень благодарят. Вообще Нью-Йоркское отделение прикладной ботаники и Мистер Бородин сделались широко известными по всей России.... Многие предлагают бесплатно свои услуги по работе в этом бюро, лишь бы им разрешили выехать в Америку».

Последующие письма Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина посвящены во многом организации сельскохозяйственной выставки в Петрограде и Москве. Особенно идеей участия американцев в этой выставке загорелся Д.Н. Бородин. Н.И. Вавилов относится к этому более сдержанно и причины тому есть, и главная - это общая неустроенность всяких практических дел в России, о которых американцы, в том числе Д.Н. Бородин, не имеют представления. Вот письмо Н.И. Вавилова, написанное в начале июня 1922 г.: «My dear Friend! Получил сейчас письмо от 12 мая и по Вашей просьбе отвечаю немедленно. Часто, когда получаешь Ваши письма, читаешь их, смеешься про себя: Вы совсем обамериканились. Выставку, конечно, устроить можно, но сам я за это не возьмусь, а это дело поручить некому. Буду через неделю в Москве. Передам Ваши пожелания москвичам, они более пылки на американские новинки, и так как каждую осень в Москве и Петрограде устраиваются большие сельскохозяйственные выставки и бывают особые выставочные комитеты, то, вероятно, удастся их вовлечь в это дело». В качестве одного из препятствий участию американцев в выставке Н.И. Вавилов приводит отсутствие дипломатических отношений между Россией и

США, которые не признали советской власти. Он достаточно испытал это на самом себе, добираясь до Америки окольным путем через Латвию, в результате чего так и не попал на съезд фитопатологов. Но главное все же это отсутствие самых необходимых средств. Д.Н. Бородин в своем письме просит Н.И. Вавилова поторопиться с ответом, дать телеграмму, на что тот отвечает: «Каково положение вещей, можно судить по тому, что я сегодня для поездки в Губземотдел бегал полчаса, разыскивая миллион советских денег на трамвай, и на телеграмму Вам у нас нет денег». Д.Н. Бородину это должно казаться диким, он живет и действует совсем в другом мире, к тому же у него появились немалые деньги, которые для него выхлопотал Вавилов через ОЗР: «Энтомологи пишут мне очень благосклонные письма и считают Бюро своим, не менее чем Вы». Американизированный и оборотистый Д.Н. Бородин находит деньги и через другие каналы связи с Россией: «Вы очень ревнивы в случаях попыток моих к расширениям и присвоениям...но, my dear, если я останусь при одной ботанике, я быстро сяду в калошу, исчерпаюсь и перестану быть рентабельным». У него свои претензии к Н.И. Вавилову: «Я очень хорошо сознаю, дорогой профессор, что Вам не слишком нравится, что я веду мою работу с большим размахом. Вы предпочитаете граммы семян, я – тонны. Вы предпочитаете исключительно Вашу собственную работу. Мне нравится делать то же самое, но я пытаюсь найти возможность восполнять эту деятельность на более фундаментальной основе». Претензии, возможно, и не безосновательные, но без должного понимания обстановки, в которой вынужден работать Н.И. Вавилов, и полной недооценки действительного масштаба развернутой им деятельности, как научной, так и организационной.

Н.И. Вавилова интересует главным образом интродукция наиболее интересного и ценного в ботаническом и селекционном отношении, произрастающего в Новом Свете. Среди культур, запрашиваемых опытными станциями и интересных для Отдела, наиболее часто упоминаются кукуруза, хлопчатник и соя: «За последнее время почти ничего не получаем из Америки из семян. И в сущности, просматривая коллекции, думаю, что они сколько-нибудь полны только по фасоли, бахчевым. Очень бедно представлены южные кукурузы, хлопчатник и соя». Особое место среди запрашиваемых культур занимает картофель: «При сем прилагаю письмо нашего ассистента Букасова с просьбой прислать сорта картофеля как в клубнях, так и в семенах, как культурных, так и диких. Сделаете прекрасное дело. Картофель у нас в надежных руках, Букасов очень серьезный работник, хорошо знающий литературу, и мы в своей работе связаны сетью картофельных опытных полей, которые организовались в последние годы. До сих пор не удается получить сорта из Южной Америки, с родины картофеля, с Кордильер, из Перу, Чили. Сделаете большое благодеяние, если достанете Букасову возможно полную коллекцию клубней и семян культурных и диких сортов из Южной Америки. Вообще хотелось бы, чтобы существование Нью-Йоркского отделения дало возможность русским опытным учреждениям из первых источников получать селекционный

материал по американским культурам. Особенно плохо у нас представлены картофель и земляная груша топинамбур. Для Туркестана хотелось бы попробовать и сладкий картофель».

Из этих заявок видно, как несправедливо замечание Д.Н. Бородина: «Вы предпочитаете исключительно Вашу собственную работу». Круг интересов Н.И. Вавилова как специалиста-ботаника концентрировался в основном вокруг зерновых культур (пшеницы, ячмень, овес и др.), однако его научный кругозор как крупного биолога и географа – естествоиспытателя был несравненно шире и охватывал всю культурную флору земного шара, включая диких родичей. Для него не было не важных, второстепенных культур, его великим замыслом, который ему во многом удалось осуществить, было собрать во вверенном ему учреждении действительно мировую коллекцию растительных ресурсов земного шара, чтобы обеспечить ими российских агрономов, селекционеров, семеноводов. Ботанические исследования не были узкой его специализацией, как считали потом некоторые его оппоненты и недруги, и, видимо, думал Д.Н. Бородин. Н.И. Вавилов всегда был нацелен как на научные, так и прикладные задачи растениеводства. Само названия Отдела прикладной ботаники, а потом и возглавляемого им института обязывали его к этому.

Из дальнейших писем Д.Н. Бородина Н.И. Вавилову видно, что ему приходится здорово крутиться, выполняя не только заказы на семена и литературу по линии Нью-Йоркского Бюро или Отделения прикладной ботаники, но также и Наркомзема, который адресует к Бюро (Russian Agricultural Bureau). Неприятные помехи в расчетах за заказанное ему чинит представитель АРКОСа (ARCOS – All Russian Cooperative Society LTD – Всероссийское кооперативное общество с ограниченной ответственностью), которое тут, видимо, играет роль посреднической компании (обращает на себя внимание время, когда еще были компании типа нынешних многочисленных ООО).

Попутно выясняется, что с Н.П. Макаровым ему пришлось распрощаться, т.к. тот на год уехал в Прагу, заключив контракт с какой-то организацией. В его лице он потерял ценного консультанта, рекомендованного ему Н.И. Вавиловым. Зато он оформил на полставки агронома американца Трасделя (Trusdall), которым доволен как помощником. Кроме того, на нем остается обязательство перед Н.И. Вавиловым за написание книги: «Книгу двигаю понемногу. В августе буду в Аляске, в сентябре – в Канаде, в декабре – в Перу, а в январе – на юге здесь». В Россию его пока не тянет, хотя какое-то приглашение от Н.И. Вавилова, очевидно, было: «В Россию скоро не зовите - не поеду, сделать сделаю все, что смогу, - здесь я настолько ориентируюсь скоро, что буду незаменим. Это Вы долго будете других акклиматизировать здесь, а уже акклиматизированных в данной области всего трое: Розен, Андерсон и Окулич, всех знаете, но все трое делают все больше старое, а не новое. Розен лишь может быть исключением, но у него торговая часть и коммерция будут довлеющим началом, это с Вашей точки зрения почти преступление, но я смотрю иначе и

мне как русскому всегда грустно, что тоже легко передают денежную часть иностранцам, отмахиваясь от коммерции и попадая в кабалу... Вы ищете денег и героически их находите, но масса денег, среди коих наши расходы были бы ничтожными, проходит в другие руки и вообще за границу». Здесь еще раз просматривается определенное расхождение во взглядах Д.Н. Бородин на задачи совместной работы с Н.И. Вавиловым и способах их осуществления. Видно, что он знает себе цену и пробует этим воздействовать на своего шефа.

Из ответного письма Н.И. Вавилова обращает на себя внимание «большая просьба не очень путать грузы Таланова и Дубянского с нашими, так как первые поступают в Наркомзем и их придется распределять не нам, поэтому покорнейшая просьба по возможности посылать их по отдельным накладным, тем более что и для присылки больших количеств у нас не всегда находятся средства. Наиболее верно, конечно, все посылать по нашему адресу, даже и то, что Вы хотели бы послать определенно на какую-либо станцию. До сих пор в Москве в Наркомземе распределение идет неорганизованно».

Определенный интерес представляет письмо от 13 августа 1922 г. В нем дается оценка уже присланного Д.Н. Бородиным материала: «Разобрался в семенном материале, который Вы прислали без меня и который пришел за последние 4 недели». Он очень доволен коллекцией кукурузы, но по-прежнему сетует на нехватку в коллекции семян диких и культурных видов подсолнечника: «Вы знаете, что подсолнечник – наше основное масличное растение, по нему ничего не сделано в Америке. Когда я рассказывал об использовании подсолнечника на силос, агрономическая публика улыбалась. Я чувствую, что с подсолнечником по-серьезному можно работать только в России, но для этого нужно выкачать из Америки все разнообразие». Еще раз подтверждается большая нужда в картофеле: «Больше всего хотелось бы получить, возможно, полную коллекцию сортов картофеля из Южной Америки, а также главнейшие сорта Северной Америки».

Далее он излагает самое главное, можно сказать программное в его понимании цели и задач работы Д.Н. Бородин: «Вы - практик, интродуктор окажите хоть маленькое содействие теоретику интродуктору. Иметь в Нью-Йорке отделение и не получить образцов из Китая, Японии, Индии, Индокитая, Судана – просто грех. Самый главный дефект, с моей стороны по Нью-Йоркскому отделению при всей его исключительной работоспособности и разносторонности состоит в том, что оно не выполнило главного назначения, которое хотелось бы поставить во главу угла – одну из инициатив этого Отделения. Просматривая то, что я привез сам, в смысле полноты сортов, с тем, что получено через Отделение, каюсь, думаю, что если бы сам не был в Америке, то мы, в сущности, главного, чем интересуемся, не получили бы. Например, по ячменю, по пшенице, по овсу. Если нужно что-либо прислать, то главным образом материал из Африки, Китая, Индии. До меня дошел приблизительно 7-тысячный номер. В Европе и в Америке мне удалось достать до 9 тысяч образцов. Дорогой Дмитрий

Николаевич, очень и очень прошу Вас поиметь это обстоятельство в виду, это придаст энтузиазм и нам в защите Нью-Йоркского отделения прикладной ботаники». Как видно из письма, Н.И. Вавилов значительно расширяет масштаб требуемой работы Отделения не столько за счет весовой массы семенного материала, к чему склонен Д.Н. Бородин («Вы предпочитаете граммы семян, я – тонны»), а за счет видового и сортового его разнообразия и географического происхождения: «Мы сейчас заняты вопросом происхождения культурных растений и об установке центров происхождения культур в вопросе основном, при выяснении теории интродукции. Поэтому Вы поймете, какой интерес представляют все курьезы, все эти для Вас может быть уже надоевшие разнообразные сорта».

Вместе с тем Н.И. Вавилов дает понять, что ему совсем не чужды вопросы практического их использования: «Занят в то же время налаживанием систематического планомерного сортоиспытания. При Вашем участии мы получили важнейший материал для сортоиспытания. Нужно, чтобы он не пропал даром, нужны не разрозненные, неграмотные испытания, которые ведутся сотнями полей и станций без знания сортов, случайным порядком» Письмо завершается условием дальнейшего сотрудничества с Д.Н. Бородиным: «Наше финансовое положение исключительно трудное. Хотят будто уладить его в октябре; деньги уже отчасти стабилизируются. Ввожу Вас в смету на 1923 год, попытаюсь провести, но условие, без которого не соглашусь проводить смету – «Полевые культуры Северной Америки». Это книга, которая совершенно необходима и которая пополнит Вашу работу по интродукции. В настоящее время, благодаря Вам, введена такая масса растений из Америки, что мы должны знать полевые культуры Америки. Через две недели высылаю Вам свои «Полевые культуры Юго-Востока, 8 листов уже напечатаны».

В письме от 20 июня в ответ на письмо Д.Н. Бородина от 15 мая, где тот просит посодействовать визиту в Россию двух американских профессоров, выражая уверенность, что «американским ученым будет оказан в России такой же сердечный и дружеский прием, какой был оказан Вам и проф. Ячевскому», Н.И. Вавилов отвечает следующее: «Вообще, лично я не считаю эту поездку особенно серьезной, так как нужды большой в ней нет; особенного увидеть, не зная притом языка, в России вряд ли удастся, а для туристических поездок по России время еще не наступило. Каково положение вещей, можно судить по тому, что я не уверен, что на отправку этого письма у нас хватит средств, и пишу это Вам самым серьезным образом. Мы, конечно, продолжаем и будем продолжать пока свою работу, и, конечно, если приедут американцы, можно и им доказать, что мы еще окончательно не сдохли и что мы надеемся, что через несколько лет мы еще расцветем, но ехать и убеждаться в этом, право, не стоит». Особый интерес представляет фамилия первого профессора – Г. Меллера (H.J. Muller) из Техасского университета, Остин, Техас. Речь идет об известном американском генетике, будущем лауреате Нобелевской премии. С 1933 г. он стал иностранным членом АН СССР и был приглашен на работу в Институт

генетики лично Н.И. Вавиловым. Там он работал в 1933-1937 гг. Фамилия второго ученого – Эдгар Альтенбург (Edgar Altenburg), ботаник из Института риса, Омаха, штат Небраска. Относительно Г. Меллера известно, что в августе 1922 г. он был с кратким визитом в Петрограде и Москве, привез с собой культуры дрозифилы. Результат какой-то инициативы Н.И. Вавилова в связи с этим, очевидно, сработал, однако время расцвета науки и паритетных визитов иностранных ученых в Россию действительно еще не наступило. Н.И. Вавилов не отказывается похлопотать о получении визы американцам, но смотрит на сложившуюся ситуацию в стране и науке в то время вполне здраво. Наступит время и он сделает очень много для привлечения видных зарубежных специалистов – биологов на работу и в рабочие поездки в СССР.

Последнее из опубликованных писем Н.И. Вавилова за 1922 г. датировано 29 августа. В нем Н.И. Вавилов сообщает о получении посылки с образцами картофеля и батата, из которых сохранились лишь несколько десятков сортов, а у остальных клубни погибли. Кроме того, напоминаются адреса, куда следует высылать литературу, извещается о командировке в США на четыре месяца Н.М. Тулайкова, избранного председателем Государственного института опытной агрономии, в который был преобразован Сельскохозяйственный Ученый комитет. В связи с этим Д.Н. Бородину дается наказ: «Предоставьте ему в распоряжение наше Бюро». И еще: «Пожалуйста, пришлите, если можно, штук 6-10 обыкновенных ручек с чернилами, какие вы мне покупали перед отъездом. Они очень нужны. А также для каждой ручки по одному флакону чернил, так как чернил здесь не имеется.... Если можно пришлите даже дюжину». Просьба Н.И. Вавилова по-своему характеризует оснащенность науки в России того времени. В заключение сообщается, что Сельскохозяйственная выставка, о которой столь беспокоился Д.Н. Бородин, состоится на следующий год, «в нынешнем году решено выставки не устраивать».

Глава 3. Продолжение и завершение деятельности Нью-Йоркского отделения прикладной ботаники (переписка 1923 – 1924 гг).

Переписка в 1923 г. начата, видимо, Н.И. Вавиловым. В его первом январском письме сообщается о присылке 100 коробочек с семенами, в том числе картофеля: «В общем можно считать, что вся партия картофеля пришла благополучно. Вообще способ посылки в коробочках хорош» Далее он пишет о прибытии в Москву 44 ящиков литературы, полученные через АРА и возникших там трудностей по ее распределению между научными агрономическими учреждениями: «Мне думается, что в дальнейшем будет целесообразнее посылка непосредственно двум-трем большим учреждениям, таким, как Ученому Комитету, Петровской академии, Петроградскому с.-х. институту, а затем посылка прямо по Опытным станциям». Уже в следующем письме от 17 января 1923 г. Н.И. Вавилов подтверждает продолжение контракта с Бородиным: «Относительно Бюро на 1923 год уже писал Вам: оно закреплено, пять тысяч уже переведено. Недели три тому

назад я из Москвы послал Вам несколько писем со своими предположениями». О содержании этих утраченных писем ничего не известно, но важен результат. Впрочем, о нелегкой задаче по закреплению Отделения свидетельствует следующее: «Написал Вам о своих действиях в Москве по поводу Вашего закрепления, но в общем оно сводилось к лавированию между Сциллой и Харибдой и удалось пройти их удачно».

В следующих февральских письмах еще раз подтверждается: «Ваше финансовое положение довольно хорошее и перспективы также не плохи. Смета наша на 23-й год проходит хорошо, и вместе с ОЗРа думаем, что и 23-й год сможем обеспечить Вашу работу». Д.Н. Бородину уже переслано 5 тысяч из 20 тысяч долларов, которые, как и в прошлом году обеспечило Отделение защиты растений (ОЗР), которое ценило его, видимо, еще как специалиста-энтомолога. В письме впервые сообщается об организации широких опытов по сортоиспытанию всех (около 200) стандартных сортов Америки и России на 15 опытных участках в разных областях: «Наблюдения будут производиться по определенной программе. Это испытание будет произведено в течение 4-5 лет». Речь идет об опытах, проведенных по инициативе и руководством Н.И. Вавилова в течение 1923-1927 гг., названные им «географическими посевами».

Между прочим, упоминается и репатриант из США К.Н. Ткачук, присланный Д.Н.Бородиным на работу к Н.И. Вавилу: «К Вам в Бюро занесут краски для К.Н. Ткачука. Покорнейшая просьба отправить их с нашими грузами, как бы казенное. Ткачуком очень доволен, он малый на все руки и хороший работник, и мы его очень ценим». Деликатно, не столь категорично, как в прежних письмах, напоминает о столь долгожданной книге «о полевых культурах с перечнем для Канады, Аляски и Соединенных Штатов, по крупным областям, важнейших сортов, с описанием этих сортов. Кое-что я знаю, но за краткостью своего пребывания в Америке многого не узнал».

Особое внимание в письме от 19 февраля уделяется культуре хлопка, прежде Н.И. Вавиловым специально не выделяемой. Это связано, очевидно, с приездом из Туркестана Г.С. Зайцева, известного специалиста и селекционера по хлопчатнику. Америка славилась выведением и возделыванием хороших сортов хлопка, что представляло немалый интерес для только еще развивающегося хлопководства Средней Азии, входившей тогда в состав Советской России.

Несколько строк в письме уделено другому выдающемуся агроному и селекционеру, одному из первых организаторов государственного сортоиспытания сельскохозяйственных культур в стране В.В. Таланову, которому Д.Н. Бородин также посылал семена по линии Наркомзема: «Относительно участия Таланова в размножении семян с моей стороны неудовольствия не встречается. В.В. Таланов, как Вы сами знаете, человек очень знающий, энергичный, настойчивый, любящий то дело, за которое он борется. Мы работаем с ним в контакте, и сам он недавно специально приезжал в Петроград для переговоров. Дочь его состоит у нас лаборанткой,

и при отсутствии людей с хорошими организационными способностями участие Таланова чрезвычайно ценно». Следует тут добавить, что В.В. Таланов работал в 1926-1932 гг в вавиловском институте (ВИПБ и НК, затем ВИР), являясь заместителем директора ВИР, директором Московского отделения ВИР, полномочным представителем института в Москве.

В тексте несколько раз упоминается «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee) – американская еврейская благотворительная организация, созданная в 1914 г в США с целью помощи нуждающемуся еврейскому населению, в частности иммигрантам. В России она также занималась благотворительной деятельностью, в том числе содействуя созданию еврейских сельскохозяйственных поселений. Пиком активности «Джойнта» в Советской России были 1921-1923 гг., годы голода, когда организация передала на благотворительные нужды 24,5 миллионов долларов. В связи с этим небезынтересно, как к этому относится Н.И. Вавилов: «Литература, переданная через Джойнта, направлена в Петроградскую академию и будет там распределена. Таланов уже состоит на службе у Джойнта. Пожалуй, и я готов пойти бы на это. Платят в Москве 150 долларов, что соответствует по нашему 10 миллиардам в месяц. Мой оклад с совместительствами около 600 миллионов. Согласитесь, пойдешь при таких условиях на службу в учреждение и почище Джойнта, например академик Бородин – ботаник - читает на старости лекции по ботанике в Компартии, но в общем мы все же не увлекаемся сотрудничеством с Джойнтом». Некоторый скепсис Вавилова в отношении названных им организаций можно понять. Проявляя внешнюю лояльность к политическому режиму того времени, внутренне он вряд ли мог относиться положительно к тому экономическому положению и порядкам, к которым этот режим страну привел. Подлинным сторонником и представителем Советской власти он станет позднее, когда она окончательно утвердится и начнет строить новое социалистическое государство, которое создаст достаточно прочную базу для развития науки, в том числе сельскохозяйственной. Что касается «Джойнта», то спустя тридцать лет, эта организация будет объявлена в СССР подрывной и шпионской в связи с делом врачей, сфабрикованным органами госбезопасности в последний год жизни Сталина. Врачи, те, из которых были евреями, оказались якобы агентами «Джойнта». Так что у Н.И. Вавилова еще тогда было какое-то ощущение не совсем надежного и нормального положения, когда русский ученый идет на содержание иностранной, пусть и благотворительной организации. В одном из писем у Вавилова есть и такая фраза: «У В.В. Таланова дело как будто плохо клеится; к Джойнту подозрительное отношение». Видимо, уже тогда организация была в поле зрения органов ГПУ, а потом НКВД. Сам В.В. Таланов в 1930-е трижды арестовывался, правда, по делу так называемой Крестьянской трудовой партии.

В первом своем письме 1923 г., датированным 23 января, Д.Н. Бородин сообщает, что получил из Берлина от ОЗРа чек на 10280 долларов, «с разъяснениями по вопросу о характере переведенного кредита». В

следующем письме от 3 февраля он пишет: «Получил Ваши два письма от 13 и 15 января. Вижу, что Вы не дремали и нас не забываете, а то думал, Вы передали меня вчера в штат ОЗРа, и не знал, радоваться или печалиться, ибо с одной стороны деньги, а с другого – передача дела в лапки м-ра Розена и Ко - дела, которое Вы, по идее, считаете моим». В письме Д.Н. Бородин уже который раз проскальзывает ревность к совместному с Н.И. Вавиловым делу и опасение, что оно будет передано конкурентам по связи с Россией. Его беспокоит это обстоятельство: «В связи с теми перебросками средств, коими разные благодетели покупают расположение русских сердец, я очень огорчен был историями с моими отправками в Наркомзем снабжения и всем тем, что отсюда было переслано не мною, а известными лицами. Не выпускайте этого всего из рук и я с Вами буду всегда... «Американизм», в коем Вы меня обвиняли, оказался, видимо, рентабельным – судя по тому, что Вы сулите мне в 1923 году». Стремясь, очевидно, сделать приятное шефу, он готов признать важность его научных устремлений: «Примите мои уверения в самом глубоком уважении к науке *Botanica applicata*, ко всем *ligula* и пр. Примите уверенность в том, что я ее интересы принимаю близко к сердцу, но учитываю обстановку работы. Не будь я энтомологом, мне не удалось бы работать на ботаническом поприще – факт, хотя и парадоксальный». Словом Д.Н. Бородин не скрывает своей привязанности к главному делу жизни Н.И. Вавилова – прикладной ботанике, хотя и расходится с ним в некоторых вопросах масштабного характера деятельности: не что именно, а сколько и кому высылать.

В мартовских письмах Н.И. Вавилов расширяет круг интересующих его вопросов и культур, которые он хотел бы получить от Д.Н. Бородин. Это образцы льна и проса из Северной Африки, чечевицы из Сирии и Палестины. Он также сообщает о результатах экспедиции В.Е. Писарева в Монголию и, в связи с этим, обсуждает планы дальнейших экспедиций, в частности в Северный Китай с участием американцев. Американцы, видимо, заинтересовались Монголией. Н.И. Вавилов комментирует это так: «Харлану, Боллу и другим агрономам Вашингтона вместо экспедиции в Монголию мы могли бы предложить нечто для них более интересное, именно: приехать в Россию и с нами по всем лучшим станциям; направиться в Саратов, Туркестан, Сибирь и вернуться через Китай». Но там же высказывает следующую мысль: «Мы охотно взяли бы их сопровождать и помогли всем, чем только смогли бы. Эта поездка дала бы им больше, чем экспедиция в Монголию. Буду писать об этом отдельно Боллу. Я сам охотно поеду с ними в Сибирь, да и в Туркестан». Но там же: «Соучастие же в экспедиции – дело мудреное. Во-первых, нам участие американцев в экспедиции дает очень мало, ибо, с нашей точки зрения, даже у лучших растениеводов Вашингтона вряд ли мы чему смогли бы поучиться. Нисколько не переоцениваю нас самих. Но думаю, что это так, ибо ботанико-географические проблемы американцев пока не интересуют, и даже своих растений, как кукурузу, картофель, американцы прилично не обработали. Изучать в этом смысле культуру Старого Света намного легче, и мы лучше

разбираемся во многих вопросах. Вести же за их счет экспедицию считаю неудобным. Мы можем обойтись с ограниченными средствами. Вот Писаревская экспедиция, давшая огромные результаты, стоила всего три тысячи с оборудованием каравана; она прошла 7,5 тысячи верст караваном». Не ясно, в какой валюте оценивалась эта экспедиция, но если в рублях, то, очевидно, золотом. Скептическое отношение Вавилова к совместным экспедициям с американцами можно объяснить некоторой конкуренцией, которая началась при нем между американскими и русскими интродукторами. К тому же он не чужд был всегда патриотической позиции в вопросах российского приоритета в науке, хотя многому за границей учился у иностранцев и заслужил впоследствии репутацию «гражданина мира».

В следующем письме Н.И. Вавилов сообщает об организации Наркомземом «Бюро интродукции новых растений в Россию и возможном вхождении его в Отдел прикладной ботаники с участием Нью-Йоркского отделения». Тут же он позволяет себе критику Д.Н. Бородина: «Правда, Нью-Йоркское отделение за последнее время занято, очевидно, чем-то другим, по крайней мере впустую приходится писать множество писем с просьбой достать то, что нас интересует особенно. Откровенно скажу, что это обстоятельство нас сильно обескураживает и заставляет думать о непосредственном налаживании работы в самом центре». В том же письме: «От Вас получили на днях 50 коробочек, к сожалению, в них преимущественно шаблонный материал, который у нас имеется уже давно и который приходит по десятому разу. Гораздо интереснее получить меньшее число, но оригинального, нового материала». Все та же не стыковка интересов обоих партнеров - интродукторов.

В очередном письме Н.И. Вавилов добреет, правда его претензии к Д.Н. Бородину за медленное получение запрашиваемой и новой научной литературы остаются в силе: «Все английские и немецкие журналы, заказанные в Англии, приходят самым аккуратным образом, и только Америка у нас в нынешнее году захирела». Зато за семена доволен: «Сегодня после долгого промежутка пришла партия интересных семян тыквы, подсолнечника из Калифорнии, хорошая коллекция сорго и картофеля. Картофель, к нашему удивлению, несмотря на то, что по два месяца пролеживает в таможене, в вашей укупорке приходит в прекрасном виде. Передайте благодарность Вашему помощнику Бухгольцу за весьма аккуратную укупорку. Получил от него письмо, на которое постараюсь ответить. Очень рад, что он устроился у Вас и работой доволен и Вы им довольны». Вместе с тем постоянно высказывает свое недовольство отсутствием книги: «Вообще же перестаю думать о том, что Вы когда-нибудь напишите «Полезные культуры Северной Америки», но если бы вы смогли подытожить, хотя бы в виде карт, хорошо сделанных (не набросков приблизительных, а в виде приличных карт) данные по географии сортов кукурузы, пшеницы, овсов, ячменя, гороха, фасоли, хлопчатника, люцерны, клевера, сои, это было бы чрезвычайно полезно для нас. Мы пытаемся

сделать нечто подобное для России». В письме возобновляется также тема о выставке, планировавшейся в прошлом году и перенесенной на этот. В связи с этим Д.Н. Бородину даются некоторые инструкции по тому, как представить и оформить содержание деятельности Нью-Йоркского отделения: «Это нужно сделать заранее, чтобы мы могли соответственно уделить Вам достаточно площади».

В письме от 5 апреля Н.И. Вавилов с удовлетворением сообщает о получении книги Т. Моргана: «Наконец Морган пришел, Ждали его долго». Незадолго до этого он послал Т. Моргану – генетику, основателю хромосомной теории наследования, краткое сообщение об избрании его и другого выдающегося генетика – автора теории мутагенеза Г. Де-Фриза почетными членами АН СССР. Однако далее не совсем приятно: «Главная к Вам доука относительно семян. В последнее время Вы посылаете семена без указания названия формы и происхождения с одним Вашим номером, и до сих пор не прислали спецификацию материала».

В следующем письме Н.И. Вавилов благодарит Д.Н. Бородину за присылку монографии по сое и ячменю и напоминает о хлопке и Г.С. Зайцеве: «Вообще по хлопчатнику подбирайте для него все, что будет сколько-нибудь интересно». Информировав о состоянии дел с организацией Бюро по интродукции при Наркомземе: «Словом, формально дело обстоит благополучно. Внесли смету в 60 тысяч золотом. Когда она пройдет, не знаю, на быстрое решение рассчитывать не приходится». Любопытная деталь, для успеха дела Н.И. Вавилов считает, что могут пригодиться и такие мелочи, как ватермановские (вечные) перья: «...от Вас пришел великолепный каталог ватермановских перьев, но нужен не каталог, а перья. Очень сделаете хорошее дело, если пришлете полдюжины, это в интересах и Сельскохозяйственного бюро в Нью-Йорке; обещал кое-какому начальству». И это, между прочим, среди множества других просьб и напоминаний о гораздо более существенных и важных для работы вещах. А в заключение: «Получил Ваше минорное письмо. Ваши трудности для нас кажутся очень маленькими по сравнению с тем, что приходится переживать здесь, и в частности по части финансов».

В письме от 12 мая Н.И. Вавилов пишет Д.Н. Бородину, что получил его статью, которая будет опубликована в трудах по прикладной ботанике, но дает к ней никаких комментариев. В следующем письме от 20 июня Н.И. Вавилов сообщает о завершении посева семян, в том числе присланных Д.Н. Бородиным. И вот тут же целая «поварежка дегтя в большой бочке меда»: «Самое скверное, что Вам придется очень иметь в виду, - это то, что большая часть семян, присланных через Нью-Йоркское отделение прикладной ботаники, преимущественно образцы, приобретенные от фирм, оказались невсхожими. Так, например, из бахчевых более половины тыкв, дынь и арбузов не возшло. Даже крупные образцы пшеницы оказались с очень низкой всхожестью. Гораздо лучшее дело с семенами от опытных станций; с ними вообще гораздо лучше иметь дело – и дешевле, и вернее. Всего из 10 тысяч образцов оказалось невсхожих около 2,5 тысячи. Цифра, как видите,

очень большая, чтобы с ней не считаться». Недовольство Н.И. Вавилова вполне понятно, он требовал от других того же серьезного отношения к делу, какое уделял сам.

В этом письме Н.И. Вавилов сообщает также: «Я собирался было ехать в Афганистан, но по политическим причинам пришлось отложить на неопределенное время. Отправляюсь на днях на обзор наших южных и северных станций». И в связи с подготовкой выставки он пишет: «К выставке мы готовим главным образом новые выпуски Трудов. Хотелось бы от вас получить маленькую справку с результатом Вашей работы за два года для напечатания в «Известиях Института опытной агрономии», страниц на 4-5. Она будет очень нужна. Коллеги Наркомзема совершенно новые и снова всех надо убеждать. Ко всему прочему коллеги Наркомзема не включают ни одного агронома». В коротком письме от 2 июля Н.И. Вавилов все больше ориентирует Д.Н. Бородину на присылку материала из стран Африки и дальнего Востока: «Главные наши нарекания, как Вы знаете, именно по Вашей восточной политике» и кратко информирует о работе отдела: «На днях открываем мукомольно-техническое отделение в Царском Селе. Лаборатория вышла, что «Канзас». Получили из Германии все модели... Заканчиваем печатанием большой том, специально посвященный пшеницам, из которого Вы увидите, что кое-что и тут делается». А в заключение спрашивает Д.Н. Бородину: «Будете ли Вы в России на выставке?».

В письме, отправленном уже 1 ноября 1923 г. Н.И. Вавилов еще раз просит Д.Н. Бородину обратить внимание теперь уже не на североамериканский, а на североафриканский материал: «Это не каприз и не курьез, а просто совершенно реальная необходимость». Высказана просьба, в крайнем случае, снабдить необходимыми адресами местных научных центров. Особое внимание Н.И. Вавилов уделяет Абиссинии: «В Абиссинии огромное разнообразие сортов ячменя, овса, пшеницы, ржи, чечевицы, горохов, в особенности в высокогорных условиях... Мне Вашингтон выдал все, что он имеет, и вашингтонская коллекция как по пшенице, так и по овсу и ячменю позволила нам осмыслить многое. Вообще без того, что нам дал Вашингтон и частично Англия, в сущности разобраться в систематике и происхождении культурных растений не удалось бы. Вашингтон имеет настолько хорошую коллекцию, что, пожалуй, равной ей нет нигде. Но все-таки коллекция Вашингтона несколько мало удовлетворяет и нужен во что бы то ни стало материал с места. И далее главное: «Словом, дорогой Дмитрий Николаевич, весь поворот наш в настоящее время направлен на систематику географических обоснований селекции. Мы не перестаем быть утилитаристами и агрономами, но для нас совершенно очевидно, что для того чтобы осмыслить селекционную работу в такой большой стране, как Россия, нужен географический подход к выбору сортов. Юго-Восток и юг России должны быть засеяны африканскими сортами, иммунными к головне и ржавчине; и ксерофиты — твердые пшеницы — гордость России, как

совершенно и бесспорно выяснилось...пришли также из Африки, Пользоваться одним Вашингтоном мы не можем».

На основании глубокого анализа Н.И. Вавилов делает вывод: «гораздо целесообразнее те большие средства, которые тратятся на пересылку, потратить на получение немногих образцов с места». Он явно не удовлетворен бородинским подходом к интродукции культур: «Америка у нас представлена прекрасно, лучше, чем Россия... Очень прошу войти в наше положение и уделить чуточку внимания. Нью-Йоркское отделение существует два года, но Восток все же остался нетронутым. Мы бы охотно взялись за это дело сами, готовы сделать, что от нас зависит. Пришлите. ради Бога, какой-нибудь справочник по Опытным станциям Африки, Балканского полуострова. Турции. Малой Азии, Китая, Испании, Португалии. Может быть есть список опытных учреждений, Ботанических садов, агрономических пунктов, сельскохозяйственных школ. Мы готовы компенсировать их русским материалом, русскими работами. Через несколько месяцев мы будем иметь 3-4 больших выпуска Трудов, в которых все, или полностью, или частично переведено на английский язык». Словом Н. И. Вавилов хочет от Д.Н. Бородина того, что увлекает и по силам лишь самому Н.И. Вавилову, планирующему уже свои столь значимые для мировой науки экспедиции: «Вообще, как это ни курьезно, самые основные вопросы о центрах формообразования и разнообразия главнейших культурных растений до сих пор толком не разработаны и воленс-неволенс мы взяли на себя эту задачу».

Для этого ему пришлось основательно переориентировать работу возглавляемого им Отдела: «С нынешнего года наконец удалось Отдел прикладной ботаники привести в веру православную. Восемь лет он существовал, как гербарное учреждение. Все огромные материалы, которые скопились, потеряли всхожесть, и при всем желании трудно было высылать что-либо за границу систематизированного и ценного». Положение теперь кардинально меняется: «В нынешнем году огромные материалы высеяны в Туркестане. Воронеже и других местах. Всего 45 тысяч образцов во всех пунктах от Мурмана до Туркестана и от Литвы до Иркутска. Многие не взошло. В частности, и из Вашего материала, как уже писал, около 1/3 – 1/4 присланных образцов оказались невсхожими, но, во всяком случае, долг чести – все что есть, иметь в живом виде и гербарное учреждение превратить в большое опытное учреждение с филиалами по всей территории»

Определенную озабоченность Н.И. Вавилову доставляют также грузы с литературой. Наиболее для него интересное порой не доходит или доходит с большим запозданием. Основная же масса требует большой распределительной работы и может представлять интерес лишь для опытных станций, которые целесообразно связать непосредственно с американскими: «В общем по существу дела, хотелось бы, чтобы Нью-Йорк продумал этот вопрос и не увлекался количеством брошюр и образцов, пересылаемых в Россию... Покорнейшая просьба впредь посылать все то, что выйдет нового, в особенности не из популярных вещей, а из оригинальных, как отчеты, статьи

по селекции, генетике, растениеводству; книги - по Вашему усмотрению. В особенности, повторяю, оригинальные работы».

В данном письме Н.И. Вавилов касается и такого важного для Д.Н. Бородина вопроса, как дальнейшая его работа в качестве представителя русского Отделения прикладной ботаники в Нью-Йорке. Судя по его интересам, выбранному направлению и размаху работы, она для него стала слишком тесной и узкой. Что-то об этом он, видимо, изложил в своем уже упомянутом циркуляре, который послал Н.И. Вавилову для рассылки во всякие российские служебные инстанции. Речь идет уже о создании более представительного по целям и масштабу работы Сельскохозяйственного бюро. Кое в чем ему, очевидно, обещал посодействовать Н.М. Тулайков во время своего визита в США. Н.И. Вавилову это не совсем, видимо, по душе, однако он отвечает: «По существу дела я бы считал нужным провести Сельскохозяйственное бюро в Америке, т.е. прихожу к Вашей идее отчасти на основании некоторого разочарования и возможности специализированной работы, исключая области растениеводства, которые Вам, очевидно, не по душе». Вместе с тем он дает понять, что с точки зрения всяких бюрократических препон, это будет сделать все же труднее, чем Отделение прикладной ботаники и энтомологии: «Словом пока, при нашей ситуации, есть трудности, Вы не сердитесь и не ругайтесь, но это так. Поэтому в октябрьскую смету мы, Ихтиология и Энтомология, и вероятно, ОЗРа будем выводить Вас в свои бюджеты и в таком виде, думаем, что пройдет дело и на следующий год, а может к тому времени все поопределится и явится возможность осуществления единоличного сельскохозяйственного бюро в Нью-Йорке».

В ответном письме от 6 марта Д.Н. Бородин выражает радость по поводу того, что «дело с сортоиспытанием на 15 участках налаживается» и «высокую степень озлобления» в связи проблемой несвоевременной доставки и путаницы с распределением высылаемых им грузов, возлагает на конкурирующие учреждения и организации по линии АРА и АРКОС в Америке и плохо отлаженную систему снабжения в Москве по линии Наркомзема. Однако самым острым вопросом по-прежнему остается финансовое положение. На замечание Н.И. Вавилова, сделанное им в письме от 9 февраля, что «Ваше финансовое положение довольно хорошее и перспективы также не плохи», Д.Н. Бородин отвечает: «По вопросу финансового положения Бюро, может быть, только с русской точки зрения оно хорошо, то есть «есть» кэш (cash – деньги, наличности), который может расходоваться; но считаю нужным сообщить Вам, что по отношению к этому кэш были определенно сделаны попытки забронировать его». Есть также проблемы и со статьями расхода, «а самое главное – переводили бы деньги вовремя». Впрочем, дело с финансами обстоит у него не так уж плохо, только не просто ими распорядиться: «Монеты я получил – 20000, и все дополнительные телеграммы состояли в том, что из этих денег я должен выкраивать то для Вас, то для Выставки, то еще для кого-нибудь. Хорошо, что деньги подваливают. 711 шархнул Дубянский. Кроме того, Николай

Максимович (Тулайков) тоже оставил шесть с половиной тысяч, но на эти деньги особое назначение».

Из других вопросов дело касается опять-таки планируемой теперь на 1923 г. Сельскохозяйственной выставки в России, содержания и формы участия в ней Нью-Йоркского Бюро. Нельзя не отметить и факт присылки семян из Екатеринослава. Между Америкой и Россией устанавливается, наконец, реальный обмен семенным материалом: «Вчера пришел первый большой ящик с семенами из Екатеринослава. Это очень кстати, и очень благодарен екатеринославцам, от которых имею письмо. Приму все меры, чтобы их станции было дано все наравне с Полтавой (патриотизм)». Под патриотизмом понимается, видимо, то, что Д.Н. Бородин после окончания Петроградского Университета работал на Полтавской опытной станции. От Н.И. Вавилова приходит также научная литература, в том числе Труды по прикладной ботанике, его собственные новые работы и статьи. По личной просьбе Д.Н. Бородин ему высылаются книги об академиках И.П. Павлове и В.И. Палладине. По поводу последней вавиловской статьи он делает ему такой шуточный комплимент: «Уверен, что *Triticum Percicum (persicum?)* – Ваше произведение и буду очень рад получить заметку в «Сайенс» для напечатания. Гоните сюда семян. Назову все сорта «Vavilov's». По поводу картофеля, которым так заинтересован Н.И. Вавилов, сообщается следующее: «В настоящее время прогнал Вам дополнительную партию картофеля и уверен, что в нашей укупорке она дойдет хорошо, Бухгольц обладает наследственным ботаническим чутьем». Имеется в виду, что его помощник А.Ф. Бухгольц – сын известного ботаника Ф.В. Бухгольца. По поводу своего давнего долга несколько строк: «Спасибо за сведения об адресах, кому посланы Труды прикладной ботаники, Вижу, что Вы проявляете большую энергию, и очень рад слышать, что масса ценнейших книг выйдет под Вашей редакцией и при Вашем непосредственном участии. Буду стремиться как можно скорее прислать Вам мои манускрипты, которые все время на моей совести. Речь идет о канадских полевых культурах, очерке Аляски и т.д.». В следующем письме от 16 марта Д.Н. Бородин затрагивает все те же проблемные вопросы доставки и распределения грузов, сообщает, что «из 20000 на нужды Бюро прикладной ботаники я могу истратить 5000», просит зарезервировать место для Бюро на выставке. Особо отмечает из высланного материала очень ценный сорт пшеницы, устойчивый к головне, прося половину семян отослать в Екатеринослав и дать оценку ему после испытания.

В письме от 31 марта Д.Н. Бородин пишет: «Много возни с Выставкой и много порчи крови из-за дурацкой постановки дела, когда поручения даются одновременно десяти лицам, что ведет к столкновению именно между этими десятью аккредитованными. Подтверждаю просьбу о помещении в Американском отделе всего интродукционного дела под нашим флагом». В том же письме не без сарказма пишет: «Как характеристику завоеванного нами здесь положения между американцами, могу сказать, что на прошлой неделе получил предложение, с одной стороны и просьбу, с

другой стороны, организовать исследования в России в связи с анизоплией (хлебный жук) на жалование в 250 долларов в месяц, что в 25 раз превышает Ваше... Думаю, что половину Полтавской станции можно будет содержать на эти деньги». В следующем письме от 5 апреля он уведомляет, что устроил на предлагаемое ему место А.В. Знаменского – сотрудника Полтавской опытной станции, «минимум на пол –года, с весьма приличным содержанием. Сам я за это дело не берусь, хотя имею шансы вполне определенные, если захочу – будьте уверены». Письмо вообще наполнено одним негативом. Чувствуется, что он сильно раздражен дикой бюрократической неразберихой с выставкой: «С выставкой – каша». К тому же, как всегда при этом бывает, его замучили всякие интриги и доносы: «Особого желания с коммерцией связываться у меня нет, весьма возможно, придется иметь дело, если неопределенность будет продолжаться, а донос любой св... и может сказываться губительно на учреждение с ничтожным бюджетом, обслуживающим часть света, которая именуется Россией». Он недвусмысленно дает понять Н.И. Вавилову: «Если Вы считаете, что не будете в состоянии отвоевать и обеспечить Бюро, то сообщите, и я буду знать, что делать». Очевидно, что его действительно достали «товарищи» по связи с Россией: «Самое искреннее желание работать на Россию и русских может быть поколеблено бомбардировкой доносами, с одной стороны, и постоянным недоверием и подозрительностью – с другой, надоело». Далее он без обиняков дает понять Н.И. Вавилову, что в этих условиях рассчитывает не только на его защиту, но на некоторое прибавление в жаловании: «Из моих пожеланий, в случае если Вы будете закреплять бюджет Бюро на будущее, отметьте для меня прожиточный минимум, который известен Николаю Максимовичу Тулайкову... Если вы цените мою энергию и то, что конторские часы не являются исключительным временем моей работы, то подумайте о легкой прибавке к этому минимуму, считаясь с тем, что друзья в России не отказываются получать пищевые переводы и даже одобряют подобную распорядительность заведующим Бюро». Намек вполне прозрачный и даже похожий на легкий шантаж, особенно, что касается посылок, которые Д.Н. Бородин отправлял по списку, составленному Н.И.Вавиловым.

В этом же письме приводятся данные и о личном счете Н.И. Вавилова, которым он доверил распорядиться Д.Н. Бородину: «Состояние Ваших личных финансов следующее: с 1 января Ваши личные деньги в размере 199.72 долларов я перевел со счета Бюро в Гарант. Трест Ко – на мой личный счет; к ним добавлены 18 долларов, вырученные с продажи Вашей платиновой пластинки. Продал Бухгольц. 175 долларов из Ваших денег я перевел по Вашему указанию. Остальные остаются на моем счету в размере 44 долл. 72 центов. Возможно к этой сумме будут сделаны надбавки, ибо часть расходов, отнесенных на Ваш счет, можно будет отнести за счет Бюро». Вот и все, что касается личного заграничного счета, который имел Н.И Вавилов в Нью-Йоркском Отделении прикладной ботаники. Сумма, можно сказать, приличная по тогдашним российским меркам, но более чем скромная – по американским. Это максимум того, что он, очевидно, мог

позволить себе иметь за границей как заведующий Отделом, куда относилось и Нью-Йоркское отделение прикладной ботаники. Счет, по всей вероятности, был открыт Н.И. Вавиловым еще в бытность его пребывания в США. И лишь в заключение письма позитивное: «На днях прибудет Мичиганский и Висконсинский картофель. Только что вышла книга Стюарта, которую направляю, Книга очень хороша, и Букасову будет очень интересна».

В связи с последним эмоционально весьма раздражительным письмом Д.Н. Бородина напрашиваются некоторые комментарии относительно того, чем вызвано такое раздражение. Что касается выставки, то Н.И. Вавилов еще в 1922 г., когда она еще замышлялась, предостерегал Д.Н. Бородину не слишком ввязываться в организационные дела по ее устройству, и сам отвел от себя роль организатора, полагая, что отвлекаться ему на это слишком накладно из-за обилия многих других важных дел для него и его учреждения, а также считая, что это скорее в компетенции Москвы, Наркомзема как центрального правительственного органа по сельскому хозяйству. В американских весьма путанных, если не скандальных, делах Д.Н. Бородин, связанных с его амбициозными представительскими планами и, видимо, не слишком уживчивым и уступчивым характером, Н.И. Вавилов также никакого участия не принимал. Вместе с тем его вряд ли можно упрекнуть, что он не прилагал никакой энергии, чтобы отстоять свое Нью-Йоркское отделение, и Д.Н. Бородин в частности, в высших руководящих инстанциях, выбить для него хоть какие-то мало-мальски приемлемые средства. Именно благодаря усилиям Н.И. Вавилова, оно смогло просуществовать к тому времени почти два года, поэтому претензии Д.Н. Бородину по поводу своего положения носили не очень справедливый характер. Возникшие у него с другими американскими посредниками с Россией, в частности с АРКОСом, проблемы происходили по мало зависящим от Н.И. Вавилова причинам и тот вряд ли мог ему чем-то помочь, тем более, что Д.Н. Бородин и сам, очевидно, не во всем был прав. В последующих письмах он продолжал наряду с чисто рабочими вопросами информировать Н.И. Вавилова и о занимающих его интригах вокруг выставки, в которые в это время был сильно вовлечен. Что касается проблем собственно работы, то он ограничивается отпиской: «По вопросу направления нашей работы, то ее приходится делать пропорционально средствам, отпускаемым центром, и прикладной ботанике уделяется время более, чем это диктуется средствами отпущенными».

В письме от 2 мая Д.Н. Бородин постепенно отходит и входит в свою обычную рабочую колею. Чувствуется, что, несмотря на весь свой практицизм, он остается не чуждым и чисто научным интересам, к чему его усиленно склонял Н.И. Вавилов: «Очень интересуюсь Вашими работами с параллелизмом рас ржи и пшеницы. Шарахните на сей счет по-английски брошюру – я писал, что Вы Вашими рядами здесь в моде, - подлейте масла в огонь ради дела хотя бы». Вот уж действительно американский подход к науке: слово ради дела. Но то, что Д.Н. Бородин, видимо от разочарования своею практической работой, стал уделять больше внимание научным ее аспектам, свидетельствуют строки: «Стюарта я послал в 3 экз. Вам. Имейте в

виду и передайте Букасову, что главу о происхождении картофеля, о селекции его и классификации я уже перевел и перешлю». Речь идет о последней американской монографии о картофеле, которую он переводил с английского на русский, скорее для себя, чем для знавших язык русских коллег. И далее: «Вообще как видите и увидите, у меня заговорила совесть перед основателем Бюро и на совести книга, долженствующая дать ряд руководящих указаний и теоретических ареалов распределения дифференцируемых сортов». Он считает, что это позволит сократить количество географических опытов, заложенных Н.И. Вавиловым в 114 учреждений. В заключение наряду с повторением, что с «выставкой дрянью» примирительно пишет: «Словом, не ворчите, дорогой Николай Иванович, и извините за отступление от темы в письме ввиду наличия агрессивного фронта здесь и там... и о необходимости укрепить позиции на деле».

В следующем письме от 9 мая Д.Н. Бородин уведомляет: «Семена, полученные от вас по преимуществу с Екатеринбургской опытной станции, разосланы по адресам...». Он придает также большое значение получению и рассылке в Америке русского семенного материала: «Все Бюро Вас и Баумана очень благодарит, ибо неловкость постоянного попрошайничества и благодарственных писем с извинениями о невозможности прислать что-либо из России были более чем неприятны. На нашей улице праздник». Для выполнения заказа Н.И. Вавилова на семена хлопка, он собирается ехать в южные штаты: «не позднее 15 мая еду приблизительно на три недели по хлопковому поясу». При этом дает понять, что это сопряжено с определенными трудностями: «В противоположность своему обыкновению американцы с хлопком очень скупы... По моим впечатлениям можно предполагать по отношению к хлопку инструкции «свыше», ибо Вы знаете, что такое хлопок для Америки, где хотя главной является кукуруза, но она потребляется почти нацело внутри страны. Хлопок же – серьезный предмет экспорта, влияющий на всю экономическую жизнь страны, до курса включительно. Думаю, что на местах я достану все, что нужно, и отнесусь внимательно к хлопку, также как к кукурузе и к картофелю в прошлом». В конце не может удержаться, чтобы не сказать о больном: «С выставкой весьма средне; полное затишье. Москва молчит, Берлин ворчит, а Лондон диктует. Научный отдел тяну, но, видимо, он кому-то не нравится или не нужен. Прежде всего нет средств, и последние пошли почти все на рекламу и на информацию американцев. На посланные сметы из Москвы молчание, а Николай Максимович (Тулайков), видимо, уступает и отступает чаще, чем следовало бы».

В письме от 11 мая, помимо всех рабочих вопросов, заслуживает особенного внимания место: «Посылаю Вам книгу, которая, вероятно, является сейчас самой интересной не только для Вас, но также для меня. Я посылаю ее со «скрежетом зубным» и действительно, надеюсь, что Вы ничего не опубликуете из нее, поскольку почти половина самого интересного в ней будет включена в одну из моих глав как самый ценный материал, отвечающий на все вопросы, которые мне нужно решить». Тут интересно не

только, что это за безымянная в письме книга, но и то, что в Д.Н. Бородине пробуждается, наконец, научный «кураж». С книгой самого Д.Н. Бородина пока не так все безнадежно, хотя он сильно затянул ее написание, отвлекаясь на множество других дел, не всегда связанных с его основной работой. Пример Н.И. Вавилова, с успехом сочетающего огромный научный и организационный труд с литературным, для Д.Н. Бородина, видимо, очень заманчив, но и обманчив, т.к. он все-таки личность не того масштаба и творческого потенциала. В заключение письма опять о многострадальной для него выставке: «В ближайшем будущем я пришлю Вам небольшой перечень расходов павильонов научного раздела Американской выставки, где будет включено Американское бюро в качестве одного из демонстрирующих интродукцию зарубежных семян, растений и т.д., а также включена деятельность Бюро прикладной ботаники в Нью-Йорке в целом. Я надеюсь Вы найдете это более или менее удовлетворительным».

Последующие, июньские письма носят характер кратких реляций, из которых наиболее ценной представляется в письме от 14 июня: «Некоторое время назад мы отправили Вам различные образцы хлопка из Отдела акклиматизации и адаптации растений Департамента сельского хозяйства США». В нем, однако, ничего не сообщается, состоялась ли его поездка в южные штаты хлопкового пояса или все образцы получены официальным путем из Вашингтона. В этом же письме Д.Н. Бородин предупреждает: «P.S.: «Просьба иметь в виду, что Ваши письма и письма Ваших друзей на адрес читаются также, как и мои, не только в России, но и здесь, и не только американской цензурой, но и другой «цензурой», если можно назвать нанимаемых детективов и др. агентов заинтересованных перепиской лиц, учреждений,

Sapientī sat».

Латынь означает – для мыслящего достаточно. Предостережение примечательное и свидетельствующее, в общем-то, о весьма непростой, а порой и враждебной обстановке, в которой работал Д.Н. Бородин. Кое-что, возможно, ему мнилось, но многое, скорее всего, соответствовало действительности, учитывая не вполне нормальные тогда отношения между Россией и США, а также общий конфликтный фон деятельности и явно амбициозный характер самого Д.Н. Бородина.

Из письма от 23 июня из Канады, куда Д.Н. Бородин приехал на пару дней выясняется, что он еще не ездил на юг в хлопковый пояс (cotton belt). Теперь он все более сожалеет, что так и не написал книги по совету Н.И. Вавилова: «...я чувствую угрызения совести, что не выбросил для русского рынка и аугуризма одной книжки в палец толщиной вместо моих ста тридцати ящиков английской литературы по всем вопросам, которая молча жуется аугуратом в укромных уголках РСФСР и используется для докладов и работ как божий дар, упавший с неба вроде манны небесной... Вижу, что тощей брошюрой или парой строк собственной компиляции можно прошибить и заставить оглядываться и быть вежливым авгурскую голову русской работы – других способов проникновения нет! И Вы были правы, зная эту зоопсихологию, советуя мне писать о сельском хозяйстве и т.д.».

«Аугурами, аугуратом» он называет современных ученых жрецов, по аналогии с древнегреческими жрецами и гадалками, к коим отнести себя не может и не хочет, о чем, видимо теперь жалеет. Его определенно «щекочет», как он сам пишет, самолюбие, но настоящего стимула, творческих сил, времени, наконец, написать настоящую и полезную для дела интродукции книгу у него так и не находится. В письме от 26 июня продолжают разборки с представителем АРКОСа Шерманом, те же планы отправиться на юг в хлопковый пояс, однако более всего его интересует север: Канада и Аляска. Он в очередной раз муссирует вопрос о книге, к написанию которой вроде приступил, но никак не может продвинуться дальше: «Признаюсь, что написал в последнее время мало. Ваше письмо меня подхлестнуло, однако уверен, не так-то скоро кончу: чересчур много интересного материала в коем я буквально тону. Завел коробки для бюллетеней и наводняю их литературой». В конце вопрос не без тревоги: «Как Вы мыслите 1923 год и Бюро? Выставки лишь будет достаточно; моя книга? семена? и еще что-либо».

Следующие, июньские письма Д.Н. Бородина главным своим мотивом продолжают иметь выставку: «К выставке, что Вы готовите, my dear? Я представляю Бюро и его деятельность и очень прошу озаботиться отводом должной площади. Может быть мы и в Американском отделе сумеем быть также, но флаг нашего Бюро должен будет развиваться и интродукция новых культур должна пройти под нашим флагом». Он весь погрузился в это дело, считая, что успешным результатом выставки должно явиться укрепление и закрепление Нью-Йоркского Бюро на следующий год: «На выставке в инотделе фактически заполняю весь стенд № 8. Бюро также будет представлено отделом, и как вице-председатель здешнего Бюро я кой-что добился. Используйте результаты нашей выставки, чтоб закрепить позиции».

В письме от 2 августа присутствует та же тема. Д.Н. Бородин призывает Н.И. Вавилова: «Используйте выставку! Ваш покорный слуга на 5000 долларов согнал экспонатов со всей Америки в стенд № 8 инотдела. Там экспонируют de facto наше Бюро, начавшее работу с октября 1922 года без средств». Он стал настоящим энтузиастом продвигаемого им дела: «Закрепляя Бюро, не думайте обо мне. Если найдется более подходящий, но с моей точки зрения, человек. Я охотно поделил бы работу, но пусть сначала интродукция получит признание, иначе я низложу руки, пусть она будет закреплена за нами. Остаюсь по-прежнему другом растений и их защитником». В свою очередь в этом же письме откликается на некоторые идеи и планы Н.И. Вавилова, изложенные им в письме от 9 июля. Ему представляются очень интересными его взгляды «о происхождении растений культурных, особенно, если они дадут «tools» (инструменты) для приложения практического использования этих данных с целью подбора лучшего сортового материала». У Д.Н. Бородине тоже есть некоторая идея в этом направлении, названная им Life Zones (Жизненные Зоны), которая, правда, почти никак не раскрыта в его письмах и не была нигде изложена впоследствии. Относительно «восточной политики», в недооценке и

отсутствии которой Н.И. Вавилов упрекал Д.Н. Бородин, тот успокаивает его присылкой в Бюро богатого семенного материала из Египта и Греции: «Так что смените гнев на милость и знайте, что «orbis terrarum» (земной шар) в нашем ведении, а семена не круглый год на лице и мы не сверхучреждение».

В следующих письмах его начинает беспокоить долгое молчание Н.И. Вавилова, отправившегося в летнюю поездку по опытным станциям. «С выставкой просто: Внешторг сел на Наркомзем и все происходит под этим флагом... Пользуюсь случаем поехать на юг за счет выставки, но вообще вмешательство отбило охоту в сильной мере, тем более что делать приходится мне больше всех». В письме уже от 14 октября осведомляется о выставке, которая должна была уже состояться в Москве: «Как Ваше мнение о нашей выставке? Ни слуху, ни духу. Никто, кроме Бухгольца, не писал на сей счет». Наконец, ему удалось выбраться на Юг: «Сообщаю данные для OZR'a и для себя по части борьбы, и для Вас составляю список всех иммунных сортов от болезней каких бы то ни было. Коллекцию тоже буду иметь. Собираю теперь по хлопку систематически и вышлю прямо в Туркестан».

В Америку в это время приехал с визитом В.П. Поспелов – заведующий Отделом прикладной энтомологии Сельскохозяйственного Ученого комитета (СХУК), который был уже преобразован в – Государственный институт опытной агрономии (ГИОА). Значительную часть средств Д.Н. Бородин получал от ОЗР (Отдела защиты растений, относящегося к тому же ведомству) и должен был, очевидно, тратить на его нужды, а также представляющих его визитеров. Нью – Йоркское Бюро фактически было Отделением прикладной ботаники и энтомологии, что иногда проскальзывало в документах. В связи с этим Д.Н. Бородин пишет: «Возвращаюсь числа 30-го в Нью-Йорк и там увижу, можно ли жить или нужно закрывать лавочку. На меня не сетуйте, OZR'a дуетея и на Вас и на меня, виновата Ваша милость отчасти – я ничего не знал, от кого и на что получал средства». И в другом месте: «Не слишком рассчитываю на большие ассигнования по 14000000 на выставку, с одной стороны, и перемены курса – с другой».

В следующем письме Д.Н. Бородин с радостью сообщает о том, «что вернулся из поездки на Юг и Запад, где установил великолепные связи с опытниками - специалистами по хлопку. Рассчитываю на хорошие результаты, но не знаю, смогу сделать что-либо, ибо OZR'a сильно недовольна «тратой денег не по назначению», а от Вас я не жду помощи и предвижу перемещение центра тяжести в Москву в самом непродолжительном времени или Вашу дальнейшую академизацию, к которой склонность знаю». Он имеет в виду грядущие организационные перестройки в управлении сельскохозяйственной наукой в России, ссылаясь на Н.М. Тулайкова, который говорил ему, что «Ученый комитет должен быть в Москве». Однако письмо заканчивается весьма минорно: «Дела финансовые очень плохи. Я истратил все свои деньги и часть Тулайковских.

Ждать – здесь не ждут! Последний перевод, гроши, я получил и вижу, что наука отошла от жизни настолько что ее перестали ценить и оплачивать».

Письмо от 8 ноября начинается так: «Настоящее письмо является последней попыткой выяснить причины Вашего молчания в течение всего выставочного периода и последовавшего за ним послевыставочного. Бухгольц пишет мне весьма исправно, и я имею довольно полную картину наших удач и неудач на выставке, но я не имею Вашего и Тулайковского мнения о наших экспонатах и о наших акциях на Московском рынке, который может быть сравнен с биржей». Д.Н. Бородин ожидает нового ученого и ответственного визитера – С.К. Чаянова: «Вижу что Максимович (Тулайков) скуповат и, может быть, Чаянов пощедрее и поймет смысл нашего Бюро». Надо отметить, что после посещения Н.И. Вавиловым США и основания там Нью-Йоркского Отделения прикладной ботаники в Америку зачастили разные другие визитеры из ответственных лиц СХУК (теперь ГИОА), а также Наркомзема (НКЗ РСФСР). О стремлении туда попасть многих чиновных лиц от науки писал и Н.И. Вавилов в одном из писем Д.Н. Бородину. В задачу Д.Н. Бородина входило достойно их принять и заинтересовать деятельностью руководимого им учреждения в надежде на будущую поддержку и помощь.

В связи с визитом В.П. Поспелова он вспомнил и о своей прежней энтомологической практике, договорившись с ним о напечатании своих работ: «Если этот номер пройдет, я буду счастливейшим из смертных. Затем уж пусть старается Ваша милость насчет нас по части «полевых культур». Двигается дело куда медленно, но надежды не теряем все же». Это все о книге, заказанной ему Н.И. Вавиловым с самого начала их знакомства и совместной интродукторской деятельности. С научными работами Н.И. Вавилова он ознакомился и проникся ими столь основательно, что советует своему хорошему знакомому, зоологу В.М. Исаеву, который решил применить вавиловский закон гомологических рядов в наследственной изменчивости в своей работе: «провавиловировать не только кур, но и человеческие расы, признаки коих очень детальны. Пусть протащит сквозь Вашу периодическую решетку поганое человеческое отродье».

1 ноября Н.И. Вавилов, наконец, отправляет Д.Н. Бородину длинное и долгожданное для него письмо, объясняя свое молчание командировками в Воронеж, Киев и Москву, а также неопределенностью с положением дел. И сразу переходит к главным вопросам: «С боем удалось Вас отстоять на третий год. Несмотря на то, что смета НКЗ сокращена в 6 раз, каким-то чудом Вас удалось провести. Пока отклонили даже нашу экспедицию в Афганистан. Смета пришла пока минимальная – 15 тысяч на год; но так как ОЗРа, по-видимому, получит прежнюю сумму на борьбу с саранчой, то дополнительно она будет пересылать те или другие заказы». Далее с оптимизмом пишет: «Таким образом, несмотря на все наши российские трудности, Нью-Йоркское отделение, как его не называйте, входит в третий год своего существования». В связи с этим он делится планами на будущее, сообщая о возможности включения отделения во вновь организуемый Отдел

интродукции семян во главе с В.В. Талановым: «Это обстоятельство Вы имейте в виду, но пока еще на нем ничего не стройте», предупреждает автор письма.

Относительно выставки, мнение о которой Д.Н. Бородин столь долго ждал, он пишет: «Ваше участие, конечно, очень желательно. Самой слабой частью у Вас была именно пропаганда интродукции. Экспонатами очень интересовались. Бухгольц был очень аккуратен, хорошо давал объяснения, но так как Ваши экспонаты носили пестрый характер, то особенной пропагандой Вашего прямого дела они не служили. Нам не до евгеники, не до национальных парков, но в общем все было интересно, и я сам слышал от многих удовлетворение тем, что было показано». Он также характеризует российскую часть выставки, отдавая ей должное, хотя «сама по себе выставка была, конечно, дорогой и, может быть, недостаточно рентабельной, во всяком случае слишком скоропалительной, но для отдельных групп, как например для нас, она несомненно была чрезвычайно интересной и полезной. Можно было получить представление о всей России, и в особенности об ее окраинах. Во всяком случае выставка была такой, что ее было не совестно, показать иностранцам, и напрасно их было сравнительно мало».

Однако основная и очень большая часть письма Н.И.Вавилова посвящена критическому разбору работы Бюро: «О заданиях Бюро с нашей стороны могу сказать следующее, и не обижайтесь за откровенность: лично меня Нью-Йоркское отделение перестало удовлетворять, ибо того, что нам решительно нужно для работы, оно не выполняет. Америка у нас представлена сравнительно хорошо и весь интерес наш в настоящее время в Старом Свете...». Повторяется прежний набор претензий относительно происхождения, особенностей и количества присылаемого материала: «Если разобрать Ваши 7 тысяч номеров образцов, то они сведутся в сущности к очень немногому, если вычтеть тот наиболее ценный материал, который удалось достать от Харлана, Кларка и Рида». Эти имена теперь широко известны: американский агроном, ботаник и интродуктор Н.V. Harlane, совершавший в это время большую экспедицию по странам Азии и Африки, а также ботаник J.A. Clark, ботаник и фитопатолог G.M. Reed, специализирующиеся в основном по хлебным злакам, всегда бывших в сфере первоочередных интересов Н.И. Вавилова.

Он явно не удовлетворен результатами деятельности Д.Н. Бородина и его стремлением к ее расширению в ущерб вавиловской работе: «Никому нет отказа в образцах семян. За истекший год Отделом роздано 18 тысяч образцов по различным учреждениям, не говоря уже о том, что наборы лучших стандартных форм в количестве 200 номеров рассылаются систематически по 26 Опытным учреждениям. Заподозрить нас в сепаратизме, во всяком случае, не приходится, и поэтому Ваше обслуживание всея Руси за наш счет, конечно, нас не может удовлетворить. Мы просим о немногом, мы просим доставать материал, тот, который нам действительно нужен... Словом, Дмитрий Николаевич, совершенно спокойно должен сказать, что Нью-Йоркское отделение становится мало рентабельным

для Отдела ботаники... Если бы Вы представляли себе тот ужас финансового положения, которое мы чувствуем на каждом шагу, если бы Вы представили все трудности проведения сметы, то у вас было бы более снисходительное отношение к нашим запросам. Для меня, например, ясно, что на тысячу рублей в нашем личном распоряжении мы можем сделать, сидя в Петрограде, в пять раз больше, чем сделает Дмитрий Николаевич в Нью-Йорке. Это обстоятельство Вы учтите. Нынешний год как-нибудь протянем; большую помощь может оказать ОЗРа». Это достаточно серьезные претензии лично к Д.Н. Бородину! И в другом месте: «За исключением ОЗРа, и откровенно должен сказать, меня лично никто палец о палец не ударил в защиту Вашего учреждения, несмотря на несомненную пользу его для опытных учреждений».

Не совсем доволен он и состоянием дел с литературой, оформлением списков присылаемого материала: «Должен сказать, что Ваши статьи в переводе Стюарта и списки сортов нас также не слишком удовлетворяют, ибо все это мы гораздо лучше, более грамотно можем сделать сами. От Вас нужна более строгая, более синтезированная работа. Так, например, зачем приобретать десять экземпляров Стюарта о картофеле? В тысячу раз для нас более важно получить 5 монографий по разным растениям. Если Вам угодно заниматься пропагандой, популяризацией, сделайте это за счет других учреждений. У нас свои задания, более прямые, на которые с трудом удастся достать средства. Каждый рубль дается здесь с большим трудом; и поэтому хотелось бы, чтобы он пошел по прямому назначению. Отдел прикладной ботаники достаточно связан со всеми Опытными учреждениями и никому не возбраняется пользоваться библиотекой, и не бывает, кажется, недели, когда кто-нибудь из провинции, кому действительно нужны книги, не работал бы в Отделе». Он дает перечень тех журналов, которые ему нужны, при этом оговаривается, что за отсутствием финансов «будем просить подписаться Шаповалова, у которого осталось немного долларов, так что и этим даже не будем Вас утруждать. Словом, расходов на нас больших не требуется. Ставить более широко задания в настоящее время мы не можем».

Как уже отмечалось Н.И. Вавилов поддерживал связь с М.О. Шаповаловым, услугами которого также пользовался Д.Н. Бородин во время своих поездок в Вашингтон и на Юг страны. В заключение письма он все же смягчает тон, понимая, что Д.Н. Бородин делает многое, если не все, что от него зависит «Не очень сердитесь, Дмитрий Николаевич за все, что написал Вам. Деятельность Вашу в целом мы очень ценим, и снова повторяю, очень сочувствуем Вашему превращению в Сельскохозяйственное бюро. Самое правильное было бы войти в контакт с ARCOS'ом. Они на Вас очень сердиты, защищал, как мог тут». Речь, очевидно, идет о желании Д. Н. Бородина как-то выделиться в структуре Наркомзема и выстоять среди своих конкурентов и противников в этом предприятии.

В ответном письме от 9 декабря Д.Н. Бородин выражает признательность Н.И. Вавилову «за Ваше содействие в отстаивании Бюро». Дальше он пишет: «О смете мне давно сообщили, И я знаю, что она прошла.

Это, конечно, кое-что, но теперь у Вас или у нас на пути проблема утверждения Бюро, как такового, и фактический перевод денег. И то, и другое требует очередного напряжения, и я вижу, что для вдохновения Вам нужны африканские сорта. Мне думается все же, что шансы перевода очень невелики, и мы будем влачить прогрессивное нищенское существование, ибо, видимо, не до науки и не до затей спецов. Вообще, я вижу, что такая вещь, как Бюро – большая роскошь, когда истрачено 14000000 на просветительские цели».

Далее он касается весьма задевшей его темы, печатного отклика на выставку, в частности в газете «Экономическая жизнь» (01.11.1923 г), в которой были опубликованы статьи Н.И. Вавилова и В.В.Таланова. Статья Н.И. Вавилова называлась «Селекционные и сортовые возможности России, по данным Всесоюзной сельскохозяйственной выставки». В ней он, в частности, пишет: «Необходимо восстановить прекрасное начинание екатеринославского и харьковского земств, которые незадолго до войны по собственной инициативе организовали специальные агентства по вывозу наиболее ценных растений из Америки. Отдельные опыты в этом направлении, представленные проф. Талановым, наглядно иллюстрируют всю важность этого начинания». В статье В.В. Таланова: «Успехи селекции и семеноводства в России», тоже по данным выставки, говорится, что «самый дешевый способ повышения урожайности – это введение высокоурожайных сортов». При этом он ссылается на свой опыт сотрудничества с организацией «Джойнт» по ввозу сортов из США. И в той, и другой статье о деятельности Нью-Йоркского Бюро и Д.Н. Бородин ничего не упоминается. Это, конечно, не могло не уязвить Д.Н. Бородин: «Заметка эта меня очень и очень не «удовлетворяет», и я надеялся на большую с вашей стороны признательность в печати, а не в письмах деятельности нашего Бюро и лично нашей. Признаюсь, она настолько испортила настроение, что я серьезно задумался, стоит ли метать бисер действительного дела перед подобным отношением».

Он серьезно обижен и в этом его можно понять: «Вы хотели, если не ошибаюсь, книгу о полевых культурах. Если Вы не получили книги еще, то Вы имеете интродукцию уже!! И Ваш тон в газете нам не нравится...Ваш намек на харьковскую и екатеринославскую агентуру прозрачен, а статья В.В. Таланова еще раз подтверждает направление мыслей. Словом, просьба отдать кесарю кесарево, а богово богову, и только. Посылаю отчет, без которого, по-видимому, можно забыть, что сделано за эти два года больше, чем за существование всех агентств растений». Правда, по поводу критики, содержащейся в последнем письме Н.И. Вавилова, Д.Н. Бородин настроен примирительно: «На письмо Ваше мы не сердимся – обычный отеческий тон, на который Вы имеете историческое право».

Далее он пишет: «Прошу принять во внимание, что Ваши средства не пошли на выставку – они получены были совершенно самостоятельно (отчет послан). Наша энергия с января по июль была, правда, направлена почти на 45% на выставку. От Вас мы не получили на 1923 г. официально ни одного

цента, но успели получить от OZR'a намек и заявление от Тулайкова на то, что наше внимание направлено на Вавилова. Прошу во избежание недоразумений считать, что на Бюро прикладной ботаники мы почти совершенно не работали в 1923 г., не имели средств, которые были обещаны». Нарекания Н.И. Вавилова, что вместо разнообразия ему шлют однообразные образцы Д.Н. Бородин категорически отрицает, ссылаясь на то, «основатель закона гомологических рядов в наследственной изменчивости настаивал на одних тех же сортах из разных пунктов». Таким образом, налицо определенное недопонимание с обеих сторон, касающееся уже не только цели и конкретных задач работы Бюро, но самого смысла его существования в сложившихся тяжелых финансовых условиях.

В письме от 17 декабря Д.Н. Бородин пессимистично информирует: Н.И. Вавилова о состоянии дел: «Положение нашего Бюро тяжелое и 7000, как Бухгольц и Пантелеев выкроили и закрепили нас, хватит ненамного. От Вас я, видимо, также не получу, как и в 1923 году в январе. Буду помогать Вам, как могу, а прошу лишь об одном и том же и Вас, и С.К.Чаянова, и Тулайкова, и Пантелеева, а именно: 1) об оформлении Русского сельскохозяйственного Бюро 2) о поддержке его Москвой по расчету 1500 долларов в месяц 3) выяснение вопроса о персональном представительстве Наркомзема. Если это невозможно, я не верю в возможность существования Бюро.

В ответ в письме от 30 ноября Н.И. Вавилов вновь подтверждает, но вместе с тем удручает Д.Н. Бородину сообщением: «Вы окончательно закреплены на 1923 год пока в ничтожной сумме 7,5 тысяч русских рублей, но важна зацепка, затем ОЗРа Вам переведет дополнительно. Сократить работу, очевидно придется. Еле удалось Вас спасти. Дела наши, как вы уже знаете, конечно, очень плохи, и не потому, что мы слишком академичны, а вообще положение всего опытного дела в России опять стало таким же тяжелым, как это было в 1919 году. Из 200 опытных учреждений оставлено только 59 на государственном снабжении, остальные передаются на содержание губерний, что вызовет, вероятно, закрытие большей части». Проект передачи Нью-Йоркского отделения В.В. Таланову в подотдел интродукции пока отпал, желание Д.Н. Бородина выделиться в отдельное Сельскохозяйственное Бюро так же не проходит, о чем Н.И. Вавилов пишет: «Повторяю, я лично не возражаю против Сельскохозяйственного Бюро, но к сожалению, пока что вот уже третий год надежнее числиться за Отделом прикладной ботаники и за ОЗРа, чем за каким-либо другим учреждением».

Однако уже в письме от 19 декабря Н.И. Вавилов сообщает Д.Н. Бородину более позитивные сведения, а именно о получении вагона с семенами из Воронежа, со Степной станции, где высевались все образцы, присланные Д.Н. Бородиным: «Некоторые сорта бесспорно имеют большое практическое значение... Во всяком случае за 2 года Вами сделано большое хорошее дело; хотя мы Вас часто ругаем, но без этого нельзя, все-таки есть за что». Далее, наверно, еще более приятное для Д.Н. Бородину сообщение: «В Вашингтон после Рождества отправим, надеюсь несколько образцов русских

сортов. Долги свои мы помним и их уплатим. В этот ассортимент войдет много новых разновидностей. До сих пор неизвестных. Надеюсь, что к январю-февралю посылка будет отправлена. Сейчас финансовые затруднения таковы, что не хватает денег на пересылку бандеролей. В таком положении не только наше Учреждение, к которому в общем относятся очень хорошо, но и все русские опытные учреждения».

Есть и такие новости: «В Детском Селе (бывшее Царское Село) наладили хорошую станцию, которую сможем показывать иностранцам. На этой Северной станции ведется подбор культур для Севера». В заключение пишет о своих личных делах: «Сам перегружен делами: избран директором всего Института опытной агрономии и, кроме того, пишу несколько работ для поездки в Среднюю Азию. Подвел итоги о происхождении культурных растений; написал уже, вылежится пару месяцев – сдам в печать и на русском, и на английских языках. В этой работе общего характера, вероятно, найдется кое-что интересное для Вас. Из него Вы увидите, почему так нужен был материал по Средиземноморскому побережью, Китаю и т.д...».

Еще до получения этого письма, 19 декабря Д.Н. Бородин пишет: «Ваше письмо от 30 ноября получено. На 7,5 мы не просуществуем, но несколько месяцев все же можно гарантировать. По вопросу о передаче нас В.В. Таланову я возражаю определенно, ибо знаю, что это кончится ликвидацией и передачей дела Розену, который осел здесь в качестве Сельскосоюза, по-видимому закрепленного. Вы и так много упустили из рук, дав распределение семян, нами присланных, в другие руки». Свое видение дальнейшего существования Бюро он уже изложил и считает приемлемым для себя иметь своим патроном либо Наркомзем, либо Н.И. Вавилова. Особую благодарность он выражает А.Ф.Пантелееву – начальнику ОЗРа, который наиболее исправно финансировал Бюро с самого начала его организации и много, сделал для его закрепления на следующий год, наряду с Н.И. Вавиловым, Между тем он не теряет надежды продолжить работу по интродукции, упоминает в частности о Г. Харлане, видимо, завершившего свою экспедицию: «О Харлане узнаю и постараюсь утешить часть привезенного. Нужно бы в Аризону съездить обязательно, там он занял все из Индии, Африки и т.п.». В P.S. добавляет: «Не забывайте отметить деятельность Бюро в печати. На «Экономическую жизнь» (Ваша статья) сердит!».

На следующий же день пишет еще одно письмо, видимо, еще не остыв от последнего письма Н.И. Вавилова: «Меня поразила Ваша цифра количества учреждений опытных (200), и совершенно невольно всплыл вопрос: а что они делают? Америка и та не в состоянии содержать столько тихих и, может быть, нужных работников на том поприще». Чтоб как-то доказать Н.И. Вавилову свою нужность и убедить его в полезности дальнейшей с ним работы, он приводит следующие аргументы: «На вопросы, можете ли Вы или я прислать что-либо из семян, я теперь неуклонно отвечаю, что к моему глубочайшему сожалению, абсолютно ничего обещать не могу. Я мог бы обещать и мог бы под это получить очень много

интереснейшего материала, но я уже достаточно американизировался, чтобы прибегать к русским избитым приемам делать дело. К Вашему сведению, маэстро, не только Африка Ваша, но, по-видимому, и весь мир представлен в Америке с наибольшей возможной для непосредственных нужд прикладного ботаника полнотой. Уехав из Америки и побыв в России, Вы понемногу теряете представление о масштабе здешней работы и забываете то, сколько здесь накоплено ценностей и в Вашей области. Извлечь их смогу для вас лишь в случае, если Вы пришлете сюда приличный ассортимент семян... От Вас же за эти два года работы я имею лишь восемь пакетов семян, причем в каждом из них не более как 50 зерен. Признайтесь, что это маловато». Д.Н. Бородин как бы пытается расшевелить Н.И.Вавилова со своей стороны. Речь идет о том, что для усиления интродукционной работы важно иметь полноценный обмен семенным материалом между Америкой и Россией. Относительно работы под руководством В.В. Таланова и в одной упряжке с ARCOSom, он по-прежнему настроен отрицательно: «По поводу проекта передачи «Нью-Йоркского» отделения подотделу интродукции во главе с Талановым я определенно и категорически протестую». Примирение с ARCOSom, на которое советует ему пойти Вавилов, также его не устраивает: «Кооперация с АРКОСом весьма сомнительна: они чересчур много мне напортили и с литературой (19 ящиков) с семенами (Наркомзем снабжение), и с пожинанием лавров, не говоря уж о выставке. Так что не слишком убеждайте меня идти на компромисс в этом направлении». Это последнее, видимо, письмо, написанное им в 1923 г. Была еще какая-то телеграмма, на которую последовала очень краткая депеша от Н.И. Вавилова, датированная 28 декабря уже после пожелания счастливого Нового года: «Телеграмма Ваша об извещении об исчерпании средств получена. Покажу ее на днях в Москве и попытаюсь сделать, что можно, Но вообще имейте в виду критическое положение всего опытного дела. На декабрь месяц нами получена десятая часть кредитов ноября, и не уверен еще до сих пор, будут ли средства на отопление здания в январе месяце».

Первое короткое письмо Н.И. Вавилова за 1924 г. датировано 8 января. В нем он извещает Д.Н. Бородину, что получил его отчет: «Он очень хорош и очень нужен здесь. В последнее время была бомбардировка по поводу Вашей деятельности, приходилось писать длинные записки. Хорошо бы помимо сего иметь и финансовый отчет, так как и эта сторона не менее первой привлекает внимание здешних кругов». В следующем длинном письме от 3 февраля Н.И. Вавилов сообщает о переводе 7,5 тысяч в счет сметы в 15 тысяч по Государственному институту опытной агрономии (ГИОА). Далее он разъясняет Д.Н. Бородину, что лучше ему оставаться пока закрепленным за ним: «в настоящее время при чехарде, которая происходит в НКЗ в таком виде Вы имеете хотя бы формального и официального защитника, обязанного проводить смету, упрашивать и теребить кого только можно; если же прикрепить Вас к Управлению, то это значит, что через неделю-две фактически Бюро прекратит свое существование». Что касается опасений Д.Н. Бородина быть закрепленным за отделом В.В. Таланова, оно отпало уже

потому, что его Бюро по размножению и введению новых растений само вошло в новый институт (ГИОА), директором которого стал Н.И. Вавилов. Вместе с тем он увещевает Д.Н. Бородину быть более лояльным и сговорчивым, в том числе с Я. Розеном, главным его конкурентом по связи с Россией: «На днях приезжает в Россию Розен, и насколько я знаю, он действительно является представителем сельского хозяйства». Он советует Д.Н. Бородину войти в контакты с ним: «Так думает Таланов, и я. И вообще при трудностях ситуации надо быть в дружбе и с Внешторгом, и со всеми российскими организациями. Ваше дело определенное: консультация всех русских опытных учреждений всего Наркомзема, помощь в опытной работе, и это нетрудно отстоять; стоит лишь коснуться операций коммерческих, как начинается другая история». Далее он информирует его, «что формирование Бюро идет в совершенно ином направлении, чем Вы хотели, ибо коммерческие предприятия из него устраняются, и на этом настаивал на заседании при выработке Положения о Бюро; но что делать, приходится расходиться во взглядах. Попытайтесь проводить свою линию, но в этом отношении мы разойдемся... Представительство НКЗ Вам предоставляется, но не коммерческим делам, которыми ведает прежде всего Внешторг, имеющий свое представительство и только лишь специальные заказы могут быть представлены Вам. Такова общая ситуация, с которой приходится считаться».

Это ответ на письмо Д.Н. Бородину от 24 декабря уже прошлого года. Им уже получено новое письмо, датированное 9 января. Поэтому он пишет: «Извиняюсь, что пишу разбросанно, по мере чтения Ваших писем не в порядке. Я только что вернулся из Москвы, где занимался общим вопросом об улучшении всего опытного дела в России. По несчастью, я в настоящее время избран директором Госинститута опытной агрономии и фактически приходится принимать ближайшее участие в организации всего опытного дела». Далее он наставляет Д.Н. Бородину быть более терпимым: «Подводя итоги, по существу думаю, что в скромном виде, выполняя большое нужное дело, Вы можете существовать, не шумя, не грубя, не задевая других, всем хватит дела. В коммерческих делах мы, конечно, слабы и вряд ли сможем быть Вам полезны». В другом месте он отмечает уже относительно себя: «Вообще Ваши запросы очень грубы и на Ваши письма мне иногда не хочется отвечать, да и не только мне одному» Это в связи с требованием Д.Н. Бородину присылать ему отчеты о высевах посланных им в Россию семян: «Я думаю более чем достаточно, что сами в курсе этой работы и давать Вам отчет о ней мы, конечно, подробно не будем и не имеем на это времени». Первейшей задачей Нью-Йоркского Бюро он продолжает считать «информацию нас русских о том, что делается, притом в грамотной форме, которая требует порядочной работы. Одно опубликование Вами нескольких книг по сельскому хозяйству в Америке – что сделать легко, если книги будут интересны, - может уже упрочить Ваше положение».

Завершает он письмо по поводу недовольства Д.Н. Бородину его статьей: «На статью мою в «Экономической газете», которая в неоконченном

виде была отображена у меня редактором, Вы напрасно, нападаете, зря. Мы не привыкли здесь прославлять самих себя, и вообще я не говорил так о деятельности за последние годы, и деятельность Бородина здесь и без того известна». Далее он его предостерегает: «Поменьше теребите НКЗ? Ибо это нервирует, и так как есть некоторые, как Вам известно «данные», то это особенно невыгодно. Мне не хочется писать на эту тему подробнее Вам, но то, что было год тому назад, снова почему-то всплыло». Скорее всего автор письма имеет в виду какой-то донос, о котором Д.Н. Бородин упоминал в ряде своих писем. Доносы на пустом месте, как правило, не бывают, значит было за что и куда доносить. Здесь же Н.И. Вавилов уже не в первый раз напоминает о правильном оформлении и этикетировании образцов: «Пришло от Вас порядочно семян, но разобрать очень трудно, так как не для всех семян есть экспликация, кроме номеров... Пошла уже десятая тысяча, а у нас имеется только список до N 8735».

В уже упомянутом Н.И. Вавиловым письме от 9 января Д.Н. Бородин продолжает идти в «наступление», отстаивая свое видение работы Бюро. В нем он буквально диктует своему шефу, как вести дело учета и распределения присланного им материала, требует выделить для этого специального работника, который информировал бы его, «куда направлен каждый посланный отсюда образец. Это совершенно необходимо для продолжения работы без повторения ошибок с открытыми глазами на неудачу из-за неправильного выбора, с одной стороны, и гибели образца по тем или иным причинам – с другой. Заведите, если у Вас еще нет, специальные книги или отметьте на наших листах против интродукционных номеров место направления образца. Я до сих пор не знаю систему распространения Ваших семенных образцов и то, сохраняете ли Вы наш интродукционный номер или обезличиваете образец и даете свои номера, на основании которых идет распределение». Требование по существу резонное, но не слишком тактично предъявленное, что не мог не отметить Н.И. Вавилов в своем ответном письме.

В письме Д.Н. Бородин продолжает довольно язвительные и резкие оценки деятельности В.В. Таланова: «Я знаю, что через его руки во время его работы в известной Вам американской организации прошло чересчур много посланных нами семян, о судьбе которых мне ничего не известно, между тем как в американских газетах появлялись неоднократные сообщения о роли известного Вам русско-американского «агронома» и американской организации в снабжении юга России, особенно «колоний» американскими семенами, причем все заметки сопровождалось длинными панегириками по поводу работы на этом «поприще». «Агроном» - это, конечно, сам В.В. Таланов, а организация – «Джойнт», «колониями» по всей вероятности названы еврейские сельскохозяйственные поселения, организованные в то время в южных районах России. Обида на статьи Н.И. Вавилова и В.В. Таланова в «Экономической жизни» еще не прошла, поэтому он решил самостоятельно выступить в другом издании: «Сельскохозяйственная жизнь» со своей статьей: «Производство пшеницы в северо-американских

Соединенных Штатах в 1923 году»: «Я предполагаю сделаться постоянным сотрудником этого издания... В издания сотрудничают очень многие, принадлежащие к самым разнообразным группировкам, что я особенно приветствую. Ваше имя, также как и Макарова, Челинцева и многих других, неожиданно выплескивают на страницу этого журнала, констатирую с большим удовольствием, так же как наличие Демьяна Бедного и Буденного». Д.Н. Бородину издавелека в отличие от Н.И. Вавилова в непосредственной близи кажется «чехарда» в Наркомземе чем-то многообещающей: «Просматривая «Экономическую жизнь», издание Наркомзема, я вижу постоянную перекройку, и не ошибусь, по-видимому, если скажу, что прагматизм и более практичное направление, большая близость к жизни, борьба с академизмом – главное направление, которое принято в настоящее время. Уклон в эту сторону пока может быть более силен, чем это нужно, и будет небольшой возврат обратно, но я не верю, что этот возврат пойдет далеко». Жизнь покажет, насколько прав или не прав оказался Д.Н. Бородин, читая русскую прессу, однако статья его, похоже, так и не была опубликована там, куда он ее послал.

Писем Н.И. Вавилова Д.Н. Бородину в 1924 г. опубликовано всего пять. Их было, возможно, больше, но явное сокращение переписки связано, главным образом, с длительной пятимесячной экспедицией Н.И. Вавилова в Афганистан. В письме от 11 февраля он еще раз напоминает Д.Н. Бородину о необходимости правильного оформления и своевременной высылки документации по присланному материалу: «Вернувшись из Москвы, начал рассматривать семенной материал, который пришел от Вас. Решаю ребусы: номера есть, а экспликаций до сих пор не выслано». Под экспликациями, очевидно, понимаются данные о происхождении: «Среди присланного Вами материала, очевидно, есть много африканских, насколько разбираюсь в семенах, но все это для нас мертво, пока не получим экспликаций... Покорнейшая просьба поскорей переслать списки еще и потому, что среди последней Вашей присылки много материала есть субтропического и тропического, который мы с удовольствием направим в Никитский сад, Тифлис, но для этого нужны названия, по семенам большую часть мы не в состоянии сами определить». Далее он прилагает список пожеланий подотдела плодоводства и огородничества, которым заведовали В.В. Пашкевич и Н.И. Кичунов: «Им нужен ассортимент восточных семян огородных растений и виноградные лозы. Стоит это все недорого, Вообще, как Вы сами можете засвидетельствовать, сложными дорогими заказами мы Вас не утруждаем и впредь не намерены утруждать. Требуются маленькие пакетики семян по 10 центов, будем чрезвычайно признательны Вам за высылку их». Далее идет напоминание о давнем заказе В.Е. Писарева на крупноплодные сорта американской земляники: «Они нам нужны до зарезу, так как мы начали с ними работать».

Уже на следующий день 12 февраля он направляет Д.Н. Бородину еще одно письмо, но уже другого характера: «Получил копии Ваших бумаг, направленных в Управление сельского хозяйства. Форма обращения

совершенно несоответствующая. За непосредственное обращение к тов. Сенину будет нахлобучка прежде всего мне. В настоящее время в НКЗ есть определенное положение, по которому возбуждаться вопросы могут лишь в порядке инстанций. От Вашего непосредственного обращения не предвижу никакого толка для Вас, кроме вреда». Речь идет о докладной записке Д.Н. Бородина от 23 января 1924 г: «Организация снабжения Наркомзема через Русское сельскохозяйственное бюро в Америке», где он, очевидно, излагает свою идею преобразования Нью-Йоркского Бюро из специализированного отделения прикладной ботаники в более широкое, многофункциональное учреждение самого Наркомзема. Н.И. Вавилов в общем относится к этому не столько не одобрительно, сколько пытается вразумить Д.Н. Бородину, разъясняя ему негодность того пути, по которому он пошел: «По существующему положению вещей все закупочные операции проводит Внешторг; все, что нужно для НКЗ, закупает Внешторг. Вы затрагиваете такой вопрос, который решим только в междуведомственном совещании. Вам лично НКЗ не имеет оснований передавать исключительные полномочия. Только благодаря поручительству моему, Тулайкова и Чаянова Ваши полномочия признаются в известных пределах. Право непосредственного сообщения с Управлением сельского хозяйства и еще вдобавок с тов. Сениным Вам никто не давал». Сам Н.И. Вавилов этим правом пользовался, обращаясь в высокую инстанцию в защиту Нью-Йоркского Бюро, о чем свидетельствует короткая приписка Д.Н. Бородину в его письме от 20 декабря 1923 г: « P.S. За Ваше тов. Сенину от 13 ноября – благодарю и тронут. Нечто в этом духе приятно испытать».

Н.И. Вавилов еще раз предостерегает Д.Н. Бородину от излишней самостоятельной активности: «Пишу это Вам не потому, что меня лично беспокоит отсутствие субординации, а просто в интересах Вашего же дела. Вашим непосредственным торможением НКЗ Вы вызовете соответствующую реакцию. Я уже сам имел дважды нахлобучку от Наркоминдела за непосредственное обращение в представительства, со строжайшим выговором... Повторяю, что Вы затрагиваете сложнейшие вопросы взаимоотношений наркоматов». Письмо это очень важное для понимания всей дальнейшей судьбы Нью-Йоркского Бюро и лично его заведующего Д.Н. Бородину. Н.И. Вавилов знает и видит корень проблемы, Д.Н. Бородин же при всех его приобретенных американских деловых качествах, видимо, порядком отдалился от русской действительности, а теперь уже советской наследственно забюрократизированной системы. Письмо Н.И. Вавилова завершается так: «Психология здесь чрезвычайно простая: тов. Бородину, конечно, нужны деньги и нужно для этого развивать торговые операции. Интерес его в этом отношении понятен и естественен, насколько он совпадает с интересами наркоматов, другое дело, а так как тов. Бородин не является ни партийным представителем, ни выдвинутым партийными представителями, то понятно особыми полномочиями он никогда не будет снабжен. Умерьте Ваш пыл, если хотите упрочения агентуры Комиссариата земледелия. Дальнейшие шаги в этом направлении

мною лично не будут поддержаны и повторяю, что при выработке положения совершенно определенно функции коммерческие были изъяты из ведения Бюро».

Последнее из опубликованных в 1924 г писем Н.И. Вавилова датировано 10 марта. В начале письма он сообщает, что Сортоводно-семенное управление Сахартреста очень интересуется Нью-Йоркским отделением, и их интерес состоит прежде всего в получении некоторого семенного материала, но в особенности в выяснении возможности продажи семян русской сахарной свекловицы в Америку». Он характеризует Сахартрест как организацию денежную: «в частности, у нас с ними очень хорошие отношения; я состою членом Научного Совета, и экспедиция нынешнего года в Туркестан и Афганистан проводится на средства Сортоводно-семенного управления».

Далее он информирует Д.Н. Бородину о самом для него важном: «По последним сведениям Нью-Йоркское отделение преобразовано в Сельскохозяйственное бюро Наркомзема, фиксируется за управлением сельского хозяйства. Таким образом формально Вы отошли от нас, Это, конечно, неизбежный и логический путь. В финансовом отношении мы слабы, и, кроме того, по самому существу своей работы мы не разделяем Вашего подхода. Я не вдаюсь в существо, возможно, что Вы и правы, но по здешним нашим условиям область, в которую Вы входите, вне компетенции опытных учреждений. Лично у меня большие опасения о том, что трудно совместить коммерческие задания с заданиями опытных учреждений.. Эти опасения разделяет и Тулайков и большинство опытников, но в среде неопытников, может быть, Вы встретите большое сочувствие... Формально таким образом Вы находитесь в ведении Москвы. Петроград остается в стороне. Давать Вам задания, не имея возможности оплачивать их, конечно, мы не можем. Изредка будем Вас беспокоить: вопросы интродукции сортов, литературы все же поставлены в первую очередь в задании Нью-Йоркского бюро. В нынешнем году в конце апреля отправляюсь месяцев на пять в Туркестан и Афганистан. В финансовом отношении это дело конченное: если не будет затруднений политических, экспедиция состоится. Закончил работу о происхождении культурных растений. Эта работа, как мне кажется, имеет довольно общий характер, и может пригодиться и Вам в вопросах интродукции». В заключение письма такие строки: «Покорнейшая просьба время от времени посылать буде будет к тому возможность, новые книжки, бюллетени, хотя бы самые существенные, те, что нас особенно касаются. Расходы мы сможем оплатить, передав, например, Бухгольцу некоторую сумму». А.Ф. Бухголец – помощник Д.Н. Бородин, которого Н.И. Вавилов продолжает нахваливать, советуя не упускать такого ценного сотрудника, после завершения выставки 1923 г. все еще остается в Москве, занимаясь делами Бюро.

В письме от 4 февраля Д.Н. Бородин, наряду с рабочими вопросами по высылке семян и постоянным напоминанием об отсутствии средств, продолжает развивать идею о расширении прав и функций Бюро за счет

того, чтобы «наше представительство было легализовано Наркомземом, как о том пишет Тулайков, с которым у нас установилось понимание на сей предмет, за исключением моей точки зрения о необходимости включения закупочной деятельности в сферу работы Бюро». Речь идет уже о двойной легализации как через Наркомзем, так инкорпорации под фирменным знаком Русагрико (Russagrigo) с привлечением Сахартреста, Россельсклада и других сельскохозяйственных объединений Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), включая Всесоюзный сельскохозяйственный банк. При этом есть и нежелательные для него партнеры: «С мистером Josef Ф. Rosen нам, по-видимому, не совсем по пути, ибо там, в Сельскосоюзе, преобладает чересчур семейная обстановка». Он обращается к Н.И. Вавилову: «Не протестуйте, пожалуйста, ибо я повторяю Ваш план без Ваших тактических ошибок». Д.Н. Бородин прямо-таки обуял дух организационной перестройки вопреки тем предостережениям, которые делал ему Вавилов. Это, прежде всего, увлечение коммерческой деятельностью, которая Вавилову – человеку науки всегда претило, к тому же никак не вписывалось в главную задачу интродукционного Бюро.

Глава 4. Деятельность Сельскохозяйственного бюро Наркомзема в Нью-Йорке (переписка 1924-1926 гг).

В письме от 6 апреля 1924 г. из Торонто, Канада, куда Д.Н. Бородин заехал на два дня поприисутствовать на каком-то биологическом конгрессе, информируя Н.И. Вавилова об интересных научных темах и докладах, он затрагивает вопросы, касающиеся своей деятельности: «Из новостей у нас в Бюро скажу, что бомбардируют нас запросами на цены с.-х. машин и тракторов. Имею письмо от Шефлера и Центрального с.-х. банка, где я состою консультантом и агентом здесь. Имел кое-что от Хлопкового комитета, но Вы, видимо, упирая на науку, и тут сократили нас». Кроме того у него были какие-то дела с Резинтрестом, а также трения с Амторгом. Чувствуется, что он разворачивает дело по своему сценарию, добившись, наконец, желаемого признания Наркомзема: «С канадской делегацией очень неплохие отношения, и, вероятно, в Монреале мы открываем отделение «Руссагрико». Следующий черед за Буэнес-Айресом и Мехико, а также Рио де Жанейро. Н.И. Вавилова же он заверяет, «что через год Вы нами снова будете довольны с ботанической точки зрения». Не упускает случая пожаловаться на В.Е. Писарева, ставшим заместителем Н.И. Вавилова по институту: «Писарев взял тон начальства. Дайте ему понять, что я с ним в этом случае не буду даже переписываться. Пусть знает, что как-никак он имеет дело с официальным представителем НКЗ. Тут он несколько опережает события, т.к. в следующем письме от 8 мая пишет: «По последним сведениям от А.Ф. Бухгольца я составил себе впечатление, что нас, с одной стороны, хотят превратить в представительство НКЗ, а с другой стороны, обсуждают вопрос о моей персональной приемлемости». Далее, как о уже почти решенном: «Теперь вопрос о Бюро прикладной ботаники, который

мною намечен к разрешению в ближайшее время путем, который, надеюсь, будет приемлем для Вас. Форма Бюро в РУССАГРИКО будет та же, что и опытных станций, институтов, связанных с НКЗ».

Здесь имеет смысл обратить особое внимание на выделение крупными буквами бумажного пока нововдела. Д.Н. Бородин явно одержим своего рода манией величия, характерной для людей с комплексом недооцененности. Так в письме от 8 мая он никак не может простить Н.И. Вавилову его газетной статьи: «Очень жаль, Вы все же огласку нашей деятельности не вынесли на страницы если не специальных журналов, то хотя бы на страницы газет, как это недавно сделал мистер Коль по Вашему примеру, не упоминая о нас, закатив статью в «Правду» на этот раз об интродукции из Америки, да еще с предисловием т. Горбунова. Скромность с Вашей стороны совершенно излишняя и, признаюсь, очень неприятная».

Речь идет о статье А.К. Коля в «Правде» от 30 марта 1924 г : «Успехи работы по введению новых растений в Америке». Планы Д.Н. Бородина, его мечты, проекты порой выглядят наивными прожектками, однако что-то он и сумел предугадать: «Интересно, как дело обстоит с Бюро прикладной ботаники. Хорошо было бы, если б НКЗ РСФСР переехал в Ленинград и Вам, конечно, пришлось бы занять место Тэйлера (Вашингтон), а то получается какая-то сложная путанная конструкция НКЗ-построений, в которой мало смысла по существу». Насчет местопребывания НКЗ это, конечно, не более чем пожелание, однако сравнение Н.И. Вавилова с Тэйлером (V.A.Taylor) – директором Бюро растительной индустрии (или растениеводства по-русски) Департамента земледелия США (USDA) оказалось вполне правомерным. Н.И. Вавилов действительно вскоре занял пост директора Института прикладной ботаники и новых культур (с 1930 г Всесоюзный институт растениеводства - ВИР), соответствующий по статусу и направлению работы американскому учреждению. Какие-то сведения о скорой организации такого института у Д.Н. Бородина уже имелись, и он пишет: «В Москве создано Бюро по введению и распространению новых культурных растений при ближайшем участии уважаемого Виктора Викторовича (Таланова), Вашем и Магницкого при или около НКЗ на средства Джойнта (?), одновременно при ближайшем участии Дмитрия Дмитриевича (Арцибашева), Вашем и Горбунова при общем вдохновении возникает Институт!! Приятно узнать, что мои идеи пускают корни, но хотелось бы иметь большее количество данных на сей предмет, ибо я лично считаю себя инициатором того дела, которое принимает характер форменной эпидемии при русской склонности к стадности (результаты недавней общинной стадности, отсутствие индивидуализма и т.д.). Почти уверен, что одно из учреждений, допустим, институт, будет ожесточенно в ближайшее время бороться за гегемонию». Личной скромности в этом отрывке письма, конечно, не много, если она вообще видна, но интереса к такого рода ведомственным российским перестройкам, касающимся в известной мере его самого, у него в преизбытке, тем более, что он серьезно ощущает себя причастным к ним. Многие измышления Д.Н. Бородина пока строятся на

основании слухов, которые до него доносит, вероятно, А.Ф. Бухгольц, надолго застрявший в Москве. В частности относительно «Джойнта», наверное, явная передержка, связанная с В.В.Талановым, который в то время сотрудничал с этой организацией.

Это письмо довольно ярко отражает характер как деятельности Д.Н. Бородин в то время, так и неумный характер его самого. Он явно воодушевлен новым качеством работы и, вроде, более высоким статусом своего служебного положения, который не прочь лишний раз подчеркнуть. Однако все это к большему его обязывает, заставляет быть более ответственным по части финансовой отчетности, к чему его особенно призывает Н.И. Вавилов. Так, письма его от 6 и 15 мая почти полностью посвящены бухгалтерии. Последнее он завершает следующими словами: «Буду ждать с нетерпением подтверждения Вами настоящего письма, а также расписок в получении оправдательных документов на сумму 5614 долл. 64 цента». И впервые официально подписывается в новой должности: «Ваш Д.Н. Бородин, заведующий, Русское сельскохозяйственное бюро в Америке».

Итак, Д.Н. Бородин, правда, ненадолго, но добился своего, благодаря природной энергичности характера и приобретенной американской хватке. Он вышел-таки из-под формальной и фактической подчиненности Н.И. Вавилову, став представителем Наркомзема и главой Русского сельскохозяйственного Бюро в Америке. Горизонт и масштаб его работы вроде существенно расширился, став ближе к практике земледелия, к чему он стремился. Из разных источников стали притекать деньги, в том числе и от недругов: «Сельскосоюз здесь недоносок, да еще на почве кровосмешения, и, как это ни дико, я получил через него недавно 1000 долларов от Таланова для покупки семян в апреле». Наладились контакты с Резинтрестом, получил от него 500долларов, «на все пока. С Сахартрестом пока неважно: от них ни цента, но сделал им уже много». Пишет о слиянии ряда русских торговых организаций в Америке: «Так недавно Продэско слился с Аркосом и в результате этой гибридизации произошел Амторг». Новая организация произошла после введения в России государственной монополии на внешнюю торговлю.

Большое письмо, довольно подробное, в смысле всяких вестей, было отправлено Н.И. Вавилову 2 июня. В нем наиболее существенная новость касается того, что Наркомзем поручил Д.Н. Бородину принять и реализовать имущество старого русского сельскохозяйственного Агентства, существовавшего в Америке еще до революции: «К сожалению, за отсутствием полномочий от НКЗ, на которые последний скуп не в своих интересах, я ничего не мог предпринять для того, чтобы остановить аукционную продажу имущества Агентства, имевшую место некоторое время тому назад. Продано оптических приборов (бинокляры) и микротомов, в свое время приобретенных для высших учебных заведений Сибири общей стоимостью на 5000 долларов. За сколько все это было продано, сказать не могу, но, по-видимому, за пустяки. Ничего невозможно сделать при отсутствии доверенности или полномочий. Возможно, если

таковые не будут присланы, будет ликвидировано имущества на несколько сот тысяч».

Далее он детально информирует Н.И. Вавилова об американских ботанических делах и экспедициях. В частности недавно вернувшихся из Южной Америки Ф. Ричи (F. Richie) и из Африки и Индии Г. Харлана (H. Harlan). Жалуется конфиденциально на Н.М. Тулайкова, который с позиции Д. Н. Бородина находится определенно в заблуждении, «считая настоящее Бюро своим агентством, которое обязано выполнять все его поручения без всяких условий со стороны Бюро». Делает неутешительный для себя вывод: «Я вижу полное отсутствие понимания экономических вопросов и делового подхода со стороны лучших представителей русской интеллигенции, что, конечно, сильно осложняет работу. В довершение также не вижу того, к чему мы здесь уже привыкли, а именно элементарно корректности при использовании услуг, а также тех материалов, которые нами посылались все время. Я не усмотрел, чтобы где бы то ни было имело место упоминание об источниках получения материала в Америке, которые считаются и по сию пору манной небесной».

В известной мере этот упрек затрагивает и Н.И. Вавилова, однако Д.Н. Бородин спешит сгладить его: «Как видите, дорогой Николай Иванович, Вы были правы в том, что мне следовало писать толстую книгу, толще тех, которые пишутся в России, ибо только толстая книга может прошибить некоторые головы. Совершенно определенно в моих интересах было не посылать ни одного куска печатного материала, превращая его путем пережевывания и перевода в «свои» труды, могущие импонировать тем, кто не умеет читать по-английски, имея те же данные у себя в библиотеке, присланные нашим же Бюро».

Однако это сожаление уже несколько запоздалое, Н.И. Вавилов почти перестал напоминать ему в своих письмах о давнем долге в виде написания авторской книги о полевых культурах Америки, похоже, потеряв надежду на это, видя, что интересы Д.Н. Бородина явно смещены не в сторону научной деятельности, хотя ставил в свое время написание этого труда непременным условием дальнейшего с ним сотрудничества. Письмо Д.Н. Бородина заканчивается пожеланием всего наилучшего и заверениями: «Ожидаю от Вас вестей и выражаю свою полную готовность быть и впредь полезным, прося в свою очередь держать нас в курсе дела в области интродукции, что Вы, по-видимому, последнее время не нашли время делать».

Времени у Н.И. Вавилова летом 1924 г. действительно было мало на всякие отвлечения, в эту пору он уже совершал свою экспедицию в Туркестан и Афганистан – давнее его желание еще со времени первой своей поездки и путешествия в тех краях, захвативших также часть Ирана и Памира. Именно там он тогда усмотрел «пекло творения» многих ценных культурных растений. В следующем письме от 20 июля, когда Н.И. Вавилов был уже в экспедиции и письма Д.Н. Бородина прочесть и ответить ему, естественно, не мог, тот продолжает жаловаться на то, что и в новом своем качестве заведующего Сельскохозяйственным Бюро у него нет должных

полномочий и свободы действий: «Мы, как Вы знаете стали официальным учреждением НКЗ, но с ограниченными функциями, что не дает делать дела, и Вас так не убедить, и Вы не хотите понять, что вяжите в петлю. Я не могу писать, но препятствия к «закупкам», коих Вы боитесь, как огня, лишают теперь возможности посылать даже книги! Если Вы будете поддерживать мнение о том, что закупочная деятельность будет мешать нашей работе, то знайте, что это Вы нас ликвидируете как самостоятельную организацию, а может быть ликвидировали вообще» Несмотря на то, что Н.И. Вавилов формально и фактически уже не являлся его начальником, Д.Н. Бородин взывает именно к нему, пытаясь уже в какой раз убедить в правоте своих коммерческих устремлений: «При русской нищете никакие Бюро прикладной ботаники (ни астрономии) не выдержат здесь, если параллельно не станет вести работы, которую жизнь требует. Измените свою точку зрения, пожалуйста, и мы Вам же будем в состоянии большие услуги оказать».

В последнем письме за этот год Д.Н. Бородин между всякими новостями пишет и о главном, касающемся его самого: «Вы знаете уже, наверное, что я представлял НКЗ РСФСР с 1-го мая по 26 ноября с.г. и более по желанию Наркома не представляю таковой - учтите». Сбылось то, о чем его прозорливо предупреждал Н.И. Вавилов: не вмешиваться в междуведомственные дела Наркоматов, не раздражать высоких наркомовских начальников своими инициативами. Д.Н. Бородин явно недооценил вавиловских советов и увещаний насчет его тактики и стиля поведения с властью имущими в Советской России. Свое отстранение от работы он объясняет тем, что «пытался потребовать инспекции грузов НКЗ, здесь закупленными различными организациями и получил пока окрик Наркомзема и освобождение от обязанностей». Отстранения от самой работы пока вроде не произошло: «Запросов по-прежнему невероятно много, и я страдаю от того же, от чего страдал Регель, но это необходимая стадия, и без этого не обойтись. Нас тянут от Ташкента до Хабаровска и от Тифлиса до Архангельска, а НКЗ и Сократ только ругаются». От чего страдал Регель остается загадкой, под Сократом же имеется в виду С.К. Чаянов – начальник Управления НКЗ РСФСР, которого Д.Н. Бородин принимал в числе других важных визитеров в США, ездил с ним в Вашингтон, перезнакомил с высокопоставленными чиновниками Департамента земледелия. Однако надежда на покровительство С.К. Чаянова не оправдалась.

Словом дела у Д.Н. Бородина к этому времени складывались не самым лучшим образом: «Как видите пока не до монографий и диссертаций! Теперь, видимо, будет иначе и, вероятно меня выставят, и я уйду на американскую службу (имею предложение на Гавайи и Гонолулу). Признаюсь, что устал от травли и трений, хотя жаль порывать с СССР, хоть и наивно глупый, как новорожденный младенец, коему многое простительно, но который еще не умеет видеть свою выгоду и готов отдать последние штаны любому знатному иностранцу» В отношении СССР на то время Д.Н. Бородин, возможно, не заблуждался, однако младенец скоро подрастет и покажет миру, на что он способен. Далее он пишет: «Помните, что перестав

представлять НКЗ, мы не оставляем своих прежних связей с учреждениями, а перерыв в отношениях с Бюро прикладной ботаники вызван главным образом выступлением Ячевского, Пospelова (сумел сократить мне содержание на 200 долл. – жалование рабочего – путем разрыва с Сениным!!) и не совсем правильно взятого тона Писарева. С Д.Д. Арцыбашевым тоже не все ладно. Он пока должен 100 долл., но мог бы не должать, а включить меня лично в состав сотрудников Института интродукции, куда он сумел включить даже Коля».

Все эти нелады с перечисленными лицами происходили, очевидно, уже во время экспедиционного отсутствия Н.И. Вавилова и тот никак не мог, по понятным причинам, каким-то образом скорректировать их, улучшив положение Д.Н. Бородин. Впрочем, он не оставляет, видимо, надежды продолжить сотрудничество с Н.И. Вавиловым, единственно с кем ему удастся сохранять добрые и доверительные отношения. Очевидно, поэтому он продолжает опекать своего помощника А.Ф. Бухгольца, направив его на учебу: «Сейчас он учится в Корнельском университете и впал в детство (получая отметки). Я его обучил вполне и приму все меры, чтобы он закончил образование и был бы действительно помощником и самостоятельным работником... Я его содержу на свой счет, ибо других источников нет. Нечто вроде займа, но помещение его надежное и он очень преданный делу и очень надежный парень, что весьма ценно».

В первом своем письме за 1925 год Д.Н. Бородин после кратких новостей про чисто американские дела, съезды, экспедиции продолжает обсуждать дела свои личные, касающиеся, прежде всего, работы того учреждения, которым уже, по сути, не руководит. В это время в Америке находился важный визитер из России – Н.Д. Кондратьев, видный экономист и начальник Управления планирования сельского хозяйства НКЗ РСФСР. По этому поводу Д.Н. Бородин пишет: «Н.Д. Кондратьева провожали на отдых в Германию, он безусловно съездил с большой для себя пользой, произвел неплохое впечатление здесь, и мы ему с удовольствием помогли в его работе. Жаден он до книг и все его интересуется, он, по-видимому, имеет тот же самый «лигула-диогенизм», который так характерен для настоящих и хороших русских ученых. Надеюсь, однако, что его область ближе к жизни и многое будет использовано не правнуками, а настоящим поколением. Парни они в общем башковитые и интересные». Характеристика Н.Д. Кондратьева, конечно, весьма лестная, а главное справедливая, но вот оптимизм на счет того, что полученные знания и опыт будут использованы в стране в скором времени оказался, увы, не оправданным. Д.Н. Кондратьев, как и многие другие «башковитые» люди в России того времени, включая самого Н.И. Вавилова, были репрессированы, а их работы и заслуги по-настоящему оценены лишь спустя много лет. Н.Д. Кондратьев был арестован в 1930 г. по сфабрикованному делу так называемой «Трудовой крестьянской партии», за участие в которой обвинят потом и Н.И. Вавилова. Отсидев восемь лет в тюрьме, он был расстрелян в 1938 г. по второму политическому судебному приговору. Полностью реабилитирован, спустя 20 лет. В настоящее время

существует Международный фонд Н.Д. Кондратьева при Отделении общественных наук РАН, учреждена медаль его имени. Интерес к его экономической теории «длинных волн» или долгосрочных экономических циклов не ослаб, а в последнее время особенно возрос в связи с надвигающимся новым кризисом мировой экономики.

Д.Н. Бородин просит Н.И. Вавилова встретиться с Д.Н. Кондратьевым и получить информацию из первых рук о возможной дальнейшей судьбе своего детища: «Поставил его в курс дела Агентства, которое всеми силами пытаются ликвидировать, если уже не ликвидировали. Видимо, другие наркоматы сильнее и голос их громче. Постарайтесь повидать Кондратьева, который расскажет о положении дел у нас.... Вижу, что учреждение, подобное нашему, для Наркомата по теперешним временам большая роскошь и рассчитывать приходится очень не на многое... Амторг нас вполне определенно слопаёт, тем более мне предложено дела и средства сдать президенту Амторга т. Зиву».

Он объясняет сложившуюся сложную ситуацию главным образом из-за коммерческой, а не научной деятельности Бюро: «Недовольство нами здесь вызвано тем, что мы по запросам учреждений и организаций в России давали и даем цены, а здесь я потребовал инспекцию грузов, закупаемых для Наркомзема различными закупочными агентствами и американскими компаниями. Главный конфликт имел место при закупке тракторов для Наркомзема Госторгом. В Москву отсюда, однако, мотивы приведены иного свойства, насколько я знаю из письма Наркома Смирнова Кондратьеву, недовольны выпуском шервов и инкорпорацией, а также тем, что меня считают «репрезентативоф коммисариат» даже в Вашингтоне, то, что «меня считают» очень не понравилось. Нарком Смирнов счел за благо назначить представителем НКВТ здесь тов. Хургина временно и представителем Наркомзема и заведующим Бюро...Словом мы выросли, с нами стали считаться, но возник сейчас вопрос о допустимости, персональной Бородина». Все вышло именно так, как предсказывал и предупреждал Н.И. Вавилов. Д.Н. Бородину дали «поручить» в качестве представителя Наркомзема несколько месяцев, а затем отстранили за превышение полномочий, как теперь говорят. Выпуск так называемых шервов (от англ. share – пай, доля, акция) действительно не входил, скорее всего, в круг его обязанностей, если вообще был законным, а представитель НКВТ – Народного Комиссариата внешней торговли оказался здесь более кстати. Д.Н. Бородин взялся не за свое дело, о чем его предупреждал Н.И. Вавилов. Коммерция не есть дело агрономии и интродукции, с чем не соглашался Д.Н. Бородин, но, как говорится, за что боролся, на то и напоролся.

В связи с создавшейся ситуацией Д.Н. Бородин даже готов был пойти и на некий компромисс - начать сотрудничать с малоприятными ему организациями: «Выход возможен из положения, если Агентству не удастся существовать вполне самостоятельно в двух направлениях: А) консолидация с местной конторой Селькосоюза, Б) консолидация с Амторгом и включение С.-х отдела в последний на тех же основаниях, как это имеет место в других

Торгпредствах; правда Амторг, образовавшийся из слияния одной американской компании и агентства Аркоса, здесь имеющий 91% американский состав и характер, еще далеко не Торгпредство, но учредители усиленно работают в этом направлении». Совершенно, очевидно, что Д.Н. Бородин теперь согласен на все, лишь бы его оставили в качестве заведующего или «Агриколчерал Атташе» при торг- и полпредстве.

Вернувшийся из экспедиции Н.И. Вавилов отвечает 16 января Д.Н. Бородину: «Я только что приехал из Афганистана и первому отвечаю Вам письмо. В Москве узнал о Вашем освобождении. Подал особое мнение по поводу этого, указывая, что Вы незаменимы в Сельскохозяйственном бюро и так или иначе Вас необходимо оставить в Бюро. Здесь сердиты на какие-то шеры. Через некоторое время убедятся, что Вас устранять нельзя, но в здешней суматохе доказывать что-либо, даже совершенно бесспорное, трудно». В письме он спрашивается также о А.Ф. Бухгольце, и это не случайно, т.к. чувствуя шаткое положение Д.Н. Бородина и предвидя его возможный уход, он, по всей вероятности, хочет закрепить за Бюро хотя бы способного молодого человека: «Очень рад, что Бухголец в Корнеллском университете. Покорнейшая просьба сообщить его подробный адрес. Если наладится дело с Всесоюзным институтом прикладной ботаники и новых культур, хотелось бы его включить в штат. Вас мы, конечно, считаем своим, хотя официально Вы и не числитесь в С.-х. бюро».

Далее он рассказывает о своей афганской поездке, касается дальнейших планов работы. Будучи довольным результатами своей последней экспедиции Н.И. Вавилов касается некоторых ее особенностей: «Проехал более 5 тысяч верст верхом. За это время в Отделе получено порядочно материала». Информировывает о положении дел в институте: «Работа здесь наладилась; встала на ноги Степная станция, Центральная на Севере. Если пройдет смета по Всесоюзному институту, предполагаем открыть отделения на Украине, Туркестане, и несколько отделений в Закавказье». Обещает, что «через год-два будем высылать образцы не по десятку зерен, а фунтами». Это в ответ на призывы Д.Н. Бородина усилить обмен сортовым материалом с Америкой. Заканчивая свое письмо и извещая Д.Н. Бородину об издании очередного, XIV тома Трудов Н.И. Вавилова не упускает возможности еще раз напомнить о своем давнем напутствии: «Думаю, что будет неплохо, если Вы засядете основательно за писание. Опыт у Вас огромный и интерес к Америке исключительный. Только что вышла хорошая книга Николая Павловича Макарова «Зерновое хозяйство в Америке». Если Вам пригодится – пришлю». Н.П. Макаров экономист и муж умершей сестры Н.И. Вавилова, встречавший его в Америке и сотрудничавший поначалу с Нью-Йоркским отделением прикладной ботаники, время, как видно, не терял. Н.И. Вавилов явно играет на амбициозном характере Д.Н. Бородина, пытаясь, несмотря ни на что, все-таки получить от него научную монографию.

В письме от 5 февраля Н.И. Вавилов сообщает Д.Н. Бородину радостную и долгожданную для него новость: «Вас реабилитировали и что

по распоряжению Наркоминдела Вы снова приглашены на службу. Это есть результат коллективного ходатайства и, в частности, телеграммы Н.Д. Кондратьева». И сразу же озадачивает его работой: «по постановлению Совнаркома решено, ввиду недостатка семян выписать в нынешнем году из-за границы значительную партию семян». В связи с тем, что часть из них должна быть получена из Америки, включая кукурузу и другие культуры, он очень надеется на Д.Н. Бородину и просит его не подвести, т.к. ходатайствовал передать заказ именно ему: «Здесь было сомнение, передавать ли этот заказ Вам... В НКЗ я поручился за то, что Вы выполните наилучшим образом этот заказ. Я очень прошу Вас сделать все, чтобы заказ был выполнен наилучшим образом. Я заявил, что без Вас Торгпредство не справится с этой задачей. Нужен строгий сортовой контроль, нужна консультация Вашингтонского департамента земледелия. Все это сделаете лучше всего Вы». Тем не менее, зная авантюрный характер Д.Н. Бородину, Н.И. Вавилов считает своим долгом лишней раз предупредить его о возможных последствиях срыва заказа: «На Вас здесь много нареканий, и с этим Вы считайтесь, если имеете в виду работать в НКЗ». В заключение он высказывает пожелание изложить «кратенько и популярно, общедоступно, работу «Bureau of Plant Industry». Интерес Н.И. Вавилова к работе этого учреждения, координировавшего многие вопросы растениеводства в США, понятны в свете будущего становления возглавляемого им института, в названии которого появится также «Plant Industry», с 1930 г. – Всесоюзный институт растениеводства (ВИР).

Итак, понятно, что во многом именно стараниями Н.И. Вавилова, Н.Д. Кондратьева, и, возможно, Н.М. Тулайкова, Д.Н. Бородину восстанавливают на работе в прежнем качестве, правда, не понятно в каком и надолго ли. Вот как комментирует это сам Д.Н. Бородин в своем письме: «Получил Ваше первое письмо после афганской поездки от 16 января с.г. Благодарю за внимание, а также за то особое мнение, которое Вы сообщили. Однако я не уверен, что те условия, на которых мне могут предложить работу, с оставлением, как Вы выражаетесь, так или иначе при деле, меня удовлетворят – все зависит от того, с кем пришлось бы или придется работать». Несмотря на пессимизм в суждениях по поводу сложившейся ситуации и неопределенности с работой, Д.Н. Бородин понимает, что многое в его судьбе сейчас зависит только от него, и заканчивает письмо фразой: «Начинаем новую эру более определенную на основании пережитого».

Он поздравляет Н.И. Вавилова с удачной экспедиционной поездкой и призывает скорее наладить полноценный интродукционный обмен семенами с американскими учреждениями: «Гоните это сюда мне, что в большей мере поднимет кредит нашего учреждения в глазах американцев. А это, как Вы знаете, нужно». Может показаться, что Д.Н. Бородин не слишком одобряет практику прямой связи обменивающихся сторон в обход Бюро, однако он оговаривается: «Это не относится к Бюро прикладной ботаники, которое пользуется известностью после нашей работы здесь, а также после Вашего визита». У него есть определенные нарекания в адрес вновь организованного

Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (ВИПБ и НК) в лице Д.Д. Арцыбашева, который явно игнорирует Д.Н. Бородину, предпочитая в своей переписке иметь дело с «весьма услужливым» Бухгольцем. Но надо отдать должное Бородину, он принимает это, как свершившийся факт: «Думаю, что А.Ф. Бухгольцу придется работать с институтом, к этому, признаюсь, его до некоторой степени подготавливаю и помогаю».

В приписке к письму, не без гордости за свою деятельность, он извещает: «Наркомзем, по-видимому, нашел, что нас устранять трудновато и во вчерашней телеграмме в Амторг категорически настаивает на том, чтобы крупные партии семян для Наркомзема прошли через наши руки и ни один фунт не должен быть послан без нашего ОК». Тут же сообщает о тех действиях Д.Д. Арцыбашева, которые его не устраивают: «Мне передан большой заказ на семена для Всесоюзного института прикладной ботаники, направленный московской конторой Амторга и пересланный в здешнюю контору Амторга, но попавший снова в наши руки. Попытки Д.Д. Арцыбашева обойти нас (кстати скажите ему, что я жду оплаты его заказа на сумму 100 долл.) не увенчались успехом и, судя из только что приведенного факта, а также из только что мной полученных писем от одной из фирм, вижу вполне определенно, все дороги ведут в Рим». Некоторые действия Д.Д. Арцыбашева, которого прочили в заместители директора института, не устраивали и самого Н.И. Вавилова, правда, в несколько ином аспекте. Об этом можно узнать из пространного письма Н.И. Вавилова Д.Д. Арцыбашеву от 15 февраля 1925 г и из его записок по этому вопросу Н.П. Горбунову от 15 января того же года. Суть этих документов в организационных вопросах работы только что созданного Всесоюзного Института прикладной ботаники и новых культур (ВИПБ и НК). В понимании Н.И. Вавилова деятельность Д.Д. Арцыбашева и возглавляемого им Отдела натурализации не совсем согласуется с общим направлением работ Института: «Расширяя работы преобразованием в Институт, к чему, как Вы знаете, с самого начала я относился очень осторожно, мы представляли себе сохранение спаянности полностью. В этом и в настоящее время мы видим залог успеха всего Института». Д.Д. Арцыбашев этой спаянности, видимо, не способствовал, тем более, что находился в Москве. Были, очевидно, и какие-то амбициозные, личные качества его характера, не устраивавшие Н.И. Вавилова, особенно в качестве своего заместителя. Об этом он уведомлял Н.П. Горбунова, являвшегося правительственным куратором Института. Заместителем директора Н.И. Вавилов рекомендовал В.В. Таланова, который вскоре был утвержден на этой должности. Одновременно он стал главой Московского бюро ВИПБ и НК и официальным представителем Института в столице.

Уже на следующий день Д.Н. Бородин направляет Н.И. Вавилову еще одно письмо, в котором просит об устройстве его на работу в институт в качестве агронома-исследователя в Северной и Южной Америке: «Скажу, что я Д.Д. (Арцыбашевым) не доволен, он нас стремится обойти, но всегда

попадает снова к нам. Устройте меня в число лиц, имеющих отношение к Вашему институту (а то я ничего не буду делать для...), считайте как Agricultural Explorer in North or South America или что-либо в этом духе». Относительно А.Ф. Бухгольца он считает, что его «включить стоит, но скажу между нами, лучше пообещайте включить в будущем году, но пока не включайте». С точки зрения Д.Н. Бородина желательно поступить именно таким образом из чисто воспитательной точки зрения, т.к. тот «имеет большую самоуверенность, что ему очень вредит». Однако здесь явно проскальзывает и некоторое чувство ревности, что А.Ф. Бухголец уже намечен Н.И. Вавиловым в будущие сотрудники института, а в отношении Д.Н. Бородина имеются лишь только заверения.

В письме от 14 февраля он сообщает: «Судя по последней телеграмме Наркома Смирнова, нас опять решили оставить в покое и даже обещают прислать деньги. Смотрю скептически, но может быть, и пришлют все же. Второй год испытывать удовольствие попадать в дурацкое положение и по 1/2 года не получать жалованья у меня нет... При российском оскудении я знаю, как мыслит т. Свидерский и другие: «Мы учреждение дорогое и вне СССР, где не хватает денег на более существенные нужды...». Перспективы же работать с Сельскосоюзом или Амторгом Д.Н. Бородин никак не воодушевляют: «Выдержать еще год на тех же ролях, я едва ли смогу, несмотря на железные нервы и преданность делу». В приписках к этому письму Д.Н. Бородин информирует Н.И. Вавилова о большей загруженности на нынешней работе по закупке семян и их контролю и, желая быть отмеченным каким-либо образом за свои труды пишет: «Мечусь, но с толком. Запишите в историю интродукции СССР, но только не по Талановски, не в скобках, пожалуйста». Зная беспокойный характер Н.И. Вавилова, его стремление лично участвовать в различных экспедициях и, в особенности, в опасные районы, Д.Н. Бородин, получив известие о гибели в горах от пули бандитов своего знакомого зоолога В.М. Исаева настойчиво предостерегает Н.И. Вавилова: «Бросьте ездить, у Вас на шее 60 с малым растениеводов. Пусть молодежь плавает теперь. Напишу, чтобы Вас не пускали».

Следующие два очень длинных письма от 24 и 25 февраля посвящены в основном деятельности Д.Н. Бородина как организатора и контролера закупки больших партий семян кормовых трав: суданской травы, люцерны Гримма, американского пырея, костра безостого, а также мучнистой кукурузы. Сама система этой большой и ответственной работы осложнялась, по его мнению, участием в ней Амторга: «Работа по покупке семян шла бы полным ходом, если бы она более находилась в наших руках. В настоящее время дело обстоит следующим образом: вся закупка с коммерческой стороны производится Амторгом, вернее различными персонажами этой организации. В виду совершенного незнакомства их с покупкой семян мне пришлось начать с детальной информации по этому вопросу и с громадной затратой энергии и тратой времени».

Особые затруднения вызывала кукуруза Айвори Кинг из-за малого распространения в Америке мучнистых сортов: «Мучнистые сорта интересуют только индейцев северо-западных Соединенных Штатов, и протеиновые сорта предпочитают для широкого потребления. Крахмал американцев совершенно не интересует. Несколько других сортов мучнистого типа, конечно, могли бы быть закуплены. Что же касается Айвори Кинг, то нам удалось получить чистосортного материала только в количестве 150 бушелей». Вроде бы Д.Н. Бородин и «дорвался» до тех тонн семенного материала, которые мечтал отправлять в Россию, но большого удовлетворения от таких крупных поставок как будто не испытывает – слишком это хлопотное и ответственное дело. Что же касается заказа института на семена, поступившего в Амторг на 2 тысячи долларов то и тут ему перешел дорогу Д.Д. Арцыбашев, разославший запросы по разным фирмам. Д.Н. Бородин же продолжает настаивать на своем: «Если этот заказ будет передан нам Наркомземом всецело, то можете быть уверены, что он будет выполнен в самом образцовом порядке, на условиях же полнейшей зависимости от Амторга я не думаю, чтобы могли выполнить его в срок и так, как хотелось бы, т.е. как мы выполняли подобные заказы для Бюро прикладной ботаники».

Д.Н. Бородину приходится иметь дело также с очень важной и ответственной функцией контролера качества семян. В некоторых случаях, как с суданской травой, которая может быть засорена нежелательной примесью Джонсоновской травы, он беспокоится, удастся ли соблюсти сортовую чистоту вывозимого материала и дает рекомендации, как поступать с ним в России: «Определенно настаивайте на необходимости портовой выгрузочной инспекции, когда семена прибудут в один из русских портов...». Им предлагаются и другие меры, которые способны очистить данный материал от примеси, в частности, первичная высадка его в более северных районах, где злостный сорняк не может, исходя из опыта США, получать большего распространения: «В случае, если суданская трава будет двинута в Закавказье и Туркестан, я нисколько не сомневаюсь в том, что при наличии джонсоновской травы могут выйти неприятные недоразумения в будущем, что можно приравнять к массовому завозу вредителя» Таким образом, он выступает еще в роли очень грамотного и ответственного карантинного инспектора.

Относительно литературной работы, которую ему все время рекомендует Н.И. Вавилов, он отвечает: «Ваше желание изложить кратко о Bureau of Plant Industry совершенно совпало с моим намерением это сделать, что я сделаю в короткий срок. Подобный очерк работы Bureau of Agricultural Economy мною сделан в отдельной брошюре в «Новой деревне». Рассчитываю всецело на Вас при выполнении технической и редакционной стороны в печатании этой работы, она будет краткой и доступной, и, по моему, можно будет вполне использовать для СССР». Из этого текста можно понять, что речь идет об известном американском учреждении и опыте ведения сельскохозяйственного производства культурных растений в США.

Бюро растениеводства и Бюро Сельскохозяйственной экономики были подразделениями Американского министерства земледелия (USDA – United States Department of Agriculture). Бюро растениеводства США стало отчасти прообразом для создания Всесоюзного института растениеводства (ВИР) в 1930 г. на базе уже имевшегося Института прикладной ботаники и новых культур (ВИПБ и НК), с выделением одной из важнейших его задач – интродукции растений. По крайней мере, название института явно заимствовано.

В ответном письме от 4 марта Н.И. Вавилов информирует Д.Н. Бородину об институтских организационных делах: «С Институтом дела начали налаживаться. Утверждена смета, вероятно на днях будут утверждены Положение и штаты. Центр института – в Ленинграде, у нас в Отделе, который принимает всесоюзный масштаб работы. В Москве сосредоточены Отдел натурализации во главе с Д.Д. Арцыбашевым и Бюро введения и размножения семян во главе с В.В. Талановым, кроме того Московское бюро, в котором сосредоточивается музей, часть популяризации и финансовая сторона. Открывается ряд отделений по союзным республикам. Через несколько недель, когда будут утверждены положение и штаты, мы составим осведомительную книжечку по институту, которую, конечно, пришлем вам». Особое внимание уделяется музею: «Для музея используем все, что когда-то вы прислали, и будем рады вообще все получить, между прочим. Желательно пропагандировать вашу работу; хорошо бы, если б Вы подготовили витрину соответствующую». Относительно музея, о котором так пекся Н.И. Вавилов не ясно был ли он создан в Москве. Идея очень важная, интересная, актуальная и в наше время. Только отчасти она воплощена в нынешнем музее – кабинете Н.И. Вавилова в здании ВИР на Исаакиевской площади С.-Петербурга. В конце письма ставшая уже «традиционной» просьба: «Затем, если будет на то Ваша милость, можете из остатков моих сумм прислать 3-4 пера самопишущих. В Афганистане пришли в негодность те, что имел».

Экспедиция по горным районам Афганистана была настолько интересна и продуктивна, что Н.И. Вавилов и в следующем письме продолжает делиться впечатлениями от афганской экспедиции и, несмотря на предупреждения Д.Н. Бородина беречь себя, рассказывает о планах на дальнейшее: «Теперь обмозговываем поездку в Малую Азию, в Северную Африку. Путь экспедиций дает особенно много материала, и поэтому во что бы то ни стало будем его проводить». Это лишнее подтверждение тому, что он придавал особую роль сборам в природе растительного разнообразия и его использования в качестве исходного материала для дальнейшей селекционной работы. Результаты экспедиционных поездок также давали новый импульс его теоретическим исследованиям, но руководство институтом и администрирование отнимали уйму времени: «Сам я пишу книгу о происхождении культурных растений, которую никак не могу закончить за административными заботами. С Всесоюзным институтом много канители, все еще утверждают штаты и Положение. Когда оформится

окончательно, Вам сообщу. Много тут канители, увязки с Арцыбашевым, Колем, достаточно бестолковым, но в общем дело не безнадежное. Становимся большой организацией. Малым Вашингтоном. Конечно, до Вашингтона нам далеко, но все же скорее приближаемся, чем отдаляемся». Последние фразы еще раз подчеркивают интерес Н.И. Вавилова к работе американского Бюро по растениеводству, находящемуся в столице США. В конце письма добавляет: «У нас возник во Всесоюзном институте Отдел интродукции, во главе которого стоит А.К. Коль». С «бестолковым» Колем у Н.И. Вавилова будет еще много проблем, от принципиальных расхождений во взглядах на работу Отдела интродукции до писем и статей доносительского характера со стороны заведующего этим отделом.

Н.И. Вавилов понимает, что «пропаганда» деятельности Бюро Д.Н. Бородина должна показать советским функционерам от науки и партийным чинушам правильность выбранного направления действий. В связи с этим просит Д.Н. Бородину «написать статью на печатный лист про деятельность Вашего Бюро для помещения из ближайших выпусков. Я об этом Вам уже писал и думаю, что это только в Ваших интересах. Ваши заслуги перед Союзом мы чтим высоко и, несмотря на то, что мы Вас нередко ругаем, одно другому не мешает. Будет тормозить Вас теперь, вероятно, Коль, помогите ему». Информировав Д.Н. Бородину о результатах деятельности института, Н.И. Вавилов с гордостью сообщает, что «в текущем году интродукция идет в размере 15000, главным образом по плодоводству, огородничеству и натурализации. По полевым культурам мы больше заинтересованы в организации собственных экспедиций». А итог таков: «24 год был удачным годом: проведены сборы, кроме Афганистана, на Алтае, в Армении, Грузии, Персии и получен большой материал из Африки. Прислал кое-что и Харлан по части бобовых интереса исключительного. Начинаем разбираться в мировой географии сортов. Ваши заветы о работе с пудами не забываем, и думаю через пару лет, если Вы пожелаете к нам, то кое-что будет сделано и в этом отношении».

В ответном письме от 4 марта Д.Н. Бородин предупреждает о возможных проблемах с отправкой в институт семян, в связи с тем, что «Нарком заказ на семена определенно канцелировал и вся громоздкая работа ликвидирована... Сегодня жду окончательных сведений от П.Я. Зива по вопросу закупки, который я поставил ребром, и он или покупает или на основании Наркома канцелирует весь заказ, тогда Вам дадут только то, что дефактум закуплено в настоящий момент через Сельскосоюз или через Allied American Corporation самостоятельно». Термин «канцелировать», происходит от английского «cancel» - отменять. Д.Н. Бородин уже настолько американизировался, что словарный аналог в русском языке не считал нужным использовать. Состояние закупок семян через Амторг (П.Я. Зив – президент), Сельскосоюз и другие организации остается весьма запутанным и несовершенным. Д.Н. Бородин давно считает, что «Наркомзему пора встать на территории Соединенных Штатов Америки по возможности без посредников. К сожалению до настоящего времени мы не пользовались

возможностью иметь свое Торгпредство здесь, а имеем лишь закупочный орган Госторга со всеми специфическими особенностями государственной спекулятивной организации». Вместе с тем он не исключает возможности использовать такого рода организации в сложившихся условиях: «Однако нужно совершенно определенно и трезво смотреть на вещи, потому что никакие другие организации, кроме государственных, в настоящий момент не могут развить той энергии при надлежащем подборе сотрудников, как госорган с поддержкой центра».

Д.Н. Бородин, имея богатый практический опыт работы в США, излагает возможные варианты и схемы закупок семян в Америке, которые он представил в письме Наркому земледелия. Схем этих четыре, из них четвертую называет «гордым уединением в Вашингтоне с переездом туда, взяв на себя чисто научные функции, по возможности ликвидировав всю переписку с СССР, которая нас заедает и с углублением в недра библиотеки, столь любезные Вашему сердцу». Собственно, именно такое научное, а не коммерческое направление деятельности, предлагал ему Н.И. Вавилов и, со своей стороны, предупреждал Д.Н. Бородин о возможных проблемах, которые могут возникнуть. Жизнь показала в очередной раз, насколько был прав Вавилов в этом вопросе. Д.Н. Бородин же не в первый раз, пусть нехотя, но признает изначальную правоту, моральный и научный авторитет Н.И. Вавилова: «Верю, что в ближайшее время Вы будете опять во главе не каких-нибудь бесконечных «Институтов» прикладной ботаники (сколько их расплодилось), а во главе Bureau of Plant Industry и объедините все эти институты, которые есть не что иное как простые Бюро».

Не понятно, что имел в виду Д.Н. Бородин под «бесконечными институтами прикладной ботаники», но то, что Н.И. Вавилову было по силам объединить различные научные сельскохозяйственные учреждения в единый Институт растениеводства предвидел верно. Признавая огромную роль Н.И. Вавилова как организатора науки, он не удерживается тут и от почти что лести: «ведь Вы уже знаете, что я со всеми скребусь, кроме Вас, от Вас же могу выслушать самые сильные эпитеты, даже за создание мною Русского сельскохозяйственного Бюро, в Ваших классических по негодованию письмах из Берлина. Эти отдельные документы я до сих пор храню, как это иногда делают хорошие сыновья, вешая пучок розг над своей кроватью. Параллельно с этим, однако, Ваш портрет занимает самый важный и видный угол в нашей конторе, что бы с ней не случилось, какие бы медные трубы, огонь и воду не пришлось ей претерпеть» В приписке к этому письму Д.Н. Бородин не упускает возможности очередного напоминания о вечной финансовой проблеме: «Скажите сообщая соответствующим идолам, что Ваш покорный слуга с первого октября живет на средства, заимообразно полученные от друзей, терпение которых его искренне изумляет. В ближайшем будущем предстоят акриды и дикий мед». Вопрос личного денежного содержания остается таким же острым, как и прежде, но никакой вины Н.И. Вавилова из-под руководства которого он ушел, тут уже нет.

Тем временем конфликт с Д.Д. Арцибашевым набирает обороты и через пару дней Д.Н. Бородин отправляет еще одно письмо, теперь уже с жалобой на него, в связи с тем, что тот фактически отказал ему в доверии, посылая заказы на семена непосредственно в Амторг на том основании, что «запросы через Бюро Наркомзема пришлось давно прекратить, так как у Д.Н. (Бородин) тенденция проводить свои планы, а не исполнять наши поручения и в результате он лишился нашей поддержки». Это выдержка из письма самого Д.Д. Арцибашева, оригинал которого стал доступен Д.Н. Бородину через А.Ф. Бухгольца. Д.Н. Бородин ищет поддержки Н.И. Вавилова, считая позицию Д.Д. Арцибашева неприемлемой: «Конечно, это мелочь, но если во всем этом есть намек на попытку дискредитировать Агентство в возможности с его стороны выполнять сложные научные поручения, то я самым категорическим образом протестую против этого и прошу довести это до соответствующих сфер».

Энтузиазм Н.И. Вавилова по поводу проведения афганской экспедиции и его отзывы о результатах поездки не прошли мимо Д.Н. Бородина и в своем следующее длинное письмо от 2 мая содержится просьба прислать ему кое-что из афганского материала, в частности знаменитую черную морковь и бобовые, «на наш адрес, и мы перешлем, куда это нужно». В нем обсуждаются также некоторые сложности официальной регистрации семян, присланных из России. Его интересуют также дела с организацией нового Всесоюзного института прикладной ботаники, заказы от которого стали к нему приходить: «Первые партии заказов только по линии дендрологии производят цельное впечатление, но система видна лишь в том, что Дмитрий Дмитриевич (Арцибашев) хочет повторить Вас в этой области, напирая, и довольно настойчиво на многообразие. Мировой масштаб, по-видимому, есть идеал русских и американцев, хотя последние, при всех своих богатствах и возможностях, значительно скромнее нас».

При всей своей американской «натурализации» он продолжает считать себя русским человеком и не оставляет надежду навестить Россию: «Через пару лет я буду рад пожаловать на тот или иной срок для американизации некоторых отделов и отраслей, в которых заинтересован Наркомзем. Мелкий масштаб и аптекарские дозы, однако, не в моем плане, и пока я не буду уверен в отсутствии препятствий к осуществлению своих планов в большем масштабе, чем это возможно в настоящий момент, ехать едва ли смогу, и пока что считаю, что больше сделаю здесь для того же самого дела, которым интересуюсь и для Союза в целом. Придерживаюсь взгляда, что при работе с пудами, вместо унций, кредиты Наркомзема можно будет увеличить. Мы здесь держимся и упорно держимся, того взгляда, что работать в малом масштабе здесь по крайней мере не только дорого, но совершенно невыгодно и нерентабельно».

Несмотря на все трудности, тупиковые ситуации и «шишки», которые получал Д.Н. Бородин на своей нынешней работе, организационно разошедшись с Н.И. Вавиловым на этом пути, он продолжает гнуть свою линию по поводу масштаба и направления своей деятельности. Вместе с тем

профессионально и чисто по-человечески он не порывает с «дорогим Николаем Ивановичем», видя в нем, если не своего сторонника, то постоянного защитника, а также понимая подлинный масштаб его личности как ученого и организатора науки. Очевидно, что Д.Н. Бородину не безразлична судьба и жизнь Н.И. Вавилова, он дорожит устоявшимися за эти годы совместной работы добрыми взаимоотношениями с ним в связи с этим он в своих письмах неоднократно выражает беспокойство об экспедиционных рисках, которые столь часто сопутствовали Н.И. Вавилову: «По вопросу об Малой Азии и Северной Африке я выражаю надежду на то, что Вы лично туда определенно не поедете. При всем желании видеть Ваши успехи и там я лично на месте всех ваших сотрудников и коллег попросту Вас бы не пустил! Буду ждать от Вас тома по Афганистану, а также поскорее двинуть в печать то, что Вы пришлете об Афганистане. Этим здесь интересуются, ибо абсолютно ничего не знают, а имеют сведения от какой-то шарлатанской группы туристов – и это все».

Н.И. Вавилов имел определенное представление о положении дел у Д.Н. Бородина также благодаря письмам А.Ф. Бухгольца, с которым изредка переписывался. У него были определенные виды на этого способного молодого человека, сына известного ботаника и миколога Ф.В. Бухгольца, по использованию в планировавшейся южно-американской экспедиции. Н.И. Вавилов, очевидно, видел в нем некую альтернативу вечно недовольному и конфликтному Д.Н. Бородину. Это видно из следующих строк письма, направленного Н.И. Вавилову 8 мая: «Профессор Букасов просил меня поехать с экспедицией в Южную Америку, но несмотря на большое желание ехать мне пришлось отказаться, т.к. я сейчас оканчиваю Университет, а если бы уехал, мне пришлось бы потратить на это еще целый год». Относительно дальнейших планов пишет: «Начну я свою работу, если финансовые обстоятельства не помешают, следующей осенью. Летом, начиная с июня по октябрь, я свободен и буду зарабатывать деньги на следующую зиму. Если в Бюро Дмитрия Николаевича (Бородина) обстоятельства улучшатся – оно сейчас опять переживает кризис, т.к. денег из Москвы не переводят и купчики из Амторга стараются воспользоваться случаем, чтобы избавиться от этого бельма в их глазу, - я буду работать в Нью-Йорке в Бюро».

С деньгами у Д.Н. Бородина действительно, как всегда, не густо. В письме от 17 мая он пишет: «Кажется, я писал Вам, что получил около 3000\$ из Москвы, кроме того обещание от Свицерского о пересылке \$6000. Хватит до октября, не более, а в октябре придется решать, как быть». Над ним постоянно нависает угроза безденежья. Несмотря на всю свою американскую сметку и хватку, отношения с другими американскими посредническими организациями типа Амторга постоянно не складываются. Сложные связи между Наркомземом и Наркоматом внешней торговли (НКВТ) еще более усложняют его деятельность на новом поприще то ли Сельскохозяйственного бюро, то ли Агентства. Со стороны Н.И. Вавилова переписка заметно сокращается. Это связано, очевидно, не столько тем, что он уже

непосредственно не контролирует Д.Н. Бородин, а скорее большой занятостью. В Институте создан Отдел интродукции во главе с А.К. Колем, и ему он во многом передоверяется связь с Д.Н. Бородиным по вопросам интродукции и запросам, касающимся обмена семенным материалом. В письме от 8 июля Д.Н. Бородин пишет: «Потому что Вы последнее время ничего не писали, вижу, что Вы заняты обработкой материала Вашей Афганской поездки, с одной стороны, и хлопотами в связи с Совещанием по опытному делу – с другой. Давно не имел писем от Тулайкова, Кондратьева и других наших визитеров».

Н.И. Вавилов находит, наконец, время написать и отправить Д.Н. Бородину письмо 4 июля, которое в целом пронизано оптимизмом и уверенностью в отношении складывающихся в новом институте дел: «Нынешний год ударный: посевы везде в хорошем состоянии, ждем хорошего урожая. Вообще по всей стране и в частности и нас этот год ставит на ноги. Высеяны огромные коллекции, и впервые удастся оживить и довести до сколько-нибудь значительных количеств наши коллекции. Наряду с испытанием тысячи сортов идет большая работа по доведению наиболее интересных практически сортов до больших количеств. Ваши пожелания мы учитываем достаточно...». Далее приводятся цифры высеянных площадей по ряду культур, в том числе присланных Д.Н. Бородиным. Особенно он отличает деятельность Госсемкультуры, «которая ставит дело очень широко и ведет работу на тысячи десятин, позволяет нам от аршинных участков быстро переходить на большие площади. Политика семеноводства, нам кажется, в последние годы ведется правильно, и через два-три года мы будем иметь миллионные селекционные фонды».

Для Д.Н. Бородина это отрадная весть, во многом снимающая, как ему кажется, ту критику, которую он постоянно выдвигал относительно мизерных, по его мнению масштабов интродукционной работы, на которую его якобы обрекал Н.И. Вавилов: «Все это сообщаю Вам к тому, чтобы Вы не очень ругались за наше коллекционирование, оно логически и практически достаточно увязано, чтобы сделать его осмысленным. Институту прикладной ботаники приходится принимать участие в крупных мероприятиях НКЗ, и мы близко стоим по всей семеноводческой политике, которая ведется при нашем ближайшем участии». При этом он отмечает: «Выписка четырех миллионов семенного фонда шла главным образом из Западной Европы. Выписывались большие количества овса и ячменя. В Америке сделаны были сравнительно очень малые заказы».

В институте активно налаживается экспедиционная работа. Сам Н.И. Вавилов надеется попасть в Западный Китай, куда его приглашают для производства агрономического обследования, мечтает посетить также Абиссинию, Палестину, Алжир: «Если у Вас есть там какие-либо знакомства, в особенности в Абиссинии, помогите». Видимо, помнит об одном из писем Д.Н. Бородин, где тот сообщал: «В Абиссинии я нашел русских, которые мелют муку для негуса, на них рассчитываю по части ячменей, но время и время» (2 августа 1923 г). Предостережения Д.Н. Бородин относительно

личного участия в экспедициях после опаснейшего путешествия в Афганистан для Н.И. Вавилова, конечно, не серьезны. Он не только ботаник, но и географ, историк земледелия, словом естествоиспытатель в самом широком и деятельном смысле этого понятия. На это же он нацеливает своих сотрудников: «Жуковского пытаемся отправить в Анатолию. Воронов и Букасов отправляются в Южную Америку. Букасову поручено специально ознакомиться на месте с культурой картофеля и собрать материал по эндемичным южно-американским культурам, в особенности по картофелю, кукурузе, фасоли, табаку, хлопчатнику, помидорам. Букасов командирован Всесоюзным институтом прикладной ботаники. Он прекрасно знает картофель. Только что сдал большую рукопись, монографию по картофелю, которую будет печатать в ближайшие месяцы, и думаю, что поездка его будет весьма продуктивной. Очень прошу Вас ему посодействовать, так же, как и П.А. Баранову. Ю.Н. Воронов в особенности интересуется каучуконосными растениями и субтропической культурой. Он у нас заведует Отделением субтропических культур и вообще является в Союзе лучшим знатоком по субтропическим культурам. Писарев командирован в Норвегию и Швецию специально по изучению северных культур и по сбору дикой и кормовой свеклы. Н.И. Кичунов командирован в Англию, Голландию, Францию и Германию по изучению новейших достижений в области садоводства. Ряд поездок намечен в пределах Союза». Чувствуется, что беспокойный, энергичный и неутомимый в делах Н.И. Вавилов, пытается вовлечь в сложную задачу организаций экспедиций и Д.Н. Бородину, привлечь его связи и знакомства. Кипучая деятельность, энтузиазм и увлеченность бьют ключом, Н.И. Вавилов полон эмоций и радости за результаты своей деятельности. Он еще раз подтверждает: «Нынешний год сильно поставил нас на ноги. Опытные станции разворачивают большую работу как научную, так и практическую... Положение о Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур, в который входит и отдел прикладной ботаники Института опытной агрономии, утверждено А.И. Рыковым. Это факт для нас большой важности, так как он позволяет значительно расширить и углубить работу. По положению мы должны получить значительные права по выписке материалов из-за границы». А.И. Рыков в то время был Председателем Совета народных комиссаров СССР, сменившим в 1924 г на этом посту В.И. Ленина после его смерти.

Последующие, короткие июльские письма посвящены в основном визитам, как с русской, так и американской стороны ученых, которым необходимо оказать содействие в получении виз и соответствующей опеки во время пребывания в России и США. В последнем письме от 29 июля он еще раз извещает Д.Н. Бородину о предстоящей экспедиции Ю.Н. Воронова и С.М. Букасова и просит посодействовать по привлечению им в помощь А.Ф. Бухгольца. : «В половине сентября Ю.Н. Воронов будет в Нью-Йорке, я уже писал доктору Попено (W. Popene) и Харлану (H. Harlane) о поездке Юрия Николаевича. Мы бы хотели, чтобы в поездке Юрия Николаевича принял участие А.Ф. Бухголец в качестве технического помощника. Маршрут

поездки очень интересный, и Александру Федоровичу будет очень полезно, и несомненно поездка и самому ему даст очень многое. Я написал об этом самому Александру Федоровичу и прошу Вас оказать на него воздействие, тем более что этим самым Нью-Йоркское агентство НКЗ сделает большое дело». Письмо А.Ф. Бухгольцу было действительно отправлено того же 29 июня, в котором он убеждает его принять участие в поездке за счет экспедиции: «Маршрут экспедиции очень большой: охватывает Колумбию, Перу, Чили, Боливию, Бразилию. Я рекомендовал Юрию Николаевичу Вас как подходящего помощника, Думаю, что для Вас поездка представит исключительный интерес, самое назначение экспедиции имеет огромный интерес для нас. Для подбора сортового материала для перенесения в Россию... Я знаю вы заняты в Институте, кажется в Корнелле, но думается, что для поездки учебу можно отложить. Сама поездка заменит Вам учебу. В случае согласия немедленно принимайтесь за испанский язык».

В письме от 15 июля Д.Н. Бородин сообщает о своем решении издавать печатный орган: «Обозрение Американского сельского хозяйства» и просит Н.И. Вавилова поддержать это его начинание перед Наркомземом: «Первый номер прилагается при сем». Он рассчитывает на участие в этом издании Н.И. Вавилова, Н.М. Тулайкова, Н.К. Кондратьева и «прочих «американцев» из русских». Просит: «Постарайтесь ответить поскорее, чтобы Ваше благословение поспело. За это Ваш портрет будет в номере. Клише готово. Пришлите Ваш последний портрет, о котором мне пишет мать (видела у Шаллерт), в профиль за Вашим столом в Бюро». Приглашает Вавилова приехать «сюда в августе вместе с Максимовичем (Тулайковым) ненадолго хотя бы». Сообщает об учебных делах А.Ф. Бухгольца: «Он с 1-го сентября стипендиат штата Нью-Йорк. Жаловаться могу лишь на его некоторую неаккуратность». Из других новостей упоминает о разразившемся в это время в США известном антидарвиновском «обезьяннем процессе» в г. Дентон (штат Теннесси), где проходил суд над учителем Дж. Скопсом, преподававшим теорию эволюцию Дарвина: «Здесь все принимают очень серьезно. Что скажет Лев Семенович?». Лев Семенович – это известный биолог Л.С. Берг, друг Н.И. Вавилова, выдвинувший в 1922 г. свою концепцию эволюции на основе закономерной, а не случайной изменчивости (номогенез).

В большом письме от 22 июля Д.Н. Бородин благодарит Н.И. Вавилова за письмо от 4 июля и «сведения о размножении тех культур, которые были интродуцированы в СССР отчасти при нашем участии». И тут же, противореча своей позиции относительно опасности личного участия И.Н. Вавилова в экспедициях, больше не отговаривает его от этого, а выражает большую заинтересованность в «предстоящей поездке в угол, не затронутый агрономическими исследованиями, куда вы получили приглашение на месяц». Речь, вероятно, идет о приглашении Н.И. Вавилова в Кашгар – Юго-Западный Китай, о котором он сообщал в своем письме Д.Н. Бородину: «Должен сказать, что я являюсь инициатором подобного шага, как Вы узнаете позже. Во всяком случае, Вы встретите там моих близких друзей,

которые расскажут Вам много интересного. Ни в коем случае не отказывайтесь от этой поездки». Д.Н. Бородин продолжает интересоваться вопросом организационного взаимодействия: «Очень хотелось бы знать, в каком отношении Всесоюзный институт прикладной ботаники находится с нашим Бюро, имеется ли какой-нибудь пункт, который устанавливал бы непосредственную связь Всесоюзного института и нашей организации?». Вопрос, конечно же, более чем странный, ибо таким «пунктом» должен был стать именно Отдел интродукции нового института (ВИПБ и НК), и Н.И. Вавилов уже ориентировал Д.Н. Бородина на связь с ним, советуя отныне иметь дело непосредственно с заведующим отделом А.К. Колема.

Относительно замечания Н.И. Вавилова о неаккуратности выполнения заявок В.В. Таланова, Д.Н. Бородин отвечает: «По вопросу об отношениях с В.В. Талановым должен сказать, что та форма заказов и сношений, которую почему-то предпочитает В.В., постоянно приводит меня к столкновениям с различными русскими организациями и лицами, связанными с Россией постоянно или непосредственно». Возвращаясь к делам экспедиционным, он выражает надежду встретиться с Н.И. Вавиловым «весною 1926 года на берегах Средиземного моря...Если хотите, то Алжир и Палестину объединим вместе, что касается до Абиссинии, то по ряду соображений, я думаю, Вам придется воздержаться от поездки. Абиссиния имеет исключительно большое количество русских беженцев, состоящих на службе у Менелика, и отношение к СССР и даже к научным работникам может быть не слишком благожелательным. Абиссинцы исключительно подозрительны, на что жаловался Харлан. Я увижу его в ближайшее время и напишу Вам о том, как он смотрит на возможности Вашей поездки и на трудности работы в Абиссинии». Следует отметить, что в более ранних письмах Д.Н. Бородин обнадеживал Н.И. Вавилова своими связями с русскими в Абиссинии, предлагая свое посредничество в организации и проведении экспедиции, но, создавшаяся политическая ситуация к тому времени, очевидно, изменилась, и Д.Н. Бородину требуется оценить ее, прежде чем рекомендовать Н.И. Вавилову предпринимать какие-либо действия. Однако он явно увлекся ботанико-географическими изысканиями Н.И. Вавилова и готов лично принять в них участие, зная о планах предстоящей экспедиции того по средиземноморским странам.

Д.Н. Бородину, в силу своего служебного положения «русского американца», часто приходится организовывать встречи прибывающих в США советских делегаций и следующее его письмо от 6 августа целиком посвящено визитерам, которым он оказывает разные формы услуг и содействия. Это его, по всей вероятности, перестает устраивать, и он выдвигает свои условия такого рода деятельности: «Все это необходимое и достаточное условие для того, чтобы имело место наше содействие русским визитерам в Америке и Канаде...не хочу быть в ложном положении, когда, использовав наши услуги, командированные оставляют за собой полную свободу действий и не считают себя ни в коей мере Агентству обязанными».

В письме от 3 октября он сообщает о прибытии еще одной делегации в составе Ю.Н. Воронова и его спутника В.Р. Живаго: «Воронов устроился в нашей конторе, Видимся каждый день и обсуждаем дальнейшие планы». Ю.Н. Воронов - не простой визитер, он - организатор очень важной экспедиции Резинтреста в Центральную и Южную Америку. В состав этой входили также С.М. Букасов, С.В. Юзепчук, Г.Г. Боссе. Значение ее будет впоследствии оценено очень высоко, поскольку она положила начало совершенно новому, революционному этапу селекции картофеля в России, да и во всем мире, открыв новые виды и взяв на вооружение отдаленную гибридизацию с ними. Д.Н. Бородин сознает важность предпринимаемой экспедиции, написав ее даже с большой буквы: «Агентство пришлось сделать главной базой, и вероятно, что Агентство присоединит к Экспедиции кого-либо, и это пока не решено, Поехал бы лично, но не знаю, как решит Москва судьбу Агентства на этот раз». Что касается А.Ф. Бухгольца, то его участие в экспедиции, несмотря на личную просьбу Н.И. Вавилова, не представляется Д.Н. Бородину возможным из-за потери тем с трудом полученной стипендии и визовых законов, которые могут запретить ему последующий въезд в США, т. к. он находился на правах репатрианта.

В следующем письме от 14 октября сообщает: «Каждый день обсуждаем, налаживаем дело Экспедиции. Агентство, по-видимому, будет работать и впредь, но, к сожалению, Москва снова задерживает деньги, и очень некстати, ибо это связывает руки в совершенно неподходящий момент». Следующее письмо от 3 ноября уже совсем не позитивное: «Агентство снова без денег, и об этом точно известно Переферковичу, которого очень просил о содействии. Поддерживайте!». Переферкович – животновод, также посетивший США в это время. С Ю.Н. Вороновым у Д.Н. Бородина произошел какой-то разлад: «Вороновым я не совсем доволен и, признаться, совсем было послал очень неприятное письмо. Он не умеет кооперировать и не ценит труда других... Недоволен я, признаться, многим, но сплетничать нет охоты». В почти официальном письме от 27 ноября с обращением «Уважаемый проф. Вавилов» вместо обычного «Дорогой, Николай Иванович», содержится просьба оплатить счета от компании А.Б. Дика (A.B. Dick Co) на заказанный им мимиограф в сумме 110 долларов: «Ввиду того что у меня нет возможности оплатить эти расходы из фондов нашего учреждения, которые действительно очень ограничены, я был вынужден телеграфировать Вам». В последних письмах за 1925 г. от 7 и 21 декабря сообщается о предстоящем Международном съезде по растениеводству в США, на который приглашены Н.И. Вавилов, Д.Н. Прянишников и Н.М. Тулайков: «Буду ждать Вас троих». Далее пишет: «От одного из членов Южноамериканской экспедиции получил письмо с сообщением о том, что 2-месячное пребывание их коллег в Мексике дало значительные результаты. Таможенные трудности несколько задержали доставку грузов, пересланных отсюда, но вместе с тем время используется весьма производительно».

Н.И. Вавилов 5 ноября подтверждает приглашение на Съезд по растениеводству в августе 1926 г. в США: «определенно командированы Всесоюзным институтом прикладной ботаники, в качестве представителей, проф. Н.А. Максимов (наш физиолог) и проф. В.В. Таланов. Возможно попаду и я. Первые два уже имеют средства на командировку, у меня их еще нет, и мои планы более сложные, о которых ниже». Далее он обращается к Д.Н. Бородину с просьбой официально помочь нашим представителям. Я думаю, что затруднений у них с визами никаких быть не может, так как Н.А. Максимов хорошо известен своими работами. Да и остальные. Я получил личное приглашение от Харлана и от Беккера (Baker). Вообще надо сказать, что продолжаем быть в самых лучших отношениях со многими вашингтонцами. Получил только что извещение от Харлана о том, что он высылает абиссинский материал по злакам. Это для нас крупнейшее событие за последние два года по части интродукции».

Однако в планы Н.И. Вавилова не входит личное посещение съезда. Его мысли все устремлены на обширную экспедицию по странам Средиземноморья и в Абиссинию. Ими он делится весьма подробно с Д.Н. Бородиным. Далее он мечтает посетить также и Индию. Он весь не только в мечтах и планах, но и во всепоглощающей его работе над основным своим научным трудом, который надеется в скором времени закончить: «Пошлю Вам немедленно книгу о происхождении культурных растений, как только ее напечатают для вашей критики. Весь интерес мой продолжает быть в этих проблемах». И с радостью делится с Д.Н. Бородиным продолжающимся прогрессом в становлении института: «Жизнь института идет полным темпом. Почти лихорадочно разворачивается сеть опытных учреждений... Мы растем, может быть, в некоторых частях своих слишком поспешно». Просит Д.Н. Бородина взять «под свое покровительство экспедицию Воронова и Букасова». сетует на то, что «наш Отдел интродукции, во главе с Колем, нас мало удовлетворяет. Приходится самому заниматься организацией экспедиций».

В кратком письме от 10 ноября Н.И. Вавилов одобряет издание Агентством журнала «Обозрение Американского сельского хозяйства» и желает получать его в нескольких экземплярах: «Это лучшая агитация в пользу Вашего Бюро». Его беспокоит судьба субтропических культур, присылаемых из Америки, и он советует присылать их не через Новороссийск, а прямо в Батум, откуда их можно переслать в Сухуми, где уже тогда было отделение Института. В последнем, очень кратком письме этого года от 11 декабря он выражает беспокойство по поводу задержки с присылкой материала абиссинских хлебов от доктора Г. Харлана: «Не послал ли он случайно через Вас и не завалялась ли у Вас эта посылка? Ради Бога, справьтесь, эта посылка для меня самая ценная, что только может прийти из Америки».

Первое письмо Д.Н. Бородина за 1926 год датировано 7 января. По поводу материала Г. Харлана, которого у него не оказалось, он определенно недоволен и даже, кажется, обижен на Н.И. Вавилова за то, что тот сносится

с интересными и нужными ему американскими исследователями напрямую, обойдя его Агентство. Он объясняет все возможные накладки и пропажи пересылаемого материала именно этой несогласованностью действий: «Сильно опасаясь пропажи в СССР или простой конфискации, что случалось не раз, ибо отсылающий не знает совершенно никаких лицензионных правил, установленного веса и т.д. Скажу, что буквально все отправления фирм, включая и каталоги, всецело исчезали в СССР».

Относительно присланных Н.И. Вавиловым «трех комплектов» Трудов института, «кои еще не просмотрел», он позволяет, однако, себе некоторую иронию: «О Вашей громадной, но весьма теоретической работе на благо не сего дня, а человечества здесь хорошо знают, а стремление получить в свою библиотеку эти рассылаемые в мировое пространство блага увеличивается. По-русски здесь по-прежнему знают мало, но Ваши творения увеличивают число желающих поехать и самим привезти в СССР». Очевидно, Д.Н. Бородин предполагает невозможность американских коллег оценить эти Труды в связи с тем, что они на русском языке. Далее информирует о некоторых интересных для Н.И. Вавилова работах: «Есть очень интересные очерки, основанные на археологии инков и их посуды, которая точно воспроизводит целый ряд растений, в частности земляной орех, тыквы, картофель, кукурузу, ока, фасоли и т.д., включая соланум маглии». Последнее весьма любопытно с точки зрения географии и происхождения культурного картофеля, зная, что *Solanum maglia* – дикий чилийский вид и в Андах не встречается. Такие же интересные сведения приводятся о табаке: «Специально для Вас пишу заметку на сей предмет в следующий наш номер».

Для амбициозного Д.Н. Бородина было очень важно стать независимым руководителем, поэтому он в очередной раз просит Н.И. Вавилова о содействии проводить свою собственную линию и самостоятельную работу по обмену семенным и литературным материалом между Россией и Америкой: «Условия с нашей стороны – это валюта... в виде книг и семян из СССР и небольшая валюта в виде долларов при постоянном продвижении и укреплении за нами сельхозимпорта из Америки. Это самое главное, и, если этого Вы при содействии других добьетесь, можете быть уверены, что у Вас будут все эндемики, кои я люблю не меньше Вашего. Я занят, но для этого найду и свое и чужое время и труд, но Вы дайте возможность. Напирайте. Скажите, что нужно. Если в этом году мы не добьемся, нас могут ликвидировать. Формально я состою консультантом-корреспондентом Центросельбанка, сотрудником Наркомзема и простым корреспондентом Научно-технического отдела ВСНХ и Наркомвнutorга. Все эти организации будут пайщиками Сельхозимпорта в Москве. Добивайтесь, чтоб мы были их представителями. Все это жизненно необходимо. Снесите с Арцибашевым, уломайте Максимовича».

Д.Н. Бородин упорно продолжает озадачивать Н.И. Вавилова своими проблемами, связанными, главным образом, с его амбициями. Несмотря на то, что он прекрасно понимал и ценил занятость Н.И. Вавилова на разных

постах, тем не менее, настойчиво просит его заняться серьезно делами Агентства. Однако Н.И. Вавилов, чей круг научных и организационных дел и обязанностей намного превосходил бородинский, в общем-то замкнутый круг коммерческих неувязок, в которые он не расположен был ввязываться, заранее предостерегая Д.Н. Бородину от них, объясняя ему всю бесперспективность его вечной тяжбы между собой и ведущими государственными и коммерческими учреждениями в СССР. К тому времени, худо бедно, но уже вполне сложились определенные взаимосвязи между ними, и не полу-эмигранту Бородину было их нарушать, а тем более ломать. К тому же учреждение Д.Н. Бородину лишь только косвенно соотносилось теперь с институтом Н.И. Вавилова.

Наконец Вавилов получил долгожданную и очень ценную для него посылку с абиссинским материалом и в коротком письме от 23 января Н.И. Вавилов пишет, что «образцы из Абиссинии нами получены. На почте с ними произошла какая-то неприятность, посылка оказалась попорченной, но в общем все мы получили. Пишу об этом Харлану. При случае сообщите ему об этом и Вы. На днях возвращается из экспедиции посланный нашим институтом, профессор Жуковский. О результатах Вам сообщу. Черная морковь Вам послана. За Труды ругаетесь Вы, конечно, зря. Общедоступная шпаргалка типа «Farmers Bulletin» мы тоже начали издавать и на днях вышлем Вам первую коллекцию». И, между прочим, сообщает, что получил 10 экземпляров обзора, изданного Д.Н. Бородиным, которое было распространено. Что касается «ругани», то Н.И. Вавилов, очевидно, имел в виду ту, по сути, бестактность, которую допустил Д.Н. Бородин в отношении сугубо научного характера присланных ему Трудов. Он понимает, что русский язык не является международным языком общения, каким к тому времени уже стал английский, и, конечно же, понял укол Д.Н. Бородину. Поэтому и говорит о «шпаргалках», изданных на английском языке.

Н.И. Вавилов в очередной раз пытается втолковать Д.Н. Бородину бесперспективность борьбы с госаппаратом и о сложившейся не по его вине и по вине ситуации, написав ответное письмо 30 января: «Воевать с Амторгом я, конечно, не могу и вообще не вмешиваюсь в заказы, так как и без того имею дела более чем достаточно. Что касается несогласованности действий Института, то прежде всего я сам большой сторонник прямого обращения, и в этом Вы меня никогда не переубедите. Фактически Вы являетесь представителем Наркомзема «эоипсо» (лат. eo ipso – тем самым), Вы имеете полномочия от всех учреждений РСФСР, Всесоюзный институт также считает Вас своим представителем, но передавать Вам ведение всей нашей работы, не имея возможности передавать Вам на это средства, да и по другим причинам, преимуществ непосредственного обращения мы не можем. Что касается нашей литературы, то Вы ее выясните из отчета, изданного на правах рукописи, который Вам направляю». Судя по письму, взаимоотношения между ними переживают не лучшие времена, и ответ Н.И. Вавилова на все претензии и обращения Д.Н. Бородину по затронутому вопросу вполне обоснован и понятен.

В письме от 16 февраля Д.Н. Бородин продолжает задевшую уже не только Н.И. Вавилова, но и его самого тему: «Не помню, чем я задел Ваши Труды? Помню, что написал под влиянием момента, о котором скажу несколько ниже. Рассеивание Вами колоссального количества энергии весьма здесь оценивается, как вообще оцениваются работы русских ученых в мировом масштабе; в конечном счете здесь возьмут больше у Ваших трудов, чем на родине...Ваши тома - достояние очень немногих, их можно всех перечислить по пальцам, правда учить придется еще долго, но Ваши работы в пределах СССР несомненно недооцениваются. Вся энергия, которую вы рассеиваете, для меня совершенно несомненно идет на будущее или за пределы страны...Если меня спросят о Трудах, то несомненно получат наилучшую рецензию, и другой я дать не в состоянии. Лично я считаю Труды классической работой, действительно достойной всех библиотек. Здесь Труды рвут для каждой библиотеки». Понятно, что Д.Н. Бородин, давая на этот раз очень высокую и во многом верную оценку Трудов вавиловского института, старается реабилитировать себя в глазах Н.И. Вавилова за прежний скороспелый и несколько пренебрежительный отклик на них. Верно подметив, что работа Н.И. Вавилова направлена в будущее и за пределы отдельно взятой страны, он, в общем - то, зря считал, что тот не достаточно оценен в России, хотя будущее покажет, что на какое-то время его исключат из отечественной науки. И, показывая свою искренность и лояльность не только по отношению к Н.И. Вавилову, но и делу, которому тот полностью отдается, информирует относительно русской экспедиции в Центральную и Южную Америку и о готовности оказывать ей всестороннюю поддержку: «Только что имею телеграмму от Букасова. Вижу, что ему трудно и нужен помощник. Не вполне уверен, могу ли дать ему такового. Но по крайней мере приму все меры, чтобы помочь ему в этом направлении. Он остается в Мексике на две недели и двигается на юг. Вижу, что они едут со значительным опозданием».

В следующем письме от 20 февраля пишет: «Ваше письмо от 30 января я только что получил и благодарю за разъяснение о структуре ИПБИНК (ВИПБ и НК) и его отделов. Оно объясняет, однако, структуру, а не действия, как по-прежнему довольно не координированные, и царит российский туман». Особенно его возмущает «Отчет о деятельности»...и в частности главы Вашего заведующего отделом интродукции и информации произвело на нас самое тяжелое впечатление. На стр. 93, 94, 95 Ваш сотрудник рассыпается в любезностях...за работу, выполненную даром и с большим напряжением сил для ИПБИНК! Мои сотрудники страшно возмущены подобным ложным освещением, и я принужден приступить, с одной стороны, к формальному требованию возмещения расходов за выполненную работу, за которую Агентство получило столь российскую медвежью благодарность, а кроме того, требую точного освещения факта и соответствующего расследования, и установления истины. Придется прибегнуть к печати и огласке. Чтобы не осложнять дела очень Вас прошу потребовать от Вашего сотрудника разъяснения о мотивах, заставивших его

столь оригинальным способом осветить факты и отблагодарить Агентство. Кому выгодно замалчивание деятельности Агентства?». Из данного текста трудно понять, какова причина недовольства Д.Н. Бородина и его помощников, не зная тех формулировок относительно деятельности его учреждения, содержащихся в упомянутом Отчете. Однако оценка деятельности А.К. Коля на посту заведующего Отделом интродукции самим Н.И. Вавиловым к тому времени была достаточно негативной, что было отражено в одном из писем Д.Н. Бородину (5 ноября 1925 г.). В дальнейшем, как известно, А.К. Коль выступит с публичным осуждением интродукционной работы Института и лично экспедиционной деятельности Н.И. Вавилова, докатившись потом до прямых доносов на него в НКВД.

В письме от 4 марта Д.Н. Бородин продолжает информировать Н.И. Вавилова о ходе экспедиции: «Получил письмо от С.М. Букасова из Мексики с сообщением, что до 15 марта они предполагают быть в Мексике, а затем выедут в Гавану, Венесуэлу и затем в Колумбию». Он продолжает жаловаться на катастрофическую нехватку денег и просит оказать содействие в этом вопросе. Зная, что Н.И. Вавилов собирается в страны Средиземноморья для проведения очередной экспедиции, желает ему успеха.

В ответном письме от 24 марта Н.И. Вавилов лишь мельком сообщает о намечающейся экспедиции. Основное внимание он уделяет предстоящему Съезду в США: «На Съезд в Америку поедет от нас только Максимов... Таланов, по-видимому, в нынешнем году не поедет из-за «режима экономии». Я сам в сто раз более интересуюсь Индией и Сев. Африкой, но кажется по тем же причинам, что и у Таланова, не удастся выехать. Если не удастся, поеду изучать Сибирь и Дальний Восток». Тем самым давая понять Д.Н. Бородину, что с финансовыми средствами и у самого Н.И. Вавилова не совсем все так, как ему хотелось бы, и сообщает о своих научных литературных делах: «Понемногу приступаю к составлению полевых культур СССР. Книгу свою о центрах происхождения закончил; пошлю Вам для критики экземпляр. Кстати она переведена целиком на английский язык. Труд сей отнял немало времени. Буду ждать Вашей суровой критики. Любопытно, как его встретят в Америке». Экспедиционная деятельность для Н.И. Вавилова исключительно важна, поэтому он не упускает случая известить об уже состоявшихся и еще проходящих экспедициях: «Жуковский провел чрезвычайно удачно экспедицию (в Малую Азию). Материалы уже начали поступать и высеяны в нынешнем году на Северо-Кавказском отделении. От Букасова идет огромный материал. Жду не дождусь, когда он наконец доедет до Перу и Чили, ибо сортовой материал из этих отраслей интересует нас больше всего». Пытается немного успокоить Д.Н. Бородину по поводу денег: «В Наркомземе я спрашивал о задержке с высылкой Вам финансов, но это обычная история, в особенности ввиду того, что теперь ассигнования идут по кварталам и обычно задержка на полтора месяца».

В письме от 20 мая Д.Н. Бородин продолжает беспокоиться: «Интересно, каковы планы НКЗ по части Агентства. Мы получаем свою 1000 в месяц и могли бы сидеть спокойно, но не привыкли сидеть на одном месте

и хотим быть ближе к жизни, ибо другие забьют. Пока что я всегда слышу предложения не делать того или другого, но редко поощрение делать что-либо». В письме от 3 июня: «Положение Агентства совершенно не нормальное. Обслуживать приходится весь СССР за счет Наркомзема и работать фактически приходится единолично лишь с двумя техническими помощниками. Думаю, что в ближайшем будущем смогу дать более определенные данные об Агентстве и о том, какие перспективы я предвижу». Возможно, Д.Н. Бородин уже предчувствует скорое закрытие своей организации. В этом письме он очень сожалеет, что Н.И. Вавилова не будет на Съезде: «Мы сильно на Вас, признаться, надеялись не столько из своих «корыстных» целей, сколько из цели более детального освещения положения и лучшего использования нашего наличия, чем это в настоящее время делает Наркомзем». И одновременно представляет определенные счета к вавиловскому институту: «Мы истратили сотни долларов на выполнение поручений Института прикладной ботаники и новых культур, а средства мистером Кодем были переведены Амторгу и лишь небольшая сумма по нашему адресу. Попытки отправить семена грузом не увенчались успехом. Пришлось посылать посылками, что страшно дорого и сильно легло на бюджет Агентства».

Как обычно особенно его «достают» заказы на семена В.В. Таланова. Явно беспокоит и возможный его приезд на Съезд. Между ними давняя заочная «несовместимость» на расстоянии, которая грозит усугубиться при очной встрече: «Теперь вот о чем: едет Таланов. Если вы считаете, что интродукция – наше дело и он будет также этим заниматься, настаивайте, чтобы он базировался на нас – это ведь логическое продолжение нашей работы, так же как дело Букасова в Ю. Америке. Оба эти шага сделаны без нас, и ощущение «недооценки» у нас острое...». И приписка к письму от 4 июня: «От кого едет Таланов? И кем поддерживается материально? Опасаюсь, что Ваш Выбор неудачен в этом случае в смысле отношений здесь. Я лично предпочел бы кого-либо другого. Лучше приезжайте Вы сами. Для Вас картина будет ясна. Сколько у Вас не хватает долларов?».

Д.Н. Бородин, кажется, окончательно зарылся в своих противостояниях и противоборствах, диктуя Н.И. Вавилову, кого следует посылать на Съезд, а кого не следует. В.В. Таланов, формально состоя тогда в штате ВИПБ и НК, был слишком крупной и самостоятельной фигурой в сельскохозяйственной науке, чтобы самому распорядиться собой. Между ним и Н.И. Вавиловым не было каких-либо серьезных противоречий, и Н.И. Вавилов в одно время даже прочил его на свое директорское место и видел, по крайней мере, в качестве наиболее достойного своего заместителя. Так что тут позиция Д.Н. Бородина явно не самая выигрышная и достойная, тем более что Н. И. Вавилов в одном из своих писем лично просил Д.Н. Бородина оказать всяческое содействие В.В. Таланову во время его пребывания в Америке: «Направляем к Вам Виктора Викторовича Таланова и просим всемерного содействия с Вашей стороны в его путешествиях по Соединенным Штатам и Канаде. Вы, как никто знаете Америку и, помнится, за Вами еще остается долг: «Полевые

культуры Соединенных Штатов». Так вот, помогите Виктору Викторовичу познакомиться с полевыми культурами».

Для вящей характеристики Д.Н. Бородина как очень неоднозначной личности можно сослаться на письмо А.И. Брумана, российского эмигранта в США, специалиста по защите растений, направленное Н.И. Вавилову 10 июня: «Я вынужден обратиться к Вам с небольшой просьбой или скорее жалобой, касающейся Вашего представителя в Нью - Йорке г. Бородина». Суть жалобы в том, что он послал для «Обозрения» небольшую статью «Защита США от иностранных вредителей растений» с фотографиями. Д.Н. Бородин же, обещая в скором времени ее напечатать, не только этого не сделал, но и не вернул затребованный обратно материал: «Будьте добры, если можете, напишите Бородину и попросите его объяснить Вам в чем дело. Мне советовали обратиться к Вам и говорили, что Бородину вообще нельзя доверять». Это, видимо, лишь незначительный эпизод стиля поведения Д.Н. Бородина дополняется и рядом других более значимых в смысле непорядочности некоторых его поступков, о чем можно узнать и из его переписки с Н.И. Вавиловым, в частности из письма того от 22 августа 1927 г.: «Тут Вас и хвалят и ругают; больше правда ругают, и первое дело с которым я столкнулся: берлинские долги Ваши Фриндландеру. Припутали мое имя. Так как на бланках 1923 г. стояло и мое имя. Инцидент не весьма приятный».

Еще в письме от 18 мая Н.И. Вавилов предупреждал Д.Н. Бородину о недовольстве в Москве его деятельностью: «Я хлопотал в НКЗ за Вас. Результат мне не вполне ясен, но считаю необходимым довести до Вашего сведения, что в НКЗ полной удовлетворенности во взятом Вами направлении работы нет. Опытный отдел в лице С.К. Чаянова сетует на то, что он не получает никаких материалов по опытному делу Соединенных Штатов. Журнал Ваш не удовлетворяет их своим содержанием. Стоите Вы, по нашему масштабу, для них дорого. Это обстоятельство Вы учтите. Я выдвигал и выдвигаю постоянно то, что Вас заменить очень трудно, и что Вами сделана в свое время большая работа по интродукции сортового материала. Хлопотать здесь чрезвычайно трудно». О своей экспедиции пишет: «Моя поездка в Средиземье все время задерживается, в настоящее время из-за отсутствия виз. Если поеду, то в самом скромном виде для ориентировки». Очень одобрительно отзываясь о южно-американской экспедиции: «Букасов шлет огромный материал. Получено уже около 4 тысяч образцов, огромная литература и уже в настоящее время экспедиция сделала огромное дело». Подтверждает, что на Съезде быть не собирается, «от нас будет Максимов и Таланов». А в заключение: «На днях издадим Карту земледелия СССР, которую Вам пошлем в нескольких экземплярах. Это большое практическое дело, которое выполнено Институтом и которое, надеюсь, и Вы одобрите».

Последнее письмо Д.Н. Бородину за 1926 год датировано 5 августа накануне открытия Съезда. Он упоминает несколько русских визитеров, в частности Н.А. Максимова с женой, которые жили у него неделю.

Относительно других пишет: «По сведениям из Москвы ни Тулайкова, ни Таланова не будет здесь «за отсутствием валюты». Таланову, по правде говоря, здесь делать очень немного и ехать незачем, а то, что Тулайков не будет – досадно. Еще хуже, что Ваша милость отсутствует». Далее Д.Н. Бородин переходит к самому злободневному: «Из Москвы сведения о постоянных сокращениях, причем сокращаются, видимо, в голову неугодные и «не свои». В числе таковых, по-видимому, числимся и мы. Неофициальные сведения таковы, что нас «сокращают в порядке экономии» с передачей дел Амторгу... Это наша наиболее злободневная новость, о которой я пока никому здесь не говорил, но уже уволил служащих и ликвидировал контракт на помещение, чтобы лишь отчасти рассчитаться с долгами. Лично я уже давно не получаю содержания. Вероятнее всего с Наркомземом придется расстаться и искать дело и заработка».

Переходя к экспедиционным делам, пишет: «Вы, наверное, уже знаете, что здесь теперь один из членов Южной американской экспедиции – В.Р. Живаго. Через две недели он уезжает в Москву. С. Букасов уехал и уже в Москве. Там же Боссе. Ю.Н. Воронов в Колумбии с Юзепчуком думают спуститься по одному из притоков Амазонки, перевалив через хребты, разделяющие бассейн этой реки от р. Магдалены. Путь очень трудный, и Живаго серьезно опасается за силы, здоровье и даже жизнь Воронова. Я лично с удовольствием сам куда-нибудь поехал, например на Юг Америки, где Перу и Чили остались не обследованными, также как и Аргентина, Бразилия и Боливия. Резинотрест со мной поддерживает хорошие отношения, и я их очень ценю, и если получу хорошее предложение, то его приму, вместо того, чтобы сидеть без вознаграждения по полгода и грязнуть в долгах, не получая ни оценки, ни поддержки». В заключение он уже, похоже, последний раз обращается к Н.И. Вавилову за поддержкой: «Если Вы по-прежнему цените наши знания и энергию, а главное инициативу, то пишите кому надо в Москву и действуйте, если есть охота, а то будет поздно и от нашей организации останется пустое место, а мои сотрудники никуда без меня не поедут. Не слишком остроумно было начинать сначала и порвать связи».

Глава 5. Прекращение деятельности Д.Н. Бородина (переписка 1927-1933 гг.)

5 мая. 1927 г. Д.Н. Бородин пишет Н.И. Вавилову: «От Вас почти около года не было писем, а мои благополучно возвращались, претерпев штемпелевание во всех портах Средиземноморья. Знаю, что Вы получили визу в Абиссинию, нашли ее родиной твердых пшениц и совершили караванный путь, доставив изрядное количество материала. Сообщают, что вы едете в Испанию, и обратно в Питере будете в июне». Это письмо послано на адрес в Рим, где в то время должен был находиться Н.И. Вавилов. Д.Н. Бородин не поспевает за передвижениями Н.И. Вавилова, но пытается поддерживать с ним контакт, действуя порой наугад. Далее он информирует его о предстоящих съездах в США: почвоведов и растениеводов, для участия

в которых были приглашены и советские ученые. Особенно представительная делегация ожидалась от почвоведов: «Официальных делегатов здешние фирмы, торгующие удобрениями, провезут по круговому билету даром по всей стране... Таким образом Америка на свой счет берет провезти около 20 человек, что стоит 6000 долларов». Д.Н. Бородин и сам собирается присоединиться к этой поездке вместе с делегатами из СССР. Что касается Съезда растениеводов в Итаке И.Н. Вавилову сообщается следующее: «Доклады русских делегатов будут напечатаны без сокращений. Мой доклад о русских культурах в Америке уложился в 40 страниц. Он самый большой доклад. Второй по вопросу об интродукции короткий».

Затем переходит к главной теме: «Теперь вот о чем. Совершенно серьезно предлагаю Вам свою помощь и услуги для немедленной или же не немедленной поездки в Перу, Боливию и Эквадор, которые оказались необследованными Ю.Американской экспедицией». Приводит подробный маршрут предлагаемой экспедиции с охватом также Панамы, Уругвая, Аргентины, Бразилии, Чили, Тринидада, Кубы. «Зная, что Вы не оставите высокогорья Ю. Америки в покое, прошу иметь в виду это мое предложение. Семенных образцов гарантирую прислать в больших количествах и написать отчет. Доходной статьи из этой поездки я делать не собираюсь и пришлю стоимость проезда». Финансовый вопрос Д.Н. Бородин надеется решить самостоятельно: «Средства у меня в небольшом количестве свои и те, что я недополучил из Наркомзема РСФСР, а недополучил я много. Надеюсь на помощь таких организаций как Хлопком, Сахартрест, Табачный Синдикат, Льноцентр, есть шансы получить немного от Наркомзема Украины. Сообразите не может ли что-либо дать и ИПБ и НК, хотя он так распух в смысле штатов, что наверное, неохотно будет уступать на сторону. С Вашим отъездом Коль и Арцыбашев перевели всю работу на Амторг, и я не выполняю поручений Института и не состою в переписке. Институт мне по-прежнему должен, но я признаться, мало надеюсь на получение денег».

Но самое главное он припас на конец: «Скажу Вам больше, с чего следовало собственно начать. С 6 апреля сего года, я не являюсь более представителем Наркомзема РСФСР, и на мое место в качестве представителя, но подчиненного Амторгу, приехал еще в марте т. Миртов – бывший красный ректор Межевого института. 6-го я сдал ему дела и остался не удел. Связь у меня сохранилась с Украинским НКЗ. Я получил неполный расчет по 1 октября 1926 г., по каковое число мне Наркомзем должен около 2000 долларов, из них 1007 долларов по поездкам, кои оплачены мною лично пока что. С 1 октября по день ликвидации мы ничего не получили, и вот об этих-то деньгах я и говорю, как о подлежащих получению с Наркомзема». Возвращаясь к теме экспедиции: «Относительно срока или времени поездки думаю, что это будет от трех до пяти месяцев не более. Круговая поездка одна займет около месяца пароходом, остальное время будет движение по суше. Литературу я просмотрел, но надо знать, что достал Букасов, и что он пропустил».

Ответ Н.И. Вавилова пришел в письме от 22 августа, когда он вернулся из Средиземноморской экспедиции: «Я вернулся из 15-месячной поездки. Средиземье и Восточная Африка кончены. Поездка была удачна, многое поняли, многим овладели. Не все еще пришло, но, во всяком случае, дело сделано. Заканчивает Малую Азию проф. Жуковский. В Перу заканчивает свои работы Юзепчук, который прислал интереснейший материал. Пытаемся направить его в Чили. Работник он превосходный, и поездка его дает нам ценнейший материал. Поездкой Букасова чрезвычайно доволен, им собран огромный материал, и вообще Америкой начинаем понемногу овладевать». Отвечая на желание Д.Н. Бородина самому поучаствовать в экспедиции по Южной Америке, пишет: «Послать Вас трудно: человек Вы дорогой и слишком занятой, мы же привыкли проводить экспедиции на гроши: вся поездка в Абиссинию от силы 4000 руб. с дорогой, со всем. Если будет возможность года через 2-3 попасть самому в Перу, буду чрезвычайно рад, но пока об Южной Америке не думаем. Все наши помыслы направлены на Индию и Китай, но по нынешним обстоятельствам это не так просто».

Далее следуют уже вышеприведенные, мало утешительные для Д.Н. Бородина сведения об оценке его деятельности в Наркомземе. Не слишком раздувая этот неприятный для обоих вопрос, переходит к более позитивным вещам: «Дела в Институте, идут с одной стороны, хорошо: развернулась большая работа, понемногу овладеваем земным шаром. Прекрасно работает Отдел физиологии, генетики, технологии; разворачивается работа по огородничеству, плодоводству. Но организационные формы еще не выкристаллизовались, слишком велико учреждение, трудно справляться и приходится подумать об удержании учреждения в рамках». У Н.И. Вавилова в это время возникли свои трудности по управлению Институтом, заставившие его даже просить об отставке с директорского поста. Его, в частности, совершенно не устраивал амбициозный Д.Д. Арцибашев в качестве своего заместителя, он настоял на назначении на это место В.В. Таланова, который возглавил также московское Бюро и представительство Института в столице. Письмо завершается вполне благожелательно для Д.Н. Бородина: «Рассказывал о Вас проф. Максимов; очень он Вас здесь поддерживал, и вообще мы Ваши доброжелатели, но Вы нас забыли: ни одной брошюры. Я загружен письмами, литературой, скопившимися за полтора года моего отсутствия, директорством по двум учреждениям и проч., и проч., поэтому не ругайтесь, если не аккуратен. По-американски работать еще не научились».

И последнее совсем краткое письмо написано Н.И. Вавиловым 28 ноября А.Ф. Бухгольцу: «Дорогой Александр Федорович! Видел оглавление Вашего доклада. Посылаю Вам дополнительно несколько новых работ. Мы продолжаем работать, и по части понимания мира дело обстоит как будто неплохо. Закончилась экспедиция в Перу; другая направилась в Индию. Я только закончил Абиссинию и все Средиземье. Масса материала, года на три разбирать. Что будет нового, близкого к нам, сообщайте. Нам очень хочется Вас привлечь к себе». Н.И. Вавилову явно симпатичен этот молодой русский

американец, которого он все это время не упускает из вида, рассчитывая, вероятно, сотрудничать с ним после ухода Д.Н. Бородина, дела которого окончательно расстроились.

О том, что произошло с Агентством во время долгосрочного экспедиционного отсутствия Н.И. Вавилова можно понять из письма Д.Н. Бородина от 13 сентября: «Был рад получить от Вас письмо после почти годичного перерыва в корреспонденции». Далее он пишет, что «расчет от НКЗ в смысле денег я получил только 6 апреля 1927 года и варился в собственном соку все это время». На место Д.Н. Бородина был прислан представитель НКЗ, подчиненный Амторгу. Учреждение стало называться Русским Бюро сельскохозяйственной информации (Russian Bureau of Agricultural Information) и превратилось, по мнению Д.Н. Бородина, в образование «временного характера мало деятельное, судя потому, что там почти всегда пусто». Расчет с ним был произведен не полный: «Так как мне нужно кое с кем рассчитаться, я остаюсь пока в том же здании и на бумаге числюсь как ликвидирующийся».

Д.Н. Бородин теперь всерьез увлекся масштабным характером вавиловских экспедиций и хотел бы к ним присоединиться, особенно к проходившей в то время экспедиции по Южной Америке. Он явно разочарован ответом Н.И. Вавилова: «Называть меня «дорогим» подождите до сравнения расходов по южно-американской экспедиции с моими и своими. С Азией и Африкой в смысле дешевизны мы, конечно, конкурировать не можем, но Южной Америкой смогли бы. Я далеко не уверен в том, исчерпает ли Юзепчук Перу и прочие места по сухим нагорьям и если нет, то я буду там с Вами или один. По части занятости Вы напрасно. Если бы я получил от Вас хотя бы из Рима поощрение, а еще лучше после Вашего отъезда из России, примерно в октябре 1926 года, я немедленно бы поехал».

Это, что называется, выдавать желаемое за действительное. К нему неоднократно обращались за помощью во время проведения экспедиции С.М. Букасова, но Д.Н. Бородин затруднялся чем-то помочь ее участникам, а тем более принять личное участие в ней. Но, именно теперь он воспылил желанием к путешествиям, осознав сколь много можно из них извлечь: «Если мне найти кого-либо в Москве для взыскания всего того, что нам должны русские организации и тот же самый Наркомзем, мы смело могли бы снарядить вторую экспедицию в Ю. Америку и Индию. Не найдете ли кого? Горбунов не подойдет? Посоветуйте». Очевидно, Д.Н. Бородин теперь уже пытается переключиться на ведение тех работ, которые особенно интересуют Н.И. Вавилова, все еще не теряет надежды сохранить и поддерживать связь с ним: «Знайте: по - прежнему остается потенциальная возможность связи, если она Вас устраивает. Знайте также, что у меня нет для пересылки никаких абсолютно средств и я, подрабатывая отнюдь не по специальности, плачу наркомземовские долги и расхлебываю колевскую и арцибашевскую неразбериху, в которой никто не хочет разобраться». Однако это ему не мешает покритиковать вавиловский институт, лишней раз показав, что

владеет информацией, о том, что творится в нем: «Ваше учреждение при наличии классических работ стало, судя по отзывам, чересчур объемистым, с уклоном к академизму и даже, говорят, с бюрократической стороной по современному масштабу».

Будучи уже не у дел, Д.Н. Бородин, тем не менее, продолжает оказывать помощь и услуги русским ученым-визитерам в США: «Здесь сейчас Г.К. Мейстер. Приехал прямо к нам, но, по-видимому, случайно, по рассеянности, но очень доволен, ибо он без языка... Я составил ему подробный маршрут в основных чертах и в Вашингтоне он подвергся очень небольшим дополнениям». Он также информирует Н.И. Вавилова об основных новых направлениях в сельскохозяйственной науке США и Канады. Д.Н. Бородин, продолжая следить за научной жизнью на североамериканском континенте, не упускает возможности побывать на научных форумах: «Я писал Вам уже, что съездил с трансатлантической экскурсией Конгресса по почвоведению и очень доволен был возможностью провести пару недель в обществе русских профессоров и прислушаться к их идеологии».

Произошла у него и весьма знаменательная встреча со столь нелюбимым им В.В. Талановым, с которым никак не складывались прежде заочные взаимоотношения. При очном контакте отношения, хотя и запоздало, вроде бы стали налаживаться: «На проводах К.Д. Глинки на вокзале в Вашингтоне наткнулся на В.В. Таланова, с которым я только раз виделся еще в Синельникове. Говорил с ним целый час (пропустил поезд)... В его распоряжение передал все семена, кои задержал Амторг своим отказом выдать лицензионное разрешение, несмотря на наличие лицензий из Москвы. Старая история. Где он сейчас, я не знаю, но постараюсь повидать перед отъездом. Он очень хотел получить от меня семена, по возможности деньги, но отказывался урегулировать финансовую канитель колевско-арцибашевскую. Она неприемлема для него лишь в порядке информационном».

Далее, не без горечи, сообщает Вавилону, что «...представитель Института прикладной ботаники и новых культур мистер Джекоб (Яков) Пинкус в Амторге получает порядочное количество семян из России и может сделать то, что я и моя организация не могла сделать столько лет – отблагодарить американцев за их любезность. Это самое для меня неприятное, ибо я должен был сделать. Тот же Пинкус фактически делает всю работу за Russian of Agricultural Information и его заведующего, что еще более дает ему козырей в руки и возможность в выгодном свете оттенить работу новой организации в кооперации».

Далее не без горечи сообщает Н.И. Вавилону: «Представитель Института прикладной ботаники и новых культур мистер Джекоб (Яков) Пинкус в Амторге получает порядочное количество семян из России и может сделать то, что я и моя организация не могла сделать столько лет – отблагодарить американцев за их любезность. Это самое для меня неприятное, ибо я должен был сделать. Тот же Пинкус фактически делает

всю работу за Russian of Agricultural Information и его заведующего, что еще более дает ему козырей в руки и возможность в выгодном свете оттенить работу новой организации в кооперации», Завершает письмо Д.Н. Бородин с явным укором в адрес Н.И. Вавилова: «Так что, дорогой Николай Иванович, в Ваше годичное отсутствие при отсутствии поддержки умывающего руки «Максимовича», мы разгромлены, ликвидированы и т.д., не сетуйте поэтому – я работаю не по своей части ради заработка и опасаясь, что придется уйти на американскую службу и принять гражданство, если это будет так. Не встретив Вас в Калифорнии, я уже давно имел бы те же возможности, что и Шаповалов». М.О. Шаповалов, переписывавшийся с Н.И. Вавиловым, действительно неплохо устроился на американской службе в Департаменте земледелия США.

Под «Максимовичем» тут явно имеется в виду Н.М. Тулайков, посещавший США и пользовавшийся услугами Д.Н. Бородина. На его покровительство тот очень рассчитывал. Некоторые шаги по защите Д.Н. Бородина предпринимались имевшим определенным вес в руководстве Наркомзема Н.М. Тулайковым, совместно с Н.И. Вавиловым, однако времена и обстановка в той сфере менялись, не менялись лишь амбициозные планы и претензии самого Д.Н. Бородина. Отстаивать его становилось все труднее, да и бесперспективно. Что касается представителя Амторга Я. Пинкуса, то он действительно представлял интересы многих организаций как в Америке, так и России по обмену научной информацией и семенным материалом. Часто пользовался его услугами и Н.И. Вавилов. На протяжении ряда лет между ними велась деловая переписка.

Д.Н. Бородин старается продолжать быть полезным Н.И. Вавилову, хочет сохранить с ним связь и переписку. В письме от 12 мая 1928 г. Д.Н. Бородин пишет: «Получаем Ваши «Труды по прикладной ботанике» и благодарим за них. Почему-то ничего нет о Вашей экспедиции в Абиссинию. Если будете печатать на сей счет, пожалуйста, пришлите. Нас спрашивали не раз и до сих пор интересуются». Относительно деятельности оставленного им учреждения пишет: «Среди здешних совучреждений происходят сдвиги, которые могут повести к открытию более широких возможностей работы с СССР. Ушли некоторые лица, которые не только тормозили мою работу, но делали ее совершенно невозможной под конец, искусственно вызывая конфликт за конфликтом. С уходом этих нескольких лиц атмосфера определенно разряжается! Организация Миртова – Информационное бюро, кажется приближается к ликвидации. В нашем здании их нет, и были слухи о слиянии их с Амторгом, но сейчас не могу сказать, осуществится ли этот план или нет».

В связи с упоминанием имени и организации Миртова нельзя обойти вниманием его письмо Н.И. Вавилову от 7 февраля. В нем кроме просьбы выслать по заказу Департамента земледелия семена низкорослой конопли есть и такие строки: «Пользуюсь случаем, чтобы просить Вас прекратить посылку бывшему заведующему Бюро сельскохозяйственной информации граж. Бородину литературы и прочего. На днях я своими глазами видел пачку

литературы на его имя из Вашего Института. Граж. Бородин никакой связи с СССР уже не имеет, однако еще продолжает самозванно именовать себя директором Russian Agricultural Agency. Я считаю долгом уведомить вас, что Наркомзем РСФСР еще в апреле 1927 г. издал циркуляр, предписывающий всем учреждениям прекратить с ним всякую связь. Граж. Бородин оказался весьма недобросовестной и подленькой личностью. Он присвоил себе казенные деньги, не отчитался по многим учреждениям, с которыми он имел связь и поставил себе задачей пакостить советским учреждениям». В заключение И. Миртов призывает Н.И. Вавилова иметь дело по заказам семян только с ним, минуя Амторг: «Я работаю в полном контакте с Амторгом, но независимо от него. Я говорю об этом потому, что в Амторге мне не раз говорили, что Ваши поручения не имеют коммерческого характера, что они только отрывают амторговских работников от прямых обязанностей и что было бы гораздо лучше для Вашего Института все Ваши дела через меня».

Из этого письма можно себе представить, какие отношения были у Д.Н. Бородина с другими советскими, и не только советскими, организациями и их людьми, которых он рассматривал как конкурентов и помехой своей деятельности. В частности он не смог предусмотреть, а может и не хотел, той опасности, которая таилась в нарождающейся командно-административной системе новой советской бюрократии, продолжал рассчитывать на личные связи, знакомства и свой авантюрный характер. Отсюда и следующее излияние: «Казалось бы что по некоторым признакам можно было бы опять работать, но, признаться, я настолько устал от постоянной борьбы и неприятностей, которые занимали много времени и энергии, что мало охоты снова бороться, не имея полной уверенности в настроениях в СССР к нам».

Тем не менее желание и надежда на продолжении своей деятельности у Д.Н. Бородина остается, и несмотря на трудности и конкуренцию он продолжает свою работу как бы по инерции, оказывая Н.И. Вавилу посильную информационную поддержку: «По части запросов на разные научные темы я могу сказать, что их не меньше, чем в прошлом году, и американские научные учреждения также нас продолжают бомбардировать запросами и проч. Посылаем все, что можем, из литературы, просто из вежливости и по старой памяти. Личный контакт с американцами у меня ни на минуту не порвался, и связи и отношения прекрасные. Посылают же они мне столько, что у меня контора постепенно превращается в склад». Интересен тот факт, что Д.Н. Бородин по-прежнему занимает арендованное им ранее служебное помещение и имеет какие-то средства на его содержание. При этом он не считает себя должником, присвоившим «казенные деньги», а сам готов вести тяжбу с советскими учреждениями: «Главным препятствием к желанию продолжать работу на СССР, по-видимому, служит отношение Наркомзема РСФСР и расчеты по своим обязательствам нам. Сокращение задним числом и непризнание долга не есть разрешение вопроса. Я лично и мои служащие не берут обратно наших

претензий по отношению к Наркомзему, и эти претензии зафиксированы нотариально здесь, в Америке. Вполне ясно, что наша настойчивость и требование уплаты долга непривычны и неприятны. Возможно, что эта настойчивость не способствует нашему с Наркомземом РСФСР сближению, но предвидя эту возможность, исключаящую перспективу работы с ними, я постепенно прочно и определенно перехожу на американскую работу в своей научной области». Д.Н. Бородин после нескольких лет в общем-то не бесплодной, но очень беспокойной и не легкой работы на Россию, решает целиком и полностью заняться научной работой и, фактически, обратиться к той деятельности, к которой Н.И. Вавилов его все время призывал в эти годы: «В общем, продолжаю свою науку. Есть предложение поступить на государственную американскую службу, но по некоторым причинам воздерживаюсь, пока что. Буду рад, если пришлете свою фотографию, особенно из Абиссинии».

Из письма от 19 сентября можно сделать вывод, что Д.Н. Бородин действительно возобновил свою научную работу, обращаясь к Н.И. Вавилову с просьбой: «Не можете ли Вы распорядиться прислать на мой личный адрес небольшие образцы проса в возможно большем разнообразии для опытов по резистентности к поражению кукурузным или просяным мотыльком». Стоило ему опять заняться научными опытами, как потребовалось то самое растительное разнообразие, которым он нередко попрекал Н.И. Вавилова. Сейчас его также, как и Н.И. Вавилова, интересуют семена, в частности конопля и дикого хмеля. Пишет он также о том, что его связи с СССР постепенно ликвидируются «при содействии друзей»: «Я ухожу снова по линии науки, но уже в американских сферах. Был только что в Итаке на съезде и читал там доклад». В Итаке в это время проходил Международный энтомологический конгресс. Д.Н. Бородин интересуется и личными делами Н.И. Вавилова: «Надеюсь, что Вы благополучны и Ваша кандидатура в академики продвигается и имеет поддержку там, где нужно». И в заключение дает понять, что его положение остается неустойчивым: «Пишите пока что по старому адресу, но прямо на мое имя, не упоминая никаких учреждений. Это важно, а то каша большая. Ваши труды получаю исправно». Видно, что письмо, жесткие наставления и рекомендации И. Миртова в отношении Д.Н. Бородина не повлияли на деловые отношения Н.И. Вавилова с ним. Поэтому Н.И. Вавилов продолжает посылать ему не только Труды института, но есть данные, что 15 ноября им было сделано распоряжение Отделу интродукции подобрать материал, и 28 ноября семена были отправлены в США лично Д.Н. Бородину. Н.И. Вавилов не забывает и, видимо, ценит прежние его заслуги, хотя за 1928 год нет никаких опубликованных вавиловских писем Д.Н. Бородину, если они вообще были.

Сам же Д.Н. Бородин продолжает писать ему, предполагая, что Н.И. Вавилов не пишет ему в связи с большой загруженностью, и не далек от истины. Так в письме от 24 октября: «Давно от Вас ничего не имел, но не претендую, так как знаю, что быть во главе двух учреждений и доставать для них средства – берет чересчур много времени».

Н.И. Вавилов в тот период действительно возглавлял два института: новый Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур и Государственный институт опытной агрономии (ГИОА), который продолжал еще существовать. Есть у него, однако, и особая, частная просьба к Н.И. Вавилову: «Сейчас пишу Вам по одному вопросу, который меня занимает. Окончательно выяснилось, что работать с Россией и для России не буду в состоянии, а потому перехожу на американский курс, по-видимому надолго». Будучи энтомологом по образованию и специальности он очень заинтересовался генетикой. И это не удивительно, зная, какие открытия и перспективы открывались тогда перед этой еще молодой, но бурно развивающейся наукой. Тем более, что в Америке работали такие ее выдающиеся представители как Т. Морган и Э. Ист. Д.Н. Бородин хочет устроиться на работу к кому-то и них, заручившись рекомендацией Н.И. Вавилова как уже достаточно известного в международных научных кругах ученого, в том числе и в области генетических исследований. Свое участие в этой работе Д.Н. Бородин определяет так: «Меня интересует любое амплуа в связи с работой по генетике, но особенно полезным для американских генетиков я мог бы быть главным образом в качестве советчика и толмача русской биологической литературы, которую почти совершенно не знают, несмотря на наличие английских рефератов». Определенную пользу он мог принести и советским ученым в знании английского языка, что уже и делал неоднократно во время различных их визитов в США.

Интересна в этом отношении приписка к письму от 12 мая: «Приехал коллега Добржанский. Туговато идет дело с английским. Останется на второй год. Вижу с ним иногда; имели несколько интересных бесед». Ф.Г. Добржанский, как известно, оставшись в Америке, стал впоследствии известным генетиком, членом Национальной Академии наук США, профессором ряда университетов. Беседы с ним еще в самом начале его пребывания в Америке, вероятно, также способствовали пробуждению большого интереса Д.Н. Бородина к генетике.

На это письмо Д.Н. Бородин Н.И. Вавилов ответил только 29 апреля 1929 года, в частности по поводу просьбы дать ему рекомендацию: «Прежде всего относительно Ваших поручений. Рекомендацию не писал, просто думая, что она не имеет никакого значения для Вас, ибо вы сами можете дать кому угодно рекомендацию, зная всех и все, и можете сами великолепно ко всем непосредственно обращаться. Мое значение Вы, несомненно, преувеличиваете, в особенности за границей. Мы только начинаем работать, и люди скромные. У Морганя работает уже Добржанский, ассистент Филипченко, туда же едет Карпеченко. Вообще сколько мне известно, Морган довольно замкнут. В биологической литературе он прекрасно информирован, так как связан со всеми генетиками мира. Думаю Вы сгоряча захотели у него работать. Сам он уже старик. Если идти к нему работать, то надо все остальное оставить. Ист, насколько я его знаю, человек очень угрюмый, мальтузианец, прекрасный, конечно, ученый. Знаю я его очень мало, видел его в жизни полчаса и того меньше. Словом я подивился Вашей

просьбе о рекомендации, ибо обычно приходится наоборот за таковыми обращаться к Вам. Словом, не писал Вам рекомендации, да и по совести говоря и откровенно, у меня не было уверенности в том, что Вы действительно сможете да и захотите отойти от всего и уйти нацело в узкую научную работу монастырского типа. Лаборатории Моргана и Иста – это монастыри, и идти туда нужно монашески настроенным. До сих пор, по моему, у Вас монашеского настроения не было, и оно не очень свойственно Вашей натуре. Если же паче чаяния, оно снизойдет на Вас, то Вы и без всяких наших рекомендаций будете приняты иноком в любую обитель. Смущать же монастыри не монахам не стоит, иначе монастыри выйдут из баланса. Литературой мы Вас снабжаем аккуратно, и так будет и впредь». Ответ, надо отметить, «не в бровь, а в глаз», даже несколько насмешливый, но слишком хорошо он узнал Д.Н. Бородина за несколько лет их сотрудничества. Для чистой «монастырской» науки, какой генетика явилась со времен Г. Менделя, Д.Н. Бородин действительно не годился, учитывая еще его неуживчивый и вольнолюбивый характер. Заканчивает Н.И. Вавилов письмо так: «Живы будем увидимся в Америке в 1932 г. Работа здесь идет, справляемся плохо, так как перегружены всякого рода обязанностями, число которых возрастает с каждым месяцем».

В 1932 г. в США, в Итаке должен был состояться VI Международный конгресс по генетике. Н.И. Вавилов на нем собирался присутствовать. О своем участии в Конгрессе он подтверждает в письме от 11 февраля 1930 г.: «Философию из своей поездки скоро, вероятно, напечатаю на английском языке и пошлю Вам: доклад уже делаю». В этом же Н.И. Вавилов сообщает Д.Н. Бородину о возможной реанимации Нью-Йоркского отделения, возможно не в полном объеме, но хотя бы в виде представительства: «Мы поднимаем вопрос о представительстве в Америке. И, может быть, действительно будет командирован В.В. Таланов, который является главным инициатором всего дела. Этот вопрос решится в ближайшие месяцы... Сам я сейчас задавлен обязанностями и писать, к сожалению, не могу. Посылаю Вам только небольшие свои работы за последнее время. Атлас Вы, вероятно, получили». Н.И. Вавилов прекрасно понимал важность возобновления деятельности представительского органа Института в США. Там шло бурное развитие науки и связь с американскими коллегами через легализованное «окно» давало бы ему возможность не только следить за их успехами и современными исследованиями, но и получать ценный генетический материал, новые научные публикации. Одним словом продолжать «быть на глобусе».

18 мая 1929 г. Д.Н. Бородин отвечает: «Получил Ваше письмо от 29 апреля, еще писанное на Нью-Йорк, откуда я вот уже полтора месяца, как уехал». Письмо это написано в Пасадене, штат Калифорния. Он довольно легко воспринял отказ Н.И. Вавилова рекомендовать его Т. Моргану, что только доказывает правильность вавиловской оценки Д.Н. Бородин как человека не склонного к отрешенности от всего, что, с точки зрения Н.И. Вавилова, предполагает занятие научной, «монашеской» работой. Д.Н.

Бородин, правда, не соглашается, что у Т. Моргана «есть что-то похожее на монастырь», но и сам позволяет себе поиронизировать по поводу оставшейся после ухода Моргана из Колумбийского университета генетической лаборатории: «у Колкинса форменная могила и мертвечина. Мухи там, правда истреблены почти нацело, но появились мыши и биометрический, ни к чему не обязывающий уклон. Один русский студент выразился про работу Денна: «Там множат хвосты на голову, а иногда наоборот». Себе же цену он определенно знает: «Оторвавшись и лишившись возможности работать на СССР, я, естественно использую то, чего нет в Америке или что сравнительно редко: теоретическая подготовка и хороший биологический стаж. Работать в прикладной области в Соединенных Штатах надо при стаже в этой области, и я мог бы лишь по прикладной энтомологии при громадной конкуренции с американцами или же в области прикладной ботаники с не меньшей конкуренцией» Тем не менее, на нынешнем своем месте в Пасадене он чувствует себя отлично, «хотя и тут пованивает соотечественниками, кои получают вкус к американскому пирогу, несмотря на свои первоначальные патриотические выступления».

В связи с этим советует: «Карпеченко гоните сюда – неплохо. Тут у Моргана молодой Эммерсон и Андерсон. Тут же Бриджес и Стёртевант. Школа неплохая, а посидев тут, он может и дальше проехать. Дольше года не позволяйте, особенно если он с женой, иначе не увидите. Контраст, несмотря на всякое поощрение ученых в СССР, велик». Дальше не может не коснуться и старых, еще не отболевших дел: «По слухам сюда собираются снова Максимовы для изучения каучуконосных растений. Неужели Юзепчук и Воронов на 100000 ничего не сделали, чтоб стоило опять о том же поднимать разговор? Или это просто предлог? Америка страна не без привлекательности. Напечатал ли что-либо Воронов? Что дал Юзепчук? Моя инициатива, конечно, замолчена. Я в этом уверен. Чересчур дешево я им обошелся, по-видимому». Д.Н. Бородин имеет в виду отказ от его участия в южно-американской экспедиции. И в заключение задает вызывающий вопрос: «Где у Вас в науке новые имена? Где Ваша многообещающая молодежь? Имею программы съездов и абстракты и не вижу пока что многих. Старики орудуют». Н.И. Вавилова, которому в то время было немногим более сорока, он как-то в расчет не берет, также, как и более молодого Г.Д. Карпеченко.

Из следующих писем Д.Н. Бородина (25 апреля, 2 и 3 мая 1930 года) видно, что он никак не остынет от прежней работы, ему никак не порвать связи с родиной, с Н.И. Вавиловым. Он просит его прислать ему фотографии и краткие биографические сведения о ряде известных русских ученых, в том числе о самом Н.И. Вавилове (список прилагался): «Будьте уверены, что сделаете хорошее для СССР дело». Он решил, видимо, заняться популяризацией советской науки в США, т.к. понимал, что от ее успешной рекламы напрямую зависит успех и его деятельности как посредника, замечая, «в последнее время большую энергию немецких ученых и молодежи, которая усиленно рекламирует здесь в Америке все немецкое. Это

было бы неплохо, может быть, если б не было посреднического отношения по отношению к русской науке... Посылать сюда мало, надо делать то, что немцы: реферировать, приучать к русскому языку и поставить русскую науку на должное место». Словом, он решил выступить в этот раз в качестве ее рекламного агента. Склонный к прожектерству, он и здесь не удержался, чтобы не расписать Н.И. Вавилову по пунктам, что он как академик должен предпринять в этом направлении, кончая установкой: «Пишите Ваше решение и действуйте».

Загруженный до предела Н.И. Вавилов несколько раздраженно отвечает уже 30 мая: «я запрос Ваш получил, по мере возможности будем, что можно подбирать, но писать биографии - абсолютно некогда: заняты мы, как черти с раннего утра до поздней ночи. Имейте в виду, в сельском хозяйстве происходит революция и мы в ней принимаем самое непосредственное участие, и поэтому не до биографий и не до портретов, но все же будем иметь в виду Ваши пожелания, а Вы будьте немножко скромнее». Под революцией в сельском хозяйстве имелась, очевидно, в виду начавшийся процесс коллективизации, Н.И. Вавилову и его сотрудникам действительно было не до написания чьих-то биографий, решалась судьба их собственных биографий, целых научных направлений и исследований.

В последнем письме за 1930 г. от 26 июля Д.Н. Бородин пишет: «Ваше письмо с «ругней» по поводу портретов получил. Зря – немцам дорогу расчищаете, сэр. Мне наплевать бы, а Вам не то. Вы СССР-цы, не чересчур-то популярны здесь во многих областях, так хоть в науке хотел Вас осветить, а Вы чертыхаетесь!». Далее он пишет о своей нынешней научной работе с присланными от Н.И. Вавилова семенами проса, ставил модные тогда опыты «по линии Гурвича» с использованием разного рода облучений. В связи с наукой особенно высоко ставит исследования Г.Дж. Мёллера: «Наилучшую работу по генетике, несомненно ведет Мёллер в Остине, Техасе, и, может быть, Гудспид». Весьма критически оценивает работу Моргана: «Т. Морган делает шаги на месте и не хочет сделать шага от дрозофилы, гена, температуры... Его, видимо, раздражает новое, и он начинает окружать себя льстящими ему и курящими фимиам. Старость, Хочу с ним поговорить о том, о сем».

Неожиданно почему-то прошелся по Ю.Н. Воронову: «Воронов - стопроцентная скотина, выражаясь вашим языком», видимо никак не пережив то, что ему не дали поучаствовать в южно-американской экспедиции, хотя в ее подготовке Д.Н. Бородин принимал деятельное участие. Отношение к руководителю экспедиции в Центральную и Южную Америку, финансируемой Резинтрестом, у него было действительно сложное, от очень хорошего до весьма неприязненного, но это вряд ли давало ему право так отзываться о человеке, ставшим организатором и финансистом этой выдающейся по своим результатам экспедиции. Тем более, что, видимо, подорвав там здоровье, он скончался в следующем 1931 году. Его откровенная грубость в адрес Ю.Н. Воронова объясняется отчасти письмом от 26 сентября 1931 г.: «Dear N.I.. В Вашем Бюллетене (Трудах) несколько

лет тому назад помещена статья профессора Воронова о каучуконосных Центральной Америки в виде отчета по экспедиции Резинотреста. Он упоминает о переговорах со мной, как он тянул 1,5 месяца, за это время получая нужные и полезные сведения о каучуконосных... С этим я давно был знаком и кратко напечатал в «Обзрении американского сельского хозяйства» Vol. II, 1925. Профессор Воронов не только не упоминает о том, что консультировался со мной, но добавляет, что кооперация не прошла, ибо я запросил 20000 долларов за свое участие. Вы, как редактор, правда отсутствовавший во время напечатания статьи Воронова, все же ответственны за этот выпад, и был бы лично удовлетворен, если бы Вы написали мне краткое письмо по-английски, с простым и ясным извинением за недосмотр редакции, за ложный выпад старика, боящегося упустить «credit». Я достаточно американизирован, чтобы интересоваться результатами, но мы, американцы, не привыкли к подобным упущениям и требуем поправок».

Характерно, что, обратившись к Н.И. Вавилову со столь неприятным, официальным обращением, в тот же день отправляет ему короткое письмо частного характера: «Dear N.I. К Вам зайдет Татьяна Николаевна – архитектор, переговорить о работе в Детском Селе. Человек она, несомненно подходящий – с опытом, энергией и т.д. Ее рекомендации, надеюсь, подойдут, и если нужен Вам готовый архитектор для оборудования лабораторий, имейте теперь же ее в виду. Она свободна и ей очень на пользу работа загородная». Речь, очевидно, идет о сестре Д.Н. Бородина.

Из писем 1930 г. стоит привести также письмо А.Ф. Бухгольца Н.И. Вавилову от 26 декабря. О его дальнейшей служебной карьере после окончания им Корнеллского университета из переписки ничего не известно, однако письменная связь его с Н.И. Вавиловым на этом не обрывается. В этом письме наряду с короткой справкой об интересующей, видимо, адресата книге, есть и большая приписка: «P.S. Русская газета в Нью-Йорке продолжает бессовестную травлю. Печатают гадости. Так недавно напечатали «известие»: «Известный коммунист и чекист Вавилов (произведенный в «академики» для втирания очков Западу), о систематических командировках на Восток которого для налаживания агентурной сети ГПУ уже сообщалось, выехал для этой же цели в Мексику и Южную Америку. Конечно, командировка эта проходит под флагом «изучения технических и эфирно-масличных растений». А.Ф. Бухголец готов от себя лично требовать опровержения с американской стороны, однако сомневается: «пожалуй не стоит терять достоинства, отвечая на такую пошлость». Примечательно, что об этом пишет Н.И. Вавилову именно А.Ф. Бухголец, а не Д.Н. Бородин, который, наверное, знал о подобных публикациях. Н.И. Вавилов действительно совершал в это время поездку по Америке. Реакция русской эмигрантской газеты на его очередной визит в США не вызывает удивления, скорее брезгливое отвращение, т. к. пронизана не только злобой в отношении ученого, не оставившего Россию и пошедшего ради служения родине и науке на службу к Советской власти, она

просто от начала до конца лжива и провокационна. К чести официальных государственных кругов США это не имело никакого влияния на их отношение к Н.И. Вавилову, и ему было позволено быть везде, куда влекли его научные интересы.

Переписка Н.И. Вавилова с Д.Н. Бородиным постепенно угасает, и причиной этого, скорее всего, является сам Н.И. Вавилов, очевидно, не видя дальнейшей перспективы работы с ним, а возможно, и в связи с большой занятостью. Так в единственном из опубликованных писем Д.Н. Бородина за 1931 год от 4 декабря он пишет: «Писать Вам имеет, по-видимому, очень мало смысла, так как Вы молчите; и из Европы и Питера я не имел ответа». Вместе с тем, не желая полностью обрывать связь с Н.И. Вавиловым, обращается с просьбой выслать ему семена каучуконосов. Сетует на то, что его не упомянули в публикациях по этим культурам: «От Вас я получил четыре оттиска, включая каучуконосные в США – ругнулся вслух, о нас Вы, как о пионере, изволили забыть. В «Digest of American Agricultural» писали мы о сем еще в 1925 г. Сей номер я послал Вам, но Вы прошли мимо. Это явление настолько обычное в России и СССР, видимо, трудно искоренимо... Хорошо бы принять за правило давать честную библиографию и воздавать каждому по делам его. Не вредно и даже полезно не только для одного работника, но и для «мирового» учреждения». Дальше больше, никак не может простить Н.И. Вавилову его отказ заниматься биографиями и портретами знаменитых русских ученых: «О таких «мелочах», как портреты русских ученых, писать Вам больше не намерен. Вас не убедить. Констатирую, однако, что русские научные журналы исчезли с полок и со столов американских университетов почти на 100%, в ходу лишь ряд переводных учебников. Холодок в отношениях с Вами здесь все больше усиливается. Как Вас встречали и провожали в Англии, Швеции и Дании?».

В письме Д.Н. Бородин упоминает также о Кальвине Бриджесе – известном генетике, ученике Моргана, поехавшего работать в СССР, давая советы, как использовать его английский язык: «Мне о нем писали, но он мне не писал. Используйте его по части издания русского научного журнала на иностранных языках, он может вести английскую редакцию генетических работ. Журналу дайте хорошее имя. Улучшите бумагу и утрите нос немцам, взяв у нас всех проституирующих русаков, которые наводнили своими работами немецкую научную прессу. Сколько вы платите немцам пошлины экспортной на своих статьях?». Обращает внимание его не однократно выражаемая нелюбовь, а может ревность ко всему немецкому. Письмо его весьма вызывающее и исполненное нескрываемой обиды на то, что он и в этом вопросе не оценен, отвергнут. Тем не менее, в приписке не упускает случая коснуться частного вопроса: «О сестре писал. Приедет и поговорите. Имеете хорошего архитектора в Детском Селе».

На этот вызов и просьбу Н.И. Вавилов, конечно, не мог ответить. В ответном также единственном за 1931 год письме от 30 декабря пишет: «С сожалением должен сообщить Вам, что достать те семена, которые Вы просите, для меня весьма затруднительно, так как ими распоряжается

Каучуковый фонд. Некоторое время тому назад я собрал для себя семена хондриллы. Узнаю прибыли ли они сюда, и затем пошлю Вам их с большим удовольствием». Далее он объясняет причину не упоминания Д.Н. Бородина в публикациях: «Может быть, я поступил неправильно, не упомянув Вас в своих работах, но, как Вы заметили, я не написал даже об экспедиции Каучукового фонда: это не являлось моей работой. Основной моей целью являлось описание того, что происходит в Соединенных Штатах». А далее рассказывает, чем занимается американский ученый: «Доктор Бриджес чувствует себя хорошо. Он читает лекции, и нам приятно видеть его среди нас. Он успешно овладевает диалектикой. Что касается Ваших благих пожеланий, то мы хотели бы их выполнить, а я сам – за интернационализм в науке. Конечно, хотелось бы использовать для наших изданий бумагу получше, а Вы, вероятно, знаете, что мы кое-что понимаем в качестве издательского дела. Вашу сестру я не видел, но все, что могу сделать, я сделаю с большим удовольствием. Вот и все. Одновременно посылаю Вам мою книгу «Пшеницы Абиссинии». В настоящее время я работаю над «Земледелием Абиссинии». Письмо в целом доброжелательное и корректное, но обращает на себя внимание лишь несвойственное для их прежней переписки обращение: «Глубокоуважаемый доктор Бородин», вместо обычного: «Дорогой Дмитрий Николаевич!», что свидетельствует о том, что теплоту взаимоотношений, несмотря ни на что, уже не вернуть – наступил закат общения как делового, так и человеческого. Это последнее из опубликованных писем Н.И. Вавилова Д.Н. Бородину.

Определенное охлаждение произошло-таки между ними и, видимо, гораздо раньше, чем вышеприведенные письма. При этом по-человечески более достойно и сдержанно предстает в этой переписке Н.И. Вавилов, с его искренне добрым отношением к людям, высокой культурой человеческого общения, присущей лучшим представителям русской интеллигенции. Этого не скажешь о Д.Н. Бородине, с его гипертрофированным самомнением, самолюбием и конфликтным характером, мешающим по-настоящему прочным деловым и просто человеческим отношениям.

И все-таки Д.Н. Бородин не хотел смириться с окончательным завершением столь долгой переписки и деловых отношений с одним из ведущих и признанных в научных кругах мира уже в те годы ученым, каким являлся Н.И. Вавилов. Перейдя также на более официальный тон: «Уважаемый (вместо дорогой) Николай Иванович», в письме от 12 марта 1932 года он обращается к нему с новым предложением сотрудничества, правда, ничего не говоря об организации, которую представляет: «Нам посоветовали обратиться к Вам и предложить услуги по обеспечению Вас лично и Ваших организаций и институтов вырезками из текущих американских газет, в которых содержится интересующая вас информация». В письме предлагается информация по двум вопросам: 1) экспедиции и географические исследования и 2) генетика и новые культуры. Все, разумеется за плату через подписку: «Подписка вступает в силу с даты поступления от Вас денежного векселя или чека с заполненным

формуляром». За отсутствием опубликованного ответа не известно, как отнесся к этому предложению Н.И. Вавилов.

И все же Д.Н. Бородин стала увлекать наука, благодаря передовым и сенсационными по тем временам веяниям. Эти веяния в очередной раз пришли из России, только героем их был уже не Н.И. Вавилов, а Т.Д. Лысенко. Д.Н. Бородин увлекся опытами по яровизации. В письме от 4 октября 1933 г., посланным из Вашингтона, он радостно сообщает Н.И. Вавилову снова обращаясь к нему «дорогой Николай Иванович»: «Можете поздравить меня с успешной яровизацией 31 сорта озимого овса и 16 сортов озимого ячменя здесь а Арлингтоне, штат Виргиния и в Абердине, штат Айдахо, где они высевались после того, как были мной обработаны... Короткий отчет вскоре будет представлен в «Journal of Heredity» и я предполагаю обсудить его на заседании Американской ассоциации содействия развитию науки, которая состоится в декабре в Бостоне. Шестнадцать образцов проса (полученных от Вас в 1929 г.) были подвергнуты яровизации еще в 1930 г. во время моего пребывания в Институте Бойса Томпсона в Йонкерсе, о чем рассказывал Вам в Кливенде, но у меня нет списка названий сортов. В приложении Вы найдете список по номерам и буду очень благодарен, если Вы дадите мне названия и источники по этим цифрам». Из этого письма видно, что Д.Н. Бородин сильно увлекся модными по тем временам опытами по яровизации, однако не слишком утруждал себя ссылками на источник их возникновения, имея в виду, конечно Т.Д. Лысенко. Правда в приписке к письму сообщает: «У меня есть «Бюллетени яровизации», 1-4. Вышли ли какие-либо еще?».

В этом отношении выглядит несколько курьезным короткий запрос австралийского ученого Г. Венхольца от 12 января 1933 г. лично Н.И. Вавилову: «Уважаемый доктор Вавилов. Был бы рад, если бы Вы любезно согласились выслать мне описание всех подробностей последнего открытия доктора Д.Н. Бородина, касающегося яровизации семян. С совершенным почтением Г. Венхольц». Н.И. Вавилову пришлось ответить ему по этому вопросу 28 мая 1933 г. «К сожалению вся основная литература по яровизации семян в нашей стране публикуется на русском языке, главным образом доктором Лысенко, который предложил этот метод. Его адрес: Институт селекции и генетики растений, п/я 152, Одесса. Если Вы хотите получить статью, Вы можете написать непосредственно ему. Рекомендую Вам посмотреть в немецком журнале «Züchter» две очень хорошие статьи на эту тему, которые были опубликованы в 1932 г. доктором Сапегиным и в 1933 одним немецким автором. Они дадут Вам наилучшее представление о том, что было сделано в этом направлении. Доктор Бородин не имеет отношение к этому методу. Скорее всего он сослался на работу доктора Лысенко». Насчет того, сослался ли Д. Н. Бородин на Т.Д. Лысенко в своих публикациях об опытах по яровизации данных нет. Не известно были ли они вообще. В указанном им журнале материал Д.Н. Бородина за 1933 г. отсутствует. Нет его статьи и в номерах за 1934 г. Правда, имеется короткая редакционная заметка о работах в США в 1840 г. по сокращению вегетационного периода

растений: «Jarovisation is not new» (J. Heredity 1934, V.25, N 10, P.405). Если рассматривать это недоразумение как результат продолжающегося повышенного интереса Д.Н. Бородина к достижениям советской сельскохозяйственной науки, их популяризации и пропаганды, то, похоже, здесь он переусердствовал. Мало того просто ввел в заблуждение некоторых иностранных ученых, о чем свидетельствует письмо Г.Венхольца. В этом, очевидно, самом последнем из опубликованных писем Н.И. Вавилову есть указание на то, что Д.Н. Бородин встречался с ним в США, в Кливленде. Только не указано, в каком году, в 1930 или 1932, когда Н.И. Вавилов посетил Америку.

Заключение

Подводя итог деятельности Нью-Йоркского отделения прикладной ботаники, следует признать, что она была достаточно короткой, но весьма плодотворной. За какие-то неполные три года удалось интродуцировать не один десяток тысяч образцов растений, в том числе не только американского происхождения, но и из ключевых регионов Старого Света, наиболее интересующих Н.И. Вавилова в отношении происхождения многих культурных растений. Много за это время было переслано и научной литературы, научно-технической информации. Было приобретено кое-какое научное оборудование. Начал осуществляться интродукционный обмен и со стороны Советского Союза. После преобразования Отделения в Сельскохозяйственное Бюро эта работа не была полностью прекращена, хотя имела уже более ограниченный характер. Но в это время разворачиваются масштабные вавиловские экспедиции и потребность в американском представительстве его института заметно снизилась. В 1933 г. устанавливаются, наконец, дипломатические отношения СССР с США, и контакты, в том числе научные, между двумя странами во многом облегчились и улучшились. Н.И. Вавилов продолжает и после прекращения переписки с Д.Н. Бородиным переписываться с некоторыми американскими корреспондентами, с которыми у него установились давние деловые и дружеские контакты (М.О. Шаповаловым, Я. Пинкусом и др.).

С М.О. Шаповаловым у Н.И. Вавилова установились самые доверительные и дружеские отношения еще со времен его первой поездки в США в 1921 г. М.О. Шаповалов эмигрировал в США еще до революции, полностью натурализовался там и, будучи хорошим фитопатологом, стал служить в Департаменте земледелия, ведущем государственного учреждения по сельскому хозяйству. Тем не менее, у М.О. Шаповалова были серьезные намерения репатриироваться на свою родину. Когда-то он был членом РСДРП и старые социал-демократические идеи, видимо, давали о себе знать, хотелось поучаствовать в строительстве нового социалистического общества. Н.И. Вавилов поначалу приветствовал это его решение. Мало того, у него были определенные виды на привлечение его к работе вместо Д.Н. Бородина после отстранения того от руководства Сельскохозяйственным бюро. В

письме М.О. Шаповалову от 22 июня 1931 г. он извещает того: «Вопрос о научном представительстве СССР в Америке по существу давно решен и по случайным обстоятельствам задерживалось проведение его в жизнь. Это представительство должно быть связано с Академией сельскохозяйственных наук им. Ленина и с Амторгом, как деловой ассоциацией, представляющей Союз в Соединенных Штатах». В качестве главы такого представительства Н.И. Вавилов рекомендовал М.О. Шаповалова. Однако уже в письме от 7 октября 1931 г. он объясняет почему приглашение М.О. Шаповалова на работу в СССР пока надо отложить: «Эта (прошлая ныне) весна была не очень легкая для специалистов в СССР. Волна недоверия в связи с процессом Рамзина, Суханов, Осадчего и др. пошла дальше и выразилась недоверием вообще к интеллигенции.». В СССР начинается процесс над Промпартией, под угрозой ареста оказался и ряд ведущих специалистов сельского хозяйства. До них доберутся несколько позже при подготовке суда над мифической Трудовой крестьянской партии, по сфабрикованному делу которой привлекут потом и самого Н.И. Вавилова. Через год в письме от 12 октября 1932 г. Н.И. Вавилов пишет: «Насчет Сельскохозяйственного Бюро в С.Ш. все еще неясно. Особенно в связи с крупными сдвигами в земледелии... В устройстве бытия большие трудности. Вот почему, дорогой Михаил Осипович, я так нерешительно тереблю Вас». Это был недвусмысленный намек М.О. Шаповалову о том, что ехать ему в СССР пока не следует. В СССР побывали его жена и сын, но сам он мудро последовал совету Н.И. Вавилова. Переписка между ними не прекращалась до самого ареста Н.И. Вавилова, некоторые письма М.О. Шаповалова приходили и после его ареста.

Обширная деловая переписка установилась в 30-годы между Н.И. Вавиловым и представителем Амторга Я. Пинкусом (J. Pincus). В одном из писем Н.И. Вавилов характеризует его: «Пинкус знает довольно хорошо американскую агрономию и неоднократно оказывал СССР помощь в получении необходимых семян, литературы и информации. Он очень аккуратный человек, очень обязателен в выполнении просьб, которые направляются к нему с различных сторон от наших агрономических учреждений... он несомненно способствовал много обмену научным опытом с Америкой». Из письма видно, что Н.И. Вавилов очень ценил деловые контакты с этим профессионально хорошо подготовленным и услужливым сотрудником Амторга. Это особенно плодотворно сказалось после ухода Д.Н. Бородина. У него, видимо, также были определенные виды на этого ценного сотрудника. Заинтересованность самого Я. Пинкуса в сотрудничестве с Н.И. Вавиловым видна из его письма от 18 ноября 1931 г.: «Каковы Ваши планы относительно открытия Бюро информации в Соединенных Штатах и как скоро оно может начать работать?». В письме от 7 июля 1933 г. Н.И. Вавилов вполне определенно уже сообщает Я. Пинкусу: «Мне известно, что Сельскохозяйственное Бюро в Нью-Йорке закрылось, так что мы будем иногда просить Вас о помощи». Я.Пинкус дважды посетил

СССР и в его лице Н.И. Вавилов имел очень важного помощника при научно-технических связях с США.

В 1930 и в 1932 гг. он лично посетил еще раз Америку, совершил экспедиции, в том числе и в ряд стран Южной Америки, интерес к которым у него был всегда. Поездка по ним была очень продуктивной, собрано было им лично много образцов. Очная встреча с Д.Н. Бородиным как будто тогда состоялась (в Кливленде), но ничего большего о ней и дальнейшей судьбе Д.Н. Бородина из-за прекращения переписки не известно. В России у него оставалась мать, сестра, которую он просил Н.И. Вавилова пристроить у себя в Детском Селе. Скорее всего, он окончательно американизировался и в Россию не вернулся. И правильно сделал, ибо участь его была бы наверняка незавидной, как и других известных американские визитеров из России, включая Н.М. Тулайкова, В.В. Таланова, Г.К. Мейстера, Н.К. Кондратьева и др., которых принимал в свое время Д.Н. Бородин. Их постигла такая же трагическая судьба как и самого Н.И. Вавилова, были репрессированы, кто раньше, кто позже.

Переписка между Н.И. Вавиловым и Д.Н. Бородиным очень интересна и познавательна, давая во многом представление о проблемах, событиях, фактах того времени, времени становления Н.И. Вавилова как большого ученого и организатора сельскохозяйственной науки в СССР, а его института (ВИР) как ведущего научного центра мирового значения. Переписка интересна и своеобразна в том отношении, что отражает и личностные черты характера того и другого корреспондента. Из всей международной переписки Н.И. Вавилова это, пожалуй, одна из самых живых, наполненных многими по-человечески любопытными деталями. Стиль письма обоих очень свободный, раскованный, а со стороны Д.Н. Бородина даже рискованный. Они общаются на равных, и должный пиетет, а иногда и этикет Д.Н. Бородин явно не соблюдает. Не поэтому ли в одном из писем Н.И. Вавилова есть строки: «Вообще Ваши запросы очень грубы и на Ваши письма мне иногда не хочется отвечать, да и не только мне одному». Со стороны же Н.И. Вавилова переписка выглядит всегда и во всем очень корректной, откровенной и уважительной. Он и здесь предстает, в отличие Д.Н. Бородина, личностью очень цельной и знающей, к какой цели идет и чего собирается достигнуть. Представленная здесь переписка только дополняет и по-своему раскрывает образ этого великого ученого, выдающегося гражданина мира и патриота своей страны, замечательного человека, память о котором останется в веках.

Литература

1. Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том I. 1921 – 1927. М., «Наука», 1994.

2. Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том II. 1927 - 1930. М., «Наука», 1997.
3. Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Том III. 1931-1933. М., «Наука», 2000.
4. Пыженков В.И. Н.И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро прикладной ботаники (ВИР). СПб, 2007. 50с.
5. Петр Бережной, Роальд Удачин. НА КОСТРЕ. Москва, «Барс», 2001, 255с.
6. Есаков В.Д. Николай Иванович Вавилов. Страницы биографии. М., Наука, 2008, 287с.
7. Лоскутов И.Г. История мировой коллекции генетических ресурсов растений в России. СПб, 2009. 293с.
8. Трускинов Э.В. Н.И. Вавилов. Драма жизни и смерти (литературно-публицистический очерк). СПб, 2006. 47с.
9. Трускинов Э.В. Тени прошлого и настоящего – современные попытки дискредитации научного и гражданского наследия академика Н.И. Вавилова. СПб, 2007. 31с.
10. Трускинов Э.В. Н.И. Вавилов в Царском Селе. Санкт-Петербург, 2009. 32с.
11. Pringle Peter. The murder of Nikolai Vavilov: the story of Stalin's persecution of one of the great scientists of the twentieth century. New York, 2008. 371 pp.

Э.В. Трускинов
5.09.09 - 27.02.2012

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Арцыбашев Д.Д.
Барулина Е.И.
Бедный Демьян
Берг Л.С.
Бруман А.И.
Буденный С.М.
Букасов С.М.
Бухгольц А.Ф.
Вавилов С.И.
Вавилов О.Н.
Воронов Ю.Н.
Горбунов Н.П.
Добржанский Ф.Г.
Дубянский В.А.
Жуковский П.М.
Зайцев Г.С.
Зив П.Я.
Исаев В.М.
Карпеченко Г.Д.
Кичунов Н.И.
Коль А.К.
Кондратьев Н.Д.
Лысенко Т.Д.
Макаров Н.П.
Максимов Н.А.
Мейстер Г.К.
Миртов И.А.
Пантелеев А.М.
Переферкович
Пинкус Я.В.
Писарев В.Е.
Поспелов В.П.
Прянишников Д.Н.
Регель Р.Э.
Рыков А.И.
Сенин В.Н.
Смирнов А.П.
Таланов В.В.
Ткачук К.Н.
Фляксбергер К.А.
Хургин
Чаянов С.К.
Челинцев
Чинго-Чингас К.М.
Шаллерт Е.М.
Шаповалов М.О.
Шефлер М.Е.
Юзепчук С.В.
Якушкина О.В.
Ячевский А.А.
Altenburg E.
Baker O.E.
Ball C.R.
Bateson W.
Biffen R.
Bridges C.
Clark N.E.
De Vries H.
Goodspeed T.N.
Harlane H.V.
Morgan T.H.
Muller H. J.
Popenoe W.
Reed G.M.
Richie F.D.
Rosen E.I.
Stuart W.
Sturtevant A.H.
Taylor W.A.
Trusdall
Wenholz H.

Список лиц, упомянутых в переписке Н.И. Вавилова и Д.Н. Бородина

Арцыбашев Д. Д. (1873-1942) – специалист по с.-х. машиностроению и декоративному садоводству. С 1917 по 1922 гг. заведующий Бюро иностранных сношений и заместитель председателя СХУК. С 1922 г. член президиума ГИОА. В 1925-1928 гг. заведовал отделом натурализации древесных культур ВИПБ и НК. После 1928 г. работал в Академии коммунального хозяйства. Был репрессирован, реабилитирован посмертно.

Барулина Е.И. (1895-1957) – генетик, систематик культурных растений. С 1917 г. работала в Саратовском отделении Бюро прикладной ботаники. В 1921-1939 гг. ассистент, сотрудник отдела селекции и генетики ВИПБ и НК (ВИР). Основные работы посвящены бобовым культурам. С 1927 г. жена Н.И. Вавилова.

Бедный Демьян (1883-1945) – псевдоним Е.А. Придворова. Поэт, начал печатать стихи с 1912 г.

Берг Л.С. (1876 – 1950) – биолог и географ. С 1916 г. – профессор Петроградского университета. В 1922-1929 гг. заместитель директора ГИОА. С 1934 г. работал в Зоологическом институте АН СССР. С 1940 г. президент Географического общества. С 1945 г. академик АН СССР.

Бруман А.И. – российский эмигрант в США, специалист по защите растений.

Буденный С.М. (1883-1973) – советский военачальник, маршал Советского Союза.

Букасов С.М. (1891-1983) – ботаник, академик ВАСХНИЛ с 1956 г. С 1918 г. работал в Бюро по прикладной ботанике. С 1946 по 1974 гг. заведующий отделом клубнеплодов ВИР. Основные научные работы посвящены систематике картофеля. В 1925-1926 гг. принимал участие в экспедиции в Центральную и Южную Америку, в ходе которой им были открыты новые виды картофеля.

Бухгольц А.Ф. – российский эмигрант в США, окончил Корнеллский университет, С 1922 г. помощник Д.Н. Бородина в Нью-Йоркском бюро Отдела прикладной ботаники. С 1927 г. сотрудник Ботанического сада Миссури.

Вавилов С.И. (1891-1951) – физик, основные работы по оптике. Академик АН СССР с 1932 г. В 1945-1951 гг. президент АН СССР. Родной брат Н.И. Вавилова.

Вавилов О.Н. (1917 – 1948) – физик, работал по космическим лучам в Физическом институте АН СССР. Погиб при невыясненных обстоятельствах на горнолыжных сборах на Кавказе. Сын Н.И. Вавилова.

Воронов Ю.Н. (1874-1931) – ботаник, географ, систематик растений, специалист по субтропической флоре. С 1925 г. работал в ГИОА и Главном ботаническом саду в Ленинграде. Возглавлял экспедицию Резинтреста в Центральную и Южную в 1925-1926 гг., к которой Н.И. Вавиловым был прикомандирован С.М. Букасов.

Горбунов Н.П. (1892-1937) – государственный деятель, организатор науки, академик АН СССР с 1935 г. С 1917 г. – секретарь Совнаркома и В.И. Ленина. В 1924-1929 гг. – председатель Ученого совета ВИПБ и НК. В 1928-1936 гг. возглавлял комиссию Комитета по химизации, в 1932-1935 гг. Таджикско-Памирскую экспедицию при СНК. В 1937 г. расстрелян, реабилитирован в 1988 г.

Добржанский Ф.Г. (1901- 1975) – генетик, в 1921 г. окончил Киевский университет. В 1924-1927 гг. работал в Ленинградском университете. В 1928 г. по гранту фонда Рокфеллера уехал в США в Калифорнийский технологический институт в Пасадене. С 1936 г. профессор ряда университетов США.

Дубянский В.А. (1877-1962) – ботаник, географ, основатель Репетской опытной станции Песчано-пустынного института АН СССР. С 1925 г. сотрудник ВИПБ и НК.

Жуковский П.М. (1888 - 1975) – ботаник, растениевод. В 1920-годы сотрудник Тифлисского ботанического сада. В 1925-1934 гг. работал в ВИПБ и НК. В 1934-1951 гг. профессор ТСХА. В 1951-1960 гг. директор ВИР. В 1925-1927 гг. провел экспедиционное обследование Малой Азии.

Зайцев Г.С. (1887-1929) – селекционер, специалист по хлопчатнику и масличным культурам. С 1922 г. заведовал основанной им Туркестанской селекционной станцией, Зив П.Я. – президент Амторга. В 1921 г. был торгпредом СССР в Эстонии.

Исаев В.М. (? -1924)- зоолог, изучал взаимодействие клеток при сращивании организмов (химеры).

Карпеченко Г.Д. (1899-1942) - генетик, в 1924-1941 гг. заведовал лабораторией генетикой в ВИРе и кафедрой генетики в ЛГУ (с 1938 г.). В 1020-е годы стажировался по гранту фонда Рокфеллера в Англии, Германии, а позднее в США у Т.Х. Моргана в Калифорнийском университете. Репрессирован в 1941 г., посмертно реабилитирован.

Кичунов Н.И. (1863-1942) – садовод, с 1922 г. ученый-специалист по плодоводству в ГИОА, затем ВИР.

Коль К.К. (1877-?) – агроном, с 1924 г. в ГИОА, с 1925 г. – заведующий отделом интродукции ВИПБ и НК. Автор газетных статей и доносов в НКВД на Н.И. Вавилова,

Кондратьев Н.Д. (1892-1938)–экономист, в 1920-1928 гг. директор Конъюнктурного института при Наркомфине и начальник управления планирования сельского хозяйства при НКЗ. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Лысенко Т.Д. (1898-1976) – агроном, в 1921- -1925 гг. учился в Киевском с.-х. институте на заочном отделении, работал на Белоцерковской селекционной станции. С 1925 г. зав. отделом бобовых культур на Гянджинской селекционной станции (в системе ВИПБ и НК). В 1929 – 1934 гг. ст. специалист отдела физиологии Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе. С 1934 г. чл.-корр. АН УССР, с 1935 г. академик ВАСХНИЛ. В 1938-1956 гг. и в 1961-1962 гг. президент ВАСХНИЛ. Приобрел известность рядом работ, в частности по яровизации. Боролся с классической генетикой, что крайне отрицательно сказалось на биологических исследованиях в стране. Имел прямое отношение к трагической судьбе Н.И. Вавилова и его сотрудников.

Макаров Н.П. (1886-197?) –экономист, окончил МГУ. С 1911 г. преподаватель Воронежского СХИ, затем профессор (с 1918 г.). В 1920 -1924 гг изучал проблемы сельского хозяйства в США и Западной Европе. В 1924 - 1933 гг. профессор ТСХА и МГУ. В 1933 г. репрессирован, реабилитирован в 1956 г.

Максимов Н.А. (1880-1952) – физиолог растений, в 1927-1933 гг. руководил Отделом физиологии растений в ВИПБ и НК (ВИР). С 1939 г. работал в Институте физиологии растений., с 1946 г. директор института.

Мейстер Г.К. (1873-1943) –селекционер, генетик. В 1920 -1937 гг директор Саратовской опытной с.-х. станции, заведующий кафедры генетики и селекции Саратовского СХИ. С 1935 г. академик, а с 1937 г. вице-президент ВАСХНИЛ. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Миртов И.А.

Пантелеев А.М. –начальник ОЗРа Наркомзема РСФСР до 1931 г.

Переферкович - животновод, ездивший в 1920-е годы в США за тонкорунными овцами.

Пинкус Я.В. – представитель Амторга.

Писарев В.Е. (1882-1972) – агроном. селекционер, в 1920 -1935 гг. работал в ГИОА, затем ВИПБ и НК (ВИР). с 1925 г. заместитель директора, организатор и участник экспедиции в Монголию. В 1933 г. был репрессирован, но освобожден в 1934 г. С 1936 г. сотрудник, затем директор НИИ сельского хозяйства Нечерноземной зоны ВАСХНИЛ.

Поспелов В.П. (1872-1949) - энтомолог, с 1918 г. заведующий отделом прикладной энтомологии СХУК (позже ГИОА), затем сотрудник ВИЗР.

Прянишников Д.Н. (1865-1948) – агрохимик, физиолог, с 1895 г. профессор, заведующий кафедрой частного земледелия МСХИ (потом ТСХА). С 1929 г. академик АН СССР. Учитель Н.И. Вавилова.

Регель Р.Э. (1867-1920) – ботаник, с 1900 г сотрудник, а с 1905 г. заведующий Бюро прикладной ботаники СХУК. В 1908 г. организовал издание «Труды Бюро по прикладной ботанике». Рекомендовал Н.И. Вавилова на пост своего заместителя и добился соответствующего решения СХУК.

Рыков А.И. (1881-1938) – советский государственный и партийный деятель. В 1924-1930 гг. был председателем Совнаркома СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Сенин Н.В.(1886-1943) – советский государственный и партийный деятель. В 1923-1928 гг. начальник управления сельского хозяйства НКЗ РСФСР.

Смирнов А.П. (1877-1938) – советский государственный и партийный деятель. В 1923-1928 гг. народный комиссар земледелия РСФСР.

Таланов В.В. (1877-1936) –растениевод, селекционер. В 1926- 1932 гг. работал в ВИПБ и НК (ВИР). Член-корр. АН СССР с 1931 г. Инициатор и один из первых организаторов системы сортоиспытания с.-х. культур. Был репрессирован.

Ткачук К.Н.. – репатриант из США в Советскую Россию.

Фляксбергер К.Н. (1880-1939) - ботаник, специалист по систематике хлебных злаков. С 1905 г. сотрудник Бюро прикладной ботаники, заведующий отделом систематики пшениц ВИР. Репрессирован, погиб в заключении.

Хургин – работник Амторга.

Чаянов С.К. (1882-1963) – агроном. В 1907 г. окончил МСХИ (ТСХА). В 191-1923 гг. сотрудник Воронежской областной с.-х. опытной станции. В 1924 -1928 гг. начальник управления НКЗ РСФСР. В 1928-1938 гг. работал в Гидрометеослужбе. С 1938 г. директор Всесоюзного института лекарственных растений. Был репрессирован, реабилитирован в 1957 г.

Чинго-Чингас К.М. (1884-1939) – агроном, технолог. Учился вместе с Н.И. Вавиловым в МСХИ (ТСХА). В 1922 г. основал первую в стране мукомольно-хлебопекарную лабораторию. В 1933 - 1937 гг. сотрудник ВИР. Был дважды арестован, умер в заключении.

Шаллерт Е.М. - секретарь-стенографистка на иностранных языках, С 1925 г. работала в ВИПБ и НК (ВИР).

Шаповалов М.О. (1880-186?) - фитопатолог, родился в России. учился в Юрьевском университете в 1903-1906 гг., исключен как член РСДРП, преследовался полицией. В 1911 г. эмигрировал в США. С 1917 г. работал в системе департамента земледелия США.

Шефлер М.Е. –ответственный работник НКЗ, С 1924 г. редседатель Сельскохозяйственного банка СССР.

Юзепчук С.В. (1893-1959) – ботаник, географ растений. Участник экспедиции Ю.Н. Воронова в Южную Америку (1926-1927 гг.). Сотрудник Ботанического института, в 1927 г. временно работал в ВИБП и НК.

Якушкина О.В. – растениевод, работала с Н.И. Вавиловым в Саратовском СХИ

Ячевский А.А. (1863-1932) - миколог и фитопатолог. С 1917 г. заведующий отделом микологии и фитопатологии СХУК. С 1923 г. член-корр. АН СССР. Вместе с Н.И. Вавиловым посетил США в 1921-1922 гг.